

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издается с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2010. №1(8) Январь-март

Главный редактор

Н.С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАГН
(г. Горно-Алтайск)

Первый зам. главного редактора

В.Г. БАБИН — кандидат исторических наук, проректор ГАГУ по научной работе
(г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА

Горно-Алтайский государственный университет

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ю.В.ТАБАКАЕВ (председатель совета) —
доктор философских наук, профессор,
академик РАЕН, ректор ГАГУ
(г. Горно-Алтайск)

А.Н. АЛЕКСЕНКО — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)

В.Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук профессор (г. Красноярск)

Н.Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

А.Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

В.Д. КУБАРЕВ — доктор исторических наук профессор (г. Новосибирск)

О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. Улан-Батор)

А.И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН
(г. Кемерово)

В.Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)

Л.И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)

М.В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)

Э.М. ЩАГИН — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.И. ПАКЛИН (зам. главного редактора)
кандидат исторических наук, доцент
(г. Горно-Алтайск)

А.П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)
О.М. ГАНБОЛД — профессор
(г. Ховд, Монголия)

Э.П. ДВОРНИКОВ — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)

Д.М. КАРАЧАКОВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций (Россвязь надзор)
Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-36173 от 06.03.2009

Подписано в печать 15.02.2010. Формат 60x84/8. Усл.печл. 11,57. Тираж 150 экз.
Зак. №10105

Отпечатано в типографии
Горно-Алтайского университета.

649000, Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1.

© Горно-Алтайский государственный университет, 2008.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

СОДЕРЖАНИЕ

Анкудинова Т. В.	
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ Г. ГОРНО-АЛТАЙСКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ	2
Арыкова Н. Г.	
РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕЕ РАБОЧЕЙ СИЛОЙ В ГОДЫ ЧЕТВЕРТОЙ И ПЯТОЙ ПЯТИЛЕТОК	8
Дворников Э. П.	
ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ: О ВОЗМОЖНОСТЯХ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ	14
Иванцова Н. Ф.	
В. Г. ТЮКАВКИН: ФИЛОСОФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.	16
Завьялов А. А.	
ПОЧТОВЫЕ ТРАКТЫ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.	20
Захарова Т. В.	
СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	26
Кудинов Ю. М.	
Р. И. ЭЙХЕ О ПРОБЛЕМАХ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	29
Малахова-Полякова О. В., Модоров Н. С., Черляков И. Г.	
РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ (XIX — НАЧАЛО XX В.)	32
Молодых Л. Л.	
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА АЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	35
Мыглан В. С., Жарникова О. А.	
ПРИМЕНЕНИЕ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА ДЛЯ ДАТИРОВКИ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА В П. БЕРЕЗОВО	43
Павлюкевич Р.	
РУССКИЙ С КИТАЙЦЕМ — БРАТЬЯ НАВЕК (ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КИТАЯ В СОВЕТСКИХ СМИ НА ПРИМЕРЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЙ НА СМЕРТЬ И. В. СТАЛИНА)	46
Поликарпов И. А.	
ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ «РЕВОЛЮЦИИ ТРЕХ ОКРУГОВ 1944–1949 ГГ.» ...	50
Попов А. В.	
ЦЕРКОВНЫЕ БИБЛИОТЕКИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА И США	53
Чернов К. Н.	
РОССИЯ — ВОСТОК ВО ВЗГЛЯДАХ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО И Э. Э. УХТОМСКОГО	61
Эбель А. В., Ван Де Керхове Рубен, Юркова Н. А.	
МОНИТОРИНГ ТЕМПЕРАТУРЫ ПОЧВЫ В ДОЛИНЕ РЕКИ УЛАНДРЫК: ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПОНИЖЕНИЯ ТЕМПЕРАТУРЫ НА КУРГАН	67
Юдина А. Ю.	
ГОСПИТАЛИ ГОРОДА РУБЦОВСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	72
РЕЦЕНЗИЯ	76
ЮБИЛЕИ. ИНФОРМАЦИЯ	78

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленина, 1, Университет,
редколлегия Журнала «Мир Евразии»,
Тел.: 8 (388-22) 2-62-33. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru
Индекс научного цитирования: <http://elibrary.ru>

УДК 902

T. B. Анкудинова

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ Г. ГОРНО-АЛТАЙСКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ХХ В. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

В статье анализируется широкий круг опубликованных материалов и источников, касающийся истории становления и развития г. Горно-Алтайска в первой половине XX в.

**Отечественная историография, история страны и регионов,
состояние и проблемы, задачи изучения**

В отечественной историографии интерес к рассматриваемой теме в разные годы был различным. Это связано и со значением городов в жизни страны (индустриализация, урбанизация и т.п.), и с приоритетами в исторических исследованиях. Тем не менее, нами выделен значительный круг публикаций, посвященный истории развития городов сибирского региона и в том числе Алтая. Оговоримся сразу, что специальных исследований по истории Улалы — Ойрот-Туры — Горно-Алтайска нами не выявлено. Хотя в ряде работ по более широкой проблематике мы находим упоминания, ссылки, некоторые массивы фактов, оценки по тематике исследования в целом или отдельным аспектам темы.

Вопросы изучения истории сибирского города в дореволюционной отечественной историографии второй половины XIX — начала XX вв. получили частичное освещение. Все исследователи единодушны в мнении, что город играет огромную, и во многих отношениях определяющую роль в истории цивилизации. Круг вопросов, по которым шло изучение истории города, весьма многогранен. Это социальные, культурные, экономические, политические, демографические, градостроительные факторы в становлении и развитии городов.

Вопросам изучения сибирского города посвящены исследования Н. А. Абрамова, К. Голодникова, И. И. Завалишина, Н. Кострова, Н. Путинцева, Н. Турчанинова, П. А. Словцова [1]. В работах представлен солидный фактический материал по городам, описание различных сторон городской жизни. Одним из первых на региональные особенности развития сибирских городов обратил внимание П. А. Словцов [2]. В «Историческом обозрении Сибири», им охарактеризованы различные стороны сибирской городской жизни, приведены данные о внешнем облике городов, составе населения, его быте, занятиях, а также значительное внимание удалено такому явлению, как городской образ жизни.

В изучение истории городского населения региона определенный вклад внесли Н. А. Абрамов, И. И. Завалишин и др. Анализ некоторых социально-экономических аспектов в развитии городов содержится в работах краеведа Н. А. Абрамова и И. К. Завалишина [3], где описаны быт и занятия горожан, даны сведения о городах Западной Сибири, приводятся данные о населении, дается характеристика городов в социально-экономическом и административном плане.

Следует отметить исследования К. Голодникова, Н. Кострова, Н. Турчанинова, Н. Путинцева. Во многом эти авторы стремились показать фактическую сводку о населении и состоянии экономики Западной Сибири, что обусловило в определенной степени описательность их публикаций. В работе «Азиатская Россия» содержится раздел, специально посвященный сибирским городам, автором которого является Н. В. Турчанинов, гдедается детальное описание ускоренного финансово-хозяйственного развития городов, хотя, научный анализ явлений отсутствует.

Значительный вклад в изучение истории социально-экономического развития сибирских городов внесли авторы областнической ориентации. Они мобилизовали весь фактический материал по истории городских центров, а один из лидеров сибирских областников Г. Н. Потанин разработал их типологию, разделив города на чиновничьи и буржуазные. В целом, областники С. С. Шашков, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и др. отразили в своих исследованиях различные стороны развития городов Сибири [4].

Отдельные аспекты истории городов Алтая освещены в трудах ссыльных народников П. А. Голубева и Г. Б. Баитова [5]. П. А. Голубев [6] в историко-статистическом сборнике «Алтай» привел интересные сведения по истории городов Алтайского горного округа, составе населения, социально-экономическому развитию во второй половине XIX в., показал специфику положения городов на кабинетских землях, высказал критические суждения о сдерживающем воздействии политики Кабинета Его Императорского Величества на экономику и рост городов в целом.

Названными авторами не исчерпывается круг дореволюционных исследователей, оставивших свой след в изучении истории социальных, экономических, политических и др. проблем сибирского города. Однако большинство дореволюционных публикаций представляют собой лишь отдельные очерки экономической или общественно-политической жизни городов, основанные на ограниченной документальной базе.

Это касается общесибирских работ, а применительно к рассматриваемому нами региону имеется лишь несколько публикаций. Истории дореволюционной Улалы посвящено исследование З. Рихтер [7], которая совершила поездки по Алтаю в 1924 г. Работа носит чисто описательный характер и в общих чертах рисует образ села периода начала

XX в. Подобные краткие односюжетные описания содержатся в «Записках» [8] исследователей Горного Алтая, совершивших свои путешествия по территории Алтая в конце XIX — начале XX вв. Эти публикации не позволяют создать целостной картины, но, тем не менее, освещают некоторые стороны жизни Улалы конца XIX в.

Обращаясь к историографии темы советского времени, отметим несколько моментов. *Первое.* Значительное число исследований в советский период посвящалось истории российского города. Это, прежде всего, работы В. И. Бовыкина, А. Г. Вишневского, С. С. Илизарова, Ю. Р. Клокмана, В. М. Кабузана, В. В. Карлова, Л. В. Куприяновой, Б. Н. Миронова, П. Г. Рыдзюнского, А. Г. Рашина, М. Г. Рабиновича, А. М. Сахарова, А. Л. Хорошкевич, А. С. Черкасовой, Д. Н. Шанского, Н. В. Шелгунова. Основные направления по которым изучалась история российских городов — демографические, социальные, экономические аспекты: количество городов, отраслевая структура, численность горожан, их социальный состав, отраслевая структура, особенности воспроизводства городского населения, формирование отдельных сословных групп и т.д.

Второе. Как отмечали исследователи Ю. М. Гончаров, В. А. Скубневский, проблема историографии истории сибирского города заслуживает отдельного монографического исследования по причине обширности и разнообразия существующей литературы [9]. Поэтому мы привлекли, прежде всего, те исследования, где имеются общие методологические подходы и оценки истории развития городов, позволяющие более полно осветить и проанализировать историю г. Горно-Алтайска. Следует также отметить ряд специальных историографических очерков и историографических монографий по сибирской урбанистике [10].

Не ставя перед собой целью отдельного обзора названных исследований, отметим, что на общероссийской тематике разработаны основные подходы к анализу истории, периодизации, типологизации городов и т.п. Основные методологические подходы учтены нами в нашем исследовании.

В первые десятилетия существования Советского государства (20–30-е гг. XX в.) историей западносибирских городов занимались мало. Тем не менее, именно в эти годы, в 1925 г. вышла в свет книга Н. П. Анциферова, посвященная методике изучения городов, в которой были представлены рекомендации по изучению из арсенала отечественной и зарубежной урбанистики.

В самых общих чертах некоторые вопросы экономического развития Горного Алтая и г. Горно-Алтайска в 30–40-е годы освещены в работах, посвященных проблемам национальных районов Сибири и Дальнего Востока [11]. В трудах Г. А. Докучаева, П. Т. Хаптаева [12] отмечается отсутствие четкой специализации промышленности этих районов, слабая подверженность миграции коренного населения, преобладание средних по размерам промышленных предприятий, их низкий уровень механизации. Все это относится и к экономике Горного Алтая. Указанные работы позволили автору понять и сопоставить уровни эко-

номического развития исследуемого региона и других национальных районов Сибири.

В конце 40-х гг. XX в. появляется монография Р. М. Кабо, посвященная городам Западной Сибири [13]. В центре внимания данной работы — исторические аспекты экономико-географического изучения городов региона дореформенного периода, процессы возникновения и размещения городов Сибири на протяжении конца XVI — середины XIX вв. Именно в данной книге идет упоминание о том, что Горно-Алтайск относится к тому типу городов, основанных как центр государственной, хозяйственной и национально-культурной жизни коренного населения. Подобная оценка во многом не утратила своей актуальности и сегодня.

С середины 1950-х гг. начинается новый этап советской историографии, формируются новые подходы к исследованию, расширяется источниковая база, повышается уровень научных работ [14].

А. М. Варченко, М. Ф. Саруева [15] и др. обращаются к исследованию проблем социально-развития Горного Алтая в послевоенные годы. Ими рассмотрены вопросы культуры, функционирования клубов, библиотек, кинотеатра и кинустановок, радиостанции, трудовой занятости населения, развития коммунального хозяйства области, сети лечебных учреждений в областном центре в послевоенные годы.

Хотя литература, изданная в первые послевоенные десятилетия и носит серьезный отпечаток идеологических наслонений, она в большинстве своем базировалась на солидной источниковом базе. Эта литература и ныне содержит много факологического материала. Она является важным источником для изучения эволюции исторической мысли, несет множество конкретно-исторической информации, которую при надлежащем критическом к ней отношении можно использовать и сегодня. Кроме этого, ряд авторов в силу своего служебного положения имели непосредственный доступ к партийным и государственным архивам, что позволяло вводить в научный оборот большой объем презентативного фактического материала.

В 60–70-е гг. были опубликованы наиболее значительные издания, посвященные истории социального развития, в том числе и городов России и Сибири. Среди авторов следует выделить В. Т. Анискова, Ю. В. Арутюняна, Н. Я. Гущина, Р. А. Малькова, В. Б. Островского [16]. Они охватывают значительные исторические периоды, раскрывают достижения, основные закономерности социального развития как по стране в целом, так и Сибири. Среди авторов, исследовавших вопросы социального развития в послевоенные годы, следует назвать А. И. Лизину, Е. М. Тощакову [17]. Незначительные сведения по истории социального и экономического развития города в послевоенные годы содержаться в работе Н. М. Киселева, [18] где имеются данные по промышленному развитию г. Горно-Алтайска, затронуты проблемы социального развития.

В эти же годы вышло в свет исследование Я. И. Бражникова [19], в котором автор в науч-

но-популярной форме рассмотрел историю Ойротской автономной области и г. Ойрот-Туры в военные годы. В ней показано, как происходила мобилизация средств и помочь фронту, развивалась промышленность и сельское хозяйство в военный период и др. Исследователь попытался дать объективную картину истории области в годы войны на доступных в то время источниках, многие из рассматриваемых им вопросов оказались, до конца не раскрытыми.

В 1960-е гг. публикуется коллективная работа С. Я. Пахаева, В. С. Федотова, В. А. Яблочкива [20], посвященная истории города. Несмотря на некоторую идеологическую окраску в работе отражены позиции в развитии города и особенности его формирования.

Исследуя социальные процессы города в военное время, подробно осветили положение рабочих Р. А. Мальков, Я. И. Бражников [21]. Исследователи больше сравнивали цифровые данные о численности рабочих по отраслям, предприятиям в различные годы войны, оставив вне исследования вопросы о их материальном положении.

В 1960–1970-е гг. ХХ в. были изданы коллективные работы по истории автономной области, которые явились практически первой попыткой обобщения и систематического изложения исторического пути Горного Алтая, где представлены данные и по истории г. Горно-Алтайска [22].

В 70–80-е гг. ХХ века появляется ряд исследований, посвященных социально-экономическому развитию отдельных городов Сибири их истории в целом [23]. В них уделено достаточно много места вопросам развития экономики в капиталистическую эпоху, показано превращение названных городов в важные транспортные узлы, промышленные и торговые центры, в то же время слабее выглядят сюжеты о населении, особенно его социальному составе и демографических процессах.

В эти же годы в Новосибирске, выходит серия сборников статей по истории городов сибирского региона [24]. Большая часть которых была посвящена феодальному периоду, капиталистическому городу, внесшие заметный вклад в разработку проблем и подходов в изучении истории сибирского города.

В трудах М. Р. Акулова и Г. А. Докучаева [25], посвященных вопросам экономики Сибири в 1941–1945 гг., в частности, промышленности, выявлены основные изменения, внесенные в экономику регионавой: рост промышленного потенциала, миграционные процессы, отразившиеся на социальной структуре населения, зарождение новых отраслей и т.д. Авторами приводится и ряд общих данных о состоянии промышленности Горного Алтая и частично данные по городу, которые представляют для нас определенный интерес и позволяют подойти к оценке места города Ойрот-Тура в промышленном комплексе Сибири.

Вопросам развития промышленности, сельского хозяйства области в годы войны уделил внимание В. Б. Базаржапов [26], который использовал широкий круг источников по различным национальным районам региона (Якутия, Хакасия, Горный Алтай, Бурятия и т.д.). Это позволило

ему выявить общие закономерности экономического развития, а также определить и региональную специфику их проявления.

Более интенсивно история городов в рамках исследований социального и экономического развития Сибири и Горного Алтая начала изучаться с 80-х гг. ХХ в. Расширился тематический и географический диапазон. Серьезная научно-документальная основа в некоторой степени помогала преодолевать некоторые устаревшие и односторонние представления. Сформировался довольно значительный отряд ученых, ведущих изучение проблемы. Началась разработка новых, в том числе и дискуссионных проблем. В рамках общесоюзных исследований авторы Ю. Аксенов, Л. В. Бондаренко, Л. М. Волков, В. Ф. Машенков, А. Улюкаев [27] рассматривали вопросы путей социального развития: медицинского обслуживания населения, продовольственного положения, ситуацию с обеспечением обувью, одеждой, хозяйственными мелочами, затрагивали вопрос о соотношении личного и общественного в жизни крестьян, отношение крестьян к общественному труду.

В 80-е гг. ХХ в. проблемы дореформенной системы управления и роль сибирского города в ней обстоятельно обследовала В. В. Рабцевич [28]. Большую известность получили работы Б. Н. Миронова [29], которые отличают нетрадиционные подходы и широкое применение современных методов исследования при изучении проблем города. Наибольшую известность получила его новаторская монография о русском городе. Несмотря на то, что исследования опираются на материалы Европейской России, они имеют, прежде всего, в методологической части непосредственное отношение к истории сибирского города.

Продолжают появляться новые сюжеты в изучении истории городов Сибири в 90-е гг. ХХ в. Это связано, как было отмечено выше, с отменой ограничений в выборе тематики. В стране произошел информационный бум, изучаемые события стали подвергать переоценке, произошло введение в научный оборот не только ранее недоступных архивных документов, но и идей из достояния мировой общественной мысли. Многие исследования подогревались читательским интересом. Социальные и экономические проблемы регионов и страны в целом стали рассматривать в свете новых подходов, особое внимание стало обращаться на повседневную сторону жизни населения, на место и роль простого человека в истории.

С 90-х гг. ХХ в. наметился новый этап в изучении социально-экономической и политической истории городов Сибири. С этих лет начинается новое осмысление таких сюжетов как повседневная жизнь сибирского города, анализ отдельных социальных групп, исследования «нестоличных» городов.

В числе трудов последнего времени по истории сибирских городов нужно отметить работы О. А. Тяпкиной о малых городах Западной Сибири [30], и М. В. Шиловского о проблемах функционального деления городов Западной Сибири [31].

Показателем значительных сдвигов в изучении социально-экономического развития городов

Сибири, являются исследования А. Р. Ивонина [32] и Н. М. Дмитриенко [33], выполненные на материалах Барнаула и Томска. В первой монографии на основе анализа широкого круга статистических источников и материалов учета населения предпринята попытка учета специфики социально-демографических процессов в городах Западной Сибири дореформенной эпохи. В работе Н. М. Дмитриенко на обширной источниковой базе рассмотрены основные направления развития крупного сибирского города: управление, население, экономика, социальные отношения.

Серьезный вклад в изучение истории города Горно-Алтая внесла работа В. И. Эдокова [34], посвященная истории города начиная с 1830 по 1945 гг., в которой описаны некоторые тенденции становления Улалы в качестве административного центра, и «Горно-Алтайский хронограф» [35], изданный в 2003 г. сотрудниками Государственной архивной службы Республики Алтай, где дается перечисление событий в городе, начиная с 1920 по 1999 гг.

В последнее десятилетие исследователи все чаще обращаются к изучению отдельных социальных процессов на определенных территориях имеющих свою специфику. Это позволяет увидеть динамику и характер развития различных процессов, определить их влияние на изменения жизни населения. По проблемам народонаселения на общероссийском и общесибирском уровне существует значительный круг работ. Рассмотрению размеров сокращения численности населения страны от голода, посвящены работы В. Г. Жиромской, В. О. Рукавишникова [36]. До них потери населения от голода рассматривались оторвано от общей демографической картины. По их мнению, послевоенный голод породил серьезные социальные и демографические последствия, с отголосками которых страна сталкивается и сегодня. Так, исследователи В. А. Исупов и В. В. Алексеев [37] рассмотрели проблемы жизни населения Сибири, проанализировали изменение численности, как в военные, так и послевоенные годы, проследили динамику рождаемости, смертности, естественное и механическое движение населения.

Вопросы численности, динамики, состава городского населения дореформенной Сибири рассматривались в русле демографического и социального изучения городов. Здесь можно отметить работы В. М. Кабузана, С. М. Троицкого, Д. Я. Резуна, В. В. Рабцевич, А. Р. Ивонина, М. Г. Рутц, В. П. Шахерова [38].

В коллективном сборнике, изданном под редакцией Н. Я. Гущина [39], впервые предпринята попытка комплексного анализа демографических проблем такого крупного региона, как Сибирь. Исследование отражает специфику изменений в городском и сельском населении Западной Сибири в сравнении с общероссийскими показателями.

К проблемам дореволюционной Улалы обращался исследователь Н. С. Модоров [40], который в своей работе рассматривал вопросы перехода Улалы на городское положение, а также Н. В. Басаргина [41], в статье, которой также дается описание села до начала XX в.

Значительные сведения по истории социального и экономического развития города в послевоенные годы содержаться в исследовании В. П. Казанцевой [42], где характеризуется состояние промышленности и сельского хозяйства, приводятся статистические цифры по потерям населения в годы войны.

Особый интерес представляет работа А. А. Иркитовой [43], в которой подробно охарактеризовано состояние промышленности Ойротской автономной области в предвоенный и военный периоды и частично приводятся данные по экономике г. Ойрот-Тура, представляющие для нас интерес.

При исследовании проблем социального развития привлекли внимание и вопросы состояния социальной инфраструктуры городов: впервые исследователями рассмотрена денежная реформа 1947 г. с точки зрения ее социальных последствий и ее влияния на изменение реального уровня жизни населения. Также впервые в публикациях затрагивается проблема послевоенного голода и его последствия — заболеваемость, смертность, демографическая ситуация. Одной из первых широкомасштабно занялась рассмотрением проблемы послевоенного голода в России В. Ф. Зима [44]. Она исследовала роль правительства в создании «искусственного голода», изучила влияние голода на рост болезней, преступности, на все состояние послевоенного общества.

Используя специальные исследовательские приемы и достижения теоретической психологии Е. Ю. Зубкова [45] сделала в своих работах серьезные выводы о психологическом состоянии населения после войны, о массовом сознании, ожиданиях людей и о реалиях, с которыми пришлось столкнуться — нищетой, подневольным трудом, бытовым неустройством.

В последние годы был опубликован ряд статей и монографий [46], посвященных социальному развитию как страны в целом, так и Горного Алтая послевоенных лет. В них затрагивались вопросы послевоенного продовольственного положения, доходов населения, налоговой политики, жилищного обеспечения, демографических изменений в обществе. Открывая новую тематику, О. А. Гончарова в своих работах [47] провела анализ становления и развития системы здравоохранения в Горном Алтае как одного из малоизученных аспектов социального развития. Ею освещены особенности организации и функционирования системы охраны здоровья коренного населения. Отдельные сведения можно извлечь и по исследуемой нами теме.

Таким образом, анализ историографии позволяет прийти к следующим выводам. *Первый*. В отечественной историографии сложились крупные исторические школы по изучению городов, определены основные методологические подходы и оценки в изучении различных периодов градостроительства и развития. *Второй*. Значительная часть исследований проводилась главным образом на материалах крупных регионов Российской Федерации. И если в общероссийском масштабе проблема социально-экономического развития

страны рассматривалась в ряде серьезных научных исследований, то проблема социально-экономического развития в национальных областях и автономиях России, которая имеет немаловажное значение, освещена явно недостаточно. *Третий.* Историки Горного Алтая если и рассматривали отдельные проблемы социально-экономического развития г. Горно-Алтайска в 1922–1953 гг. то это были довольно отрывочные исследования. В них рассматривались лишь отдельные вопросы развития промышленности и сельского хозяйства, функционирования социальной инфраструктуры, культурно-бытового бытового устройства, становление системы здравоохранения,

Библиографический список

1. Словцов, П. А. Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. — СПб., 1886; Завалишин, И. И. Описание Западной Сибири / И. Н. Завалишин. — М., 1862; Голодников, К. Тобольская губерния накануне 300-летней годовщины завоевания Сибири / К. Голодников. — Тобольск, 1882; Костров, Н. Историко-статистическое описание городов Томской губернии / Н. Костров. — Томск, 1872; Турчанинов, Н. В. Города азиатской России / Н. В. Турчанинов // Азиатская Россия. СПб., 1914. — Т. I.; Путинцев, Н. Д. Статистический очерк Томской губернии / Н. Д. Путинцев. — Самара, 1892.
2. Словцов, П. А. Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. — СПб., 1886.
3. Завалишин, И. И. Описание Западной Сибири / И. И. Завалишин. — М., 1862.
4. Ядринцев, Н. М. О городах Сибири / Н. М. Потанин, Г. Н. Потанин // Города Сибири XVIII–XX вв. — Барнаул, 2001; Потанин Г. Н. Города Сибири / Г. Н. Потанин // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. — СПб., 1908.
5. Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. — Томск, 1890; Байтов, Г. Б. Очерки муниципального Барнаула / Г. Б. Байтов. — Томск, 1890.
6. Алтай. Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. — Томск, 1890.
7. Рихтер, З. Первые 10 лет о истории Ойротии / З. Рихтер. — М., 1935.
8. Записки Западно-Сибирского отдела императорского географического общества. — Томск, 1879.
9. Скубневский, В. А., Гончаров Ю. М. Города Западной Сибири во второй половине XIX–XX в. / В. А. Скубневский, Ю. М. Гончарова. — Барнаул, 2003. — Ч. 1.
10. Историография городов Сибири конца XIX–XX вв. — Новосибирск, 1984; Скубневский, В. А. Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии / В. А. Скубневский // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. — Томск, 1985; Дмитриенко, Н. М. Дореволюционные авторы о городах Западной Сибири эпохи капитализма / Н. М. Дмитриенко // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. — Томск, 1985; Резун, Д. Я. О периодизации развития исторической урбанистики Сибири XVII–XX вв. / Д. Я. Резун // Городская культура Сибири: история и современность. — Омск, 1997; Шахеров, В. П. Сибирский позднефеодальный город в современной исторической литературе / В. П. Шахеров // Сибирский город XVIII — начала XX вв. — Иркутск, 1998. — Вып. 1; Гончаров, Ю. М. Городская семья Сибири второй половины XIX — начала XX в. / Ю. М. Гончаров. — Барнаул, 2002.
11. Сибирская советская энциклопедия: в 4-х т. Новосибирск, 1929–1932; Гордиенко, П. Я. Ойротия / П. Я. Гордиенко. — Новосибирск, 1931; Населенные пункты Сибирского края 1928 г. с описанием. — Новосибирск, 1928; Мамет, Л. П. Ойротия / Л. П. Мамет. — М., 1930.
12. Докучаев, Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока накануне Великой Отечественной войны / Г. А. Докучаев. — Новосибирск, 1965; Хантаев, П. Т. Некоторые вопросы формирования и развития рабочего класса в национальных районах Сибири (1939–1959 гг.) / П. Т. Хантаев // История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири. — Улан-Удэ, 1971.
13. Кабо, Р. М. Города Западной Сибири / Р. М. Кабо. — М., 1949.
14. История Москвы: в 3 т. М., 1955.
15. Саруева, М. Ф. Горный Алтай за годы Советской власти / М. Ф. Саруева // 40 лет Советскому Горному Алтaiю. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 1957.
16. Мальков, Р. А. Формирование и развитие советского рабочего класса на Алтае (1917–1965 гг.) / Р. А. Мальков. — Новосибирск, 1969; Арутюнян, Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны / Ю. В. Арутюнян. — М.: Наука, 1970; Гущин, Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму / Н. Я. Гущин. — Новосибирск, 1973; Гущин, Н. Я. Крестьянство Западной Сибири в довоенные годы (1935–1941 гг.) / Н. Я. Гущин, Э. В. Киселев, В. Г. Чарушин. — Новосибирск, 1975; Островский, В. Б. Новый этап в развитии колхозного строя / В. Б. Островский. — М., 1977; Анисков, В. Т. Подвиг советского крестьянства в Великой Отечественной войне / В. Т. Анисков. — М., 1979.
17. Алтай в послевоенный период / Под ред. А. И. Лизиной. — Барнаул, 1974; Тошакова, Е. М. Женщина-алтайка в советский период / Е. М. Тошакова // Ученые записки. — Горно-Алтайск, 1961. — Вып. 4.
18. Киселев, Н. М. О некоторых особенностях развития экономики Горного Алтая в послевоенный период (1946–1963) / Н. М. Киселев. — Горно-Алтайск, 1964.
19. Бражников, Я. И. Горный Алтай в Великой Отечественной войне / Я. И. Бражников. — Горно-Алтайск, 1966.
20. Пахаев, С. Я. Горно-Алтайск / С. Я. Пахаев, В. С. Федотов, В. А. Яблочкив. — Барнаул, 1965.
21. Мальков, Р. А. Рабочие Горного Алтая в Отечественную войну / Р. А. Мальков, Я. И. Бражников // Народы Сибири в Великой Отечественной войне. — Кызыл, 1973.
22. Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС. — Горно-Алтайск, 1971; Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / Под ред. Л. П. Потапова. — Горно-Алтайск, 1973.
23. Тужиков, В. И. Кузнецк в пореформенную эпоху (1861–1900 гг.) / В. И. Тужиков // Новокузнецк в прошлом и настоящем. — Новокузнецк, 1971; Горюшин, Л. М. Новосибирск в историческом прошлом конец XIX–начало XX вв. / Л. М. Горюшин, Г. А. Бочanova, Л. М. Цепляев. — Новосибирск, 1978; Копылов Д. И., Князев В. Ю., Ретунский В. Ф. Тюмень / Д. И. Копылов, В. Ю. Князев, В. Ф. Ретунский. — Свердловск, 1986.

24. Города Сибири. Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. — Новосибирск, 1974; Города Сибири. Эпоха феодализма и капитализма. — Новосибирск, 1978; История городов Сибири до советского периода (XVII—XX). — Новосибирск, 1977; Сибирские города XVII—XX вв. — Новосибирск, 1981; Историография городов конца XIX—XX вв. — Новосибирск, 1984.
25. Акулов, М. Р. Промышленность Сибири в дни войны / М. Р. Акулов // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Трудовой подвиг народа. М., 1974. — Кн. 2; Докучаев, Г. А. Коренные народы Сибири в период Великой Отечественной войны / Г. А. Докучаев // Извест. СО АН СССР. Серия обществ. наук. — 1972. Вып. 3. — № 11. — С. 53-59.
26. Базаржапов, В. Б. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны / В. Б. Базаржапов. — Новосибирск. Наука, 1981. — 345 с.
27. Машенков, В. Ф. Советская деревня: труд, быт, досуг / В. Ф. Машенков, Л. В. Бондаренко. — М.: Россельхозиздат, 1986; Аксенов, Ю. О простых решениях непростых проблем. Денежная реформа 1947 г. / Ю. Аксенов, А. А. Улюкаев // Коммунист. — 1990. — № 6;
28. Рабцевич, В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления / В. В. Рабцевич. — Новосибирск, 1984.
29. Миронов, Б. Н. Русский город в 1740—1860-е гг.: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. — Ленинград, 1990; Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи. — СПб., 1999. — Т. 1.
30. См. подробнее Тяпкина, О. А. Северные города Западной Сибири во второй половине XIX в. / О. А. Тяпкина // Города Сибири XVIII—XX вв. — Барнаул, 2002.
31. Шиловский, М. В. Функции городов Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. / М. В. Шиловский // Актуальные вопросы истории Сибири: 3 научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина. — Барнаул, 2002.
32. Ивонин, А. Р. Западносибирский город последней четверти XVIII — 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования) / А. Р. Ивонин. — Барнаул, 2000.
33. Дмитриенко, Н. М. Сибирский город Томск / Н. М. Дмитриенко. — Томск, 2000.
34. Улала — Ойрот-Тура — Горно-Алтайск. Страницы истории / под. ред. В. И. Эдокова. — Горно-Алтайск, 1997. — 243 с.
35. Горно-Алтайский хронограф: годы, факты, события / редкол.: В. А. Облогин [и др.]. — Горно-Алтайск, 2003. — 272 с.
36. Жиромская, В. Б. Население России в 1920—1950-е годы / В. Б. Жиромская. — М., 1994; Рукавишников, В. О. Население города (Социальный состав, расселение, оценка городской среды) / В. О. Рукавишников. — М., 1980.
37. Исупов, В. А. Население России в 1920—1950-е гг. / В. А. Исупов. — М., 1994; Алексеев, В. В. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны / В. В. Алексеев, В. А. Исупов. — Новосибирск, 1986; Исупов, В. А. Демографическая сфера в эпоху сталинизма / В. А. Исупов // Актуальные проблемы истории советской Сибири. — Новосибирск, 1990; Исупов, В. А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х — конец 50-х гг.) / В. А. Исупов. — Новосибирск, 1991; Исупов, В. А. Социально-демографическая ситуация в Сибири в первые послевоенные / В. А. Исупов // Социально-культурное развитие Сибири. Бахрушинские чтения. Межвуз. сб. науч. тр. — Новосибирск, 1991.
38. Кабузан, В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. / В. М. Ка-
- бузан, С. М. Троицкий // Русское население Сибири и Поморья. — М., 1973; Резун, Д. Я. Городское население Тобольской губернии на рубеже XIX в. / Д. Я. Резун // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. — Новосибирск, 1991; Шпалтаков, В. П. Динамика численности и структура городского населения Западной Сибири в дореформенный период (1795—1860) / В. П. Шпалтаков // Проблемы исторической демографии СССР. — Томск, 1982. — Вып. 2; Ивонин, А. Р. Население городов юга Западной Сибири в дореформенную эпоху по данным церковного учета православного населения / А. Р. Ивонин // Историко-демографические проблемы Сибири. — Барнаул, 1995; Шахеров, В. П. Сибирский позднефеодальный город в современной отечественной литературе / В. П. Шахеров // Сибирский город XVIII — начала XX вв. — Иркутск, 1998. — Вып. 1.
39. Население Западной Сибири в XX в. / Под ред. Н. Я. Гущина. — Новосибирск, 1997.
40. Модоров, Н. С. В прошении отказать (о зарождении и становлении Улалы, об отказе перевести село в посад или mestechko) / Н. С. Модоров // Кан Алтай. — 1998. — № 1.
41. Басаргина, Н. В. Улала во второй пол. XIX в. / Н. В. Басаргина // Алтайский сборник. — Барнаул, 1992. — Вып. XV.
42. Казанцева, В. П. Горный Алтай в первом послевоенном десятилетии (1946—1959 гг.) / В. П. Казанцева. — Горно-Алтайск, 1992.
43. Иркитова, А. А. Экономика Ойротской автономной области накануне и в годы Великой Отечественной войны (1938—1945 гг.) / А. А. Иркитова. — М., 1997.
44. Зима, В. Ф. От войны к миру: план и рынок продовольствия 1946—1948 гг. / В. Ф. Зима // Аграрный рынок в его историческом развитии: Тезисы докладов и сообщений ХХIII сессии Всесоюзного аграрного симпозиума в Свердловске. — М., 1991. С. 64-65; Зима, В. Ф. Голод в России 1946—1947 гг. / В. Ф. Зима // Отечественная история. — 1995. — № 5. — С. 45-59; Зима, В. Ф. Голод в СССР 1946—1947 гг.: происхождение и последствия / В. Ф. Зима. — М., 1996.
45. Зубкова, Е. Ю. Общественная атмосфера после войны (1945—1946) / Е. Ю. Зубкова // Свободная мысль. 1992. № 6. С. 4-14; Зубкова, Е. Ю. Общественная атмосфера после войны (1948—1952) / Е. Ю. Зубкова // Свободная мысль. — 1992. — № 9. — С. 79-88; Зубкова, Е. Ю. Общество и реформы / Е. М. Зубкова. — М., 1993; Зубкова, Е. Ю. Социально-психологическая атмосфера послевоенных лет и ее влияние на политику реформ / Е. Ю. Зубкова // Россия в XX веке: Историки мира спорят. — М., 1994; Зубкова, Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945—1953 / Е. Ю. Зубкова. — М., 1999.
46. Занозин, Н. В. Продовольственное положение в Горьковской области в первые годы / Н. В. Занозин // Дискуссионные вопросы Российской истории. — Арзамас, 2000. — С. 243-252; Моисеева, И. Ю. Продразверстка 1946—1947 гг. / И. Ю. Моисеева // Дискуссионные вопросы... — Арзамас, 2000. — С. 252-259; Саечников, В. С. Жилищное обеспечение промышленных рабочих в 1950-е годы / В. С. Саечников // Дискуссионные вопросы... — Арзамас, 2000. — С. 266-273; Чухонцева, С. В. Социальное воспитание народов Горного Алтая. Традиционные способы закаливания / С. В. Чухонцева / Этносоциальные проблемные регионы Сибири в XX веке. — Горно-Алтайск, 2000. — С. 163-171; Зезина, М. Без семьи / М. Зезина // Родина. — 2001. — сентябрь. — С. 82-87.
47. Гончарова, О. А. Социальные проблемы Горного Алтая кризисного времени / О. А. Гончарова // Этносоциальные проблемы Горного Алтая в XX веке. — Горно-Алтайск, 2000. — С. 6-36; Гончарова, О. А. История становления и развития системы здравоохранения в Горном Алтае в XX в. / О. А. Гончарова. — Горно-Алтайск, 2001.

N. V. Ankudinova

THE HISTORY OF GROW AND DEVELOPMENT G. GORNO-ALTAYSK
IN FIRST HALF XX C. AT NATIVE OF HISTORY: STATE AND PROBLEMS
In article anylized wide the scope of sources, touch the history of grow and development
g.Gorno-Altaysk in first half XX c.

Native of history, the history of country and regions, state and problems, problems of study

УДК 902

Н. Г. Арыкова

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕЕ РАБОЧЕЙ СИЛОЙ В ГОДЫ ЧЕТВЕРТОЙ И ПЯТОЙ ПЯТИЛЕТОК

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов, освещен процесс восстановления промышленности Горного Алтая в годы четвертой и пятой пятилеток.

Великая Отечественная война, Горный Алтай, промышленность, техническая вооруженность предприятий, нехватка рабочей силы, энтузиазм рабочих

Победно завершив Великую Отечественную войну, СССР сразу же приступил к восстановлению разрушенного фашистскими варварами народного хозяйства. А восстанавливать было что. За 1941–1945 гг. ими было полностью или частично уничтожено или разграблено почти 32 тыс. промышленных предприятий, 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, 2890 МТС, 216 700 магазинов, столовых, ресторанов и других торговых предприятий, 4100 железнодорожных станций, 36 тыс. предприятий связи, 6 тыс. больниц, 33 тыс. поликлиник, диспансеров и амбулаторий, 976 санаториев и 656 домов отдыха, 82 тыс. начальных и средних школ, 1520 средних специальных и 334 высших учебных заведений, 427 музеев, 43 тыс. библиотек и 167 театров [1, с. 435]. Согласно официальным данным, только прямой урон, нанесённый войной Советскому государству и его населению составил (в ценах 1941 г., без изменения масштаба цен) 679 млрд. руб. [1, с. 435].

Горный Алтай находился далеко от театра военных действий, но и он понес немалые материальные потери: поголовье основных видов скота сократилось к концу 1945 г., по сравнению с 1940 г., на 63,8 тыс. голов, посевные площади уменьшились на 11,5 тыс. га, выработка масла и сыра — в 1,8, древесины и пиломатериалов — в 4 раза, число промышленно — производственных рабочих — на 1522 чел.[2, с. 9, 12, 20, 24]. Это привело к закономерному снижению объёма валовой продукции промышленности (на 18,4%) и среднегодовой выработки на 1 рабочего (на 30%) [3, л. 1].

Всё это и легло в основу задач тружеников области в первой послевоенной пятилетке: восстановить и превзойти к 1950 г. довоенный уровень выпуска валовой продукции по госпредприятиям в 3 раза, а по предприятиям промкооперации — почти в 1,5 раза [3, л. 1]. Эти плановые ориентиры промышленности на 1946–1950 гг. были обсуждены на XVI сессии областного Совета депутатов тружеников. В принятом ею постановлении («О задачах Советов Ойротской автономной области по выполнению закона о пяти-

летнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.), местные Советы были призваны усилить хозяйственную работу, глубже «вникать в производственную деятельность предприятий», поддерживать «творческую инициативу трудящихся масс», развивать «различные виды и формы соцсоревнования» [3, л. 46-51].

Принятые предприятиями, властями всех уровней и общественными организациями меры, дали свои результаты: уже в 1946 г. общий объём производства (валовая продукция промышленности) превзошел довоенный уровень на 2,6% [4, с. 3]. Однако общее состояние промышленности и особенно отдельных её отраслей осталось «неудовлетворительным». Особенно неблагополучно дело обстояло в лесной и сырьевельной промышленности. Главной причиной их «плохой работы» была «острая нехватка рабочей силы (всего лишь 60% к плановой потребности) и транспортных средств (35% к потребности)», а также «неудовлетворительная организация и слабое техническое оснащение труда лесорубов». Все это и привело к снижению производительности их труда, объёма продукции (в 8 раз против уровня в 1940 г.), производимой леспромхозами [4, с. 3].

Такое же положение было и в сырьевельной промышленности, где из-за «нехватки рабочих рук, низкой «технической оснащённости предприятий» не был выполнен план по основным видам продукции, снижена за год (на 8,9%) производительность труда, а себестоимость продукции выросла против плановой — на 16%. В силу этого, сыртрест закончил год с большими убытками [4, с. 3].

Не лучше обстояло дело и в других отраслях промышленности: справившись с выполнением плана по выпуску продукции (в валовом исчислении), они провалили план «по выпуска продукции в ассортименте». Особенно «плохо» сработали в этом плане «городские предприятия системы многопромсоюза»: из 50 изделий, выпускавшихся ими в 1946 г., план был выполнен только по 9. Чуть лучше сработали их «сельские колле-

ти»: они выполнили план по 17 изделиям из 52 [5, с. 408].

Главная причина «слабой работы» промышленности области, согласно официальным отчетам, состояла «в недостатке рабочих рук (о квалификации рабочих речь даже не шла — Н.А.) и в очень низком уровне «технической оснащенности предприятий» и в вооружённости труда рабочих». Так, в системе облмлестпрома имелось всего 2 токарных станка. Слабая «техническая оснащённость» была в обозостроении, металлообработке, валяльном, кирпичном производстве в деревообработке. Здесь почти все работы выполнялись вручную. Ещё хуже обстояло дело «в кооперативной промышленности: из 50 промартелей «частично механизированными» были 2, а в остальных (48) работа велась вручную [6, л. 10]. Это и являлось «главным препятствием» невыполнения ими государственных планов. Так, из 37 промартелей системы «межрайпромсоюза», с ними не справились 15 (40,5%), а из 11 промартелей системы горногопромсоюза планы выполнили только 5 (45,5%), а из 10 райпищекомбинатов — только 3 (30%) [4, с. 23]. Наряду с указанными причинами, тормозили выполнение планов также распылённость, многоотраслевой характер производства (особенно в промартелях), а также отсутствие необходимого количества сырья (главного условия успешной работы местной промышленности). И все же главным «бичом промышленного производства» была «нехватка квалифицированной рабочей силы». Именно по этой причине даже «передовые промышленные предприятия» использовали имеющиеся у них производственные мощности «неудовлетворительно». Так, мощность кирпичных заводов (системы межрайногопромсоюза) использовалась в 1946 г. на 16,1%, кожевенных — на 8,3, лесопильных — на 26,6, деревообрабатывающих цехов — на 15,9 и мельниц — на 38,3% [4, с. 23].

Одним из важных показателей уровня развития промышленности всегда было производство товаров на душу населения. Если взять потребительские товары (а именно на их производстве специализировалась в основном промышленность области), то уровень их производства в 1946 г. был очень низок. А потому-то многие, элементарные потребности населения области удовлетворялись за счет ввоза необходимых товаров из других регионов страны. Эта практика вошла, как известно, в нашу жизнь в начале 1940 г. Но тогда, когда в области не было своей промышленности, это давало положительный эффект, т.к. ввоз способствовал росту промтоваров в ассортименте и приближал «производство к потреблению». Однако со временем ввоз готового сырья стал отрицательно сказываться на «изыскании и использовании местных сырьевых ресурсов», поскольку отрасли вместо того, чтобы расширять использование местных, к примеру, стройматериалов), начали сокращать их производство, а это привело к тому, что промышленность, работавшая в 1946 г. на привозном сырье, заняла в общем объеме производства почти 55%. Имелось это «нахлебничество» и другой «неприятный для автономии результат»:

оно препятствовало не только глубокому изучению недр области, но и широкому использованию уже разведанных здесь сырьевых ресурсов.

Немалую роль в освоении природных ресурсов области играли и ее транспортные коммуникации. В 1946 г. это были автомобильные дороги. И здесь лидером, безусловно, был «Чуйский военизированный тракт» (ЧВТ), находившийся в силу своей «значимости» в достаточно хорошем по тому времени состоянии. Однако «основные разведанные природные богатства автономии» (прежде всего, «леса») находились в стороне от него и в труднодоступных горных районах. Поэтому развитие транспортных коммуникаций в области стало одной из ее первоочередных задач послевоенного строительства.

Ключевой же проблемой восстановления и дальнейшего развития промышленности области (по итогам 1946 г.) стало наращивание производственных площадей, а также замена устаревшего оборудования. Все это, естественно, требовало значительных капиталложений, что и было учтено при формировании плана на 1947 г.: расходы на восстановление производственной базы предприятий в нем составили 64% от общего объема капиталений в промышленность, а на приобретение оборудования — 36% [7, с. 7], что было явно недостаточно для решения задач, стоявших перед промышленностью области. Но в таком планировании была «виной» не государства, а «региональная особенность» послевоенной реконструкции «промышленного производства» области: на новом оборудовании некому было работать (т.е. на предприятиях не было квалифицированных рабочих — Н.А.). Но, несмотря на это, государственные капиталования в промышленность росли с каждым годом. К 1949 г. они достигли уже 7,5 млн. руб. [5, с. 411]. Однако это обстоятельство, не слишком способствовало улучшению работы промышленности области: из-за отсутствия «развитой (собственной) строй» индустрии, часть её предприятий (местной, пищевой, маслосыродельной, легкой и кооперативной промышленности) систематически неправлялась с планом «капитальных работ». Решить же свои задачи они могли только лишь при наличии у себя квалифицированной рабочей силы. А ее-то как раз и не было у них в те годы. Но, несмотря на это, производственная база промышленности продолжала обновляться. Только в 1949 г. в строй действующих были вошли два сырзавода, сепараторное и сыродельное отделения, 3 рамных лесозавода, 7 пихтоваренных установок, смолоскипидарный завод, кирзавод (в с. Шебалино), швейный и приготовительный цеха в промартели «Текстильщик», гидроэлектростанция в промартели «Большевик» и сапоговаляльной фабрике [5, с. 411].

Одновременно с обновлением производственных площадей шло и внедрение в производство нового оборудования. Так, в 1949 г. впервые были внедрены в работу на государственных лесозаготовительных предприятиях мото- и электропилы, лебедки и трелевочные тракторы что, естественно, повысило уровень производительности труда, повлияло на рост производства. Способ-

ствовали этому и распространение в отрасли передовых методов труда, достижений науки и техники, а также набиравшая среди рабочих силу борьба за качество производимой продукции. Этой формой содсоревнования охватывалось всё большее число тружеников промышленности, что в немалой степени способствовало успешному завершению производственной программы 1949 г. Наиболее ударно сработали тогда предприятия маслодельной промышленности. Ее труженики рапортовали о выполнении своих планов уже к годовщине Октябрьской революции. Отмечая этот успех трудовых коллективов автономии, министр масломолочной промышленности РСФСР присвоил (приказ от 29.11.1949 г.) почетное звание «Бригада отличного качества» многим ее трудовым коллективам, в частности, бригадам мастеров-сыроделов: А. Зырянова (Верх-Карагужинский завод), М. Колченко (Бело-Ануйский), М. Кокорина (Абайский), Н. Бушуева (Черно-Ануйский), В. Белкина (Катандинский) и А. Гордеевой (Пьянковский). Немало передовиков было и в других отраслях. К примеру, в промартели «Текстильщик» широко были известны: бригада ткачей (бригадир Г. Суртаева), швейников (бригадир Э. Попугаева) и др. [8, л. 1-12].

Словом, реконструкция промышленных предприятий, энтузиазм и инициатива рабочих принесли трудовым коллективам и отраслям ощущимые, по сравнению с прошлым годом, результаты. Так, рабочие Акташского рудоуправления выполнили план по производству валовой продукции на 187,8%, швейной фабрики — на 133,7, сыртреста — на 114 и мясокомбината — на 107 [9, л. 119].

Многие трудовые коллективы справились тогда и с задачами, которые в прошлом ими «трудно решались». В первую очередь, это касалось коллектива швейной фабрики. Выполнив план по выпуску валовой продукции, он впервые добился почти 100-процентного (98,2) выпуска своей продукции I сортом. Или коллектив гортопа, постоянно отстававший. В 1949 г. он на 11% перевыполнил свой годовой план, на 7% повысил уровень производительности труда и на 1,7% снизил себестоимость продукции. И как итог — он получил «сверх плана» 122 тыс. руб. прибыли. Ещё весомее был успех промартели «Электрометалл»: она на 156,5% выполнила план, на 14,8% увеличила производительность труда, на 12% снизила себестоимость продукции и перевыполнила «план накоплений». Успешно сработали в 1949 г. Майминский ЛПХ, лесопромысловы артели «Красное знамя», «Большевик» и «Заря», промартели «Трудовик», «Труженик» и др. [5, с. 412]. Эти достижения трудовых коллективов были бы еще весомее, если бы они имели у себя в достатке квалифицированных рабочих.

Этот трудовой задел позволил предприятиям удержать темпы 1949 г. и в 1950 г. Этому способствовал не только высокий трудовой энтузиазм трудящихся (чего не следует сбрасывать со счетов), но и постоянный рост капиталложений в промышленность, оснащение предприятий новой техникой, которая из-за отсутствия квалифицированных рабочих простоявала или «быстро выходила из строя». Но, как бы там ни было, к

концу пятилетки промышленность области не только «восстановилась», но и на 10,8% превзошла довоенный уровень производства [7, с. 9].

Однако его восстановление на базе мелких предприятий (а таковыми была большая часть наших промышленных предприятий) все же не обеспечивало дальнейшего роста производства. Более того, это затрудняло его оснащение высокопроизводительной техникой, поскольку работать на ней было практически некому. И такое положение с кадрами было характерно для всей промышленности области в целом. Словом, наряду с успехами, первая послевоенная пятилетка выявила много недостатков в организации технологического процесса производства на наших предприятиях. В силу этого, даже в 1950 г. им не удалось достичь довоенного уровня по производительности труда и существенно увеличить среднегодовую выработку на 1 рабочего. Иначе говоря, рост объема валовой продукции был достигнут не за счет «качества», а в основном, за счет расширения производства, т.е. «экстенсивным путем».

Другой недостаток, который выявила пятилетка в развитии промышленности области, заключался в заметном «отставании» её отдельных отраслей (лесной, сырьедельной, мясной и предприятий промкооперации). Продолжала неудовлетворительно работать и лесная промышленность. Её нормальной работе мешало отсутствие в ней комплексной механизации, хороших технологических инструкций и карт производственных процессов, а главное — нехватка квалифицированных рабочих.

Таким образом, все вышесказанное дает основания констатировать: в итоге выполнения планов IV пятилетки был превзойден лишь довоенный уровень по валовому объему промышленного производства, но вопросы, связанные с интенсификацией труда, а также с дальнейшим расширением производственной базы предприятий, остались нерешенными. Они-то, вкупе с состоянием местной, государственной и кооперативной промышленности и мерами по их улучшению, и стали предметом обсуждения в феврале 1951 г. на специальной сессии областного Совета депутатов трудящихся. В принятом ею постановлении подчеркивалась не только необходимость выполнения планов «капитальных работ и дальнейшего технического перевооружения предприятий», но и повышения на этой основе уровня механизации производства, непрестанного увеличения производительности труда, снижения себестоимости и улучшения качества выпускаемой продукции. В целях максимального удовлетворения быстро растущих запросов и потребностей населения, сессия поставила перед предприятиями области одну задачу: выполнить госплан не только по выпуску валовой продукции, но и по производству продукции «установленного ассортимента». Наряду с этим, предусмотрела сессия и оказание «конкретной помощи предприятиям». Для этого, ею были созданы «постоянно действующие комиссии по промышленности, строительству и транспорту». В их задачу входило: «обследование предприятий, артелей и промкоопераций, заслушивание на своих заседаниях отчеты их руководите-

лей и рекомендация им действенных мер по устранению недостатков в работе возглавляемых ими предприятий» [5, с. 414]. Но, правильно расставив акценты, сессия и словом не обмолвилась о необходимости подготовки квалифицированных рабочих для промышленности.

Правильность избранного пути по ее подъёму подтвердили: сначала собрание областного партактива (июль 1951 г.), а потом облпартхозактив (февраль 1952 г.). Подведя итоги работы промышленности за соответствующий период, они выявили внутренние резервы для наращивания производства, а также утвердили повышенные соцобязательства, в связи с предстоящим XIX съездом КПСС, проект «Директив» которого уже обсуждался в трудовых коллективах [10, л. 42-205]. Итоги этого обсуждения были подведены XVII областной партийной конференцией [11, с. 240]. И вновь нигде не был поднят вопрос о подготовке квалифицированных кадров.

XIX съезд КПСС (октябрь 1952 г.) утвердил, как известно, «Директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951–1955 гг.». В них, как и раньше, вновь была подчеркнута необходимость «дальнейшего преимущественного развития тяжелой промышленности как важнейшего условия развития всего народного хозяйства и роста материального и культурного уровня народа» [12, с. 133]. Большое внимание в них вновь уделялось успешному развитию восточным районам страны. Так, в Западной Сибири предусматривалось дальнейшее развитие metallurgии, энергетики, угольной промышленности и строиндустрии. Согласно плану, Сибирь должна была стать (к концу пятилетки) одним из важнейших районов лесозаготовки [13, с. 225].

Сложные задачи предстояло решить в V пятилетке и горно-алтайцам. В первую очередь, им надо было ликвидировать отставание лесной, сырьеводческой, мясной промышленности, а также бороться за неуклонный рост производства предприятий других отраслей местной промышленности и промкооперации и достичь «значительного подъема выпуска промышленной продукции» [14, с. 61].

Основным фактором решения этой задачи должна была стать помощь народному хозяйству области со стороны государства, прописанная в пятилетнем плане. Реализуя намеченное, СМ РСФСР принял в январе 1953 г. постановление, которым автономии выделялось (дополнительно) на развитие её промышленности, строительство жилых домов, школ, интернатов, благоустройство сел более 3,5 млн. руб. [14, с. 61].

Реальная помошь государства горно-алтайцам способствовала подъёму их политической сознательности и гражданской ответственности. Результатом этого стало массовое соцсоревнование за досрочное выполнение производственных планов. И многие из них справились со взятыми обязательствами. В числе передовиков значились рабочие: мебельной фабрики В. И. Шипилов и В. Д. Андрианов, сапоговальской фабрики А. М. Шадрина и А. И. Шипилова, слесарь промартели «Электрометалл» А. Шипунов, лесоруб гортопа З. П. Здоровенко и др. [15, с. 1-18].

Если говорить от трудовых коллективах, то здесь бесспорным лидером был коллектив швейной фабрики. В числе передовых были также коллективы хлебозавода, мясокомбината, артелей «Быт», «Текстильщик», «Труженик» и «Красный борец», досрочно выполнившие задания 1951 г. и получившие «сверхплановые прибыли».

Трудовую инициативу и энтузиазм 1951 г. сохранили рабочие и в последующем. Более того, они даже «превзошли этот уровень». Так, ткачи промартели «Текстильщик» В. А. Трофимова и А. М. Колегова постоянно выполняли в 1952–1953 гг. месячные задания на 220-226%. Под стать им трудились мастер цеха Усть-Канского пищепрома В. П. Липокурова (выполняла месячные нормы на 220-240%), столяр мебельной фабрики Е. С. Бережков (на 200%), рабочие швейной фабрики облместпрома Е. М. Хомутова, Т. К. Герман, Т. Г. Суртаева, А. И. Пушкарёва, А. М. Тутушева (на 180-250% каждый), мастера Горно-Алтайского кирпичного завода А. Е. Михайлова, С. М. Шетченко, С. П. Бедарев (на 122-132% каждый) [16, с. 257].

Ударная работа коллективов, а главное, — рост объёмов капиталений благотворно сказалась на совершенствовании промышленного производства области. Благодаря этому, выпуск промышленных продукции в 1951-1953 гг. значительно вырос. К примеру, её годовой объём был превышен в 1951 г. на 13,5%, в т. ч. предприятиями лесной промышленности — в 1,9 раза, местной — в 4,1 раза, пищевой — на 56,7%, лёгкой — на 11, по артелям промкооперации — на 12,2, лесопромышленной — на 9,8% [15, с. 1-13].

Определённое представление о работе промышленности области в пятой пятилетке даёт ниже приведённая таблица.

Таблица 1

Выпуск валовой продукции промышленными предприятиями области в 1950 и 1953 гг.
(в натуральном выражении)

№ п/п	Наименование продукции	Ед. измер.	годы		
			1950	1953	1953 1950 в %
1.	Сыр	т	705,9	900,1	127,5
2.	Масло животное	т	622,0	670,2	107,8
3.	Кирпич	тыс. шт.	1442,7	2302,0	159,6
4.	Известь	т	3573,0	1817,0	50,9
5.	Пиломатериалы	тыс.куб.	15,2	20,73	136,4
6.	Обувь кожаная	тыс. пар	16,88	21,07	124,8
7.	Обувь валяная	тыс. пар	65,6	65,41	99,7
8.	Трикотаж	тыс. шт.	31,6	102,8	325,3
9.	Ткань хлопчато-бумажная	тыс.м	374,7	739,4	197,3
10.	Кондит. изделия	тонн	226,7	448,2	197,7
11.	Заготовлено древесины	тыс. куб.	221,0	300,3	135,9
12.	Вывезено древесины	тыс. куб.	221,0	300,0	135,8

Источники: ГАРА. Ф. 33. Оп. 29. Д. 100. Л. 610-611.

Примечания: Таблица откорректирована нами — Н.А.

Даже беглый анализ данных таблицы свидетельствует о том, что за 3 года V пятилетки промышленность области «ушла» далеко вперёд от уровня 1950 г. Это видно по выпуску продукции. Лишь производство извести и валяной обуви снизилось в 1953 г. до 50,9 и 99,7% соответственно.

Но, несмотря на определённый прогресс, достигнутый промышленностью области в 1953 г., в её развитии продолжали сохраняться и существенные недостатки: большинство предприятий и промартелей «хронически неправлялось с планами капстроительства». Так, в 1951 г. «предприятия государственной промышленности» выполнили его только на 90,4%, артели промкооперации — на 99,2, а область в целом — всего на 92,8% [5, с. 417].

Неудовлетворительное освоение капиталложений отрицательно сказалось и на росте производственных мощностей, и на совершенствовании технологического процесса. Так уж сложилось, что большую часть валовой продукции давали предприятия местной и кооперативной промышленности, которые во все времена были слабо механизированы, «располагали неквалифицированным контингентом рабочих» и почти не имели своих транспортных средств. Так, в 1951 г. область имела всего 2 предприятия с полностью механизированным производством, 10 — с полумеханизированным и 58 — с ручным производством. На «вооружении» всех предприятий имелось 25 «полуторок» и 478 рабочих лошадей [15, с. 1-13]. А лесозаготовительные, лесообрабатывающие предприятия облмрестпрома и артели промкооперации даже к концу 1953 г. не имели в своём распоряжении ни одного трактора, ни одной электропилы. В таком же положении находились и предприятия по производству кирпича и других местных стройматериалов.

Но настоящим «бичом» для предприятий местпрома была «распылённость производства» и «отсутствие квалифицированных кадров». То и другое (особенно последнее) привело к «слабому использованию ими промфондов». Так, в 1951 г. в обозостроении они были «заняты» на 69%, в пихтоварении — на 50, лесопилении — на 70, мебельном производстве — на 55%. Неудовлетворительно использовался промышленный фонд и на предприятиях облмрестпрома. В частности, пилорамы использовали только 15 из них, а трикотажные машины использовались только на 60% [15, с. 1-13].

Эти недостатки, вкупе со слабой организацией труда рабочих, неупорядоченность в деле технического нормирования и оплаты труда приводили к невыполнению предприятиями планов по росту производительности труда (хотя она, по сравнению с уровнем 1950 г., и несколько выросла — Н.А.). Их в 1953 г. выполнили только Акташское рудоуправление, Кебезенский ЛПХ, хлебопекарня и артели промкооперации [5, с. 18].

Другим, нежелательным для предприятий показателем в 1953 г. стала высокая себестоимость выпускемой ими продукции, особенно в ЛПХ,

хлебопекарне, мясокомбинате, у швейной фабрики и др. Всё это существенно сдерживало темпы роста «промышленного производства». И такая ситуация в промышленности наблюдалась уже не один год. Так, в 1951 г. выпуск её валовой продукции составил всего лишь 93,4% к плану, в 1952 г. — 87,9 и в 1953 г. — 92,3%. Особенно плохо обстояло дело в лесной промышленности. В числе отстающих значились Дайбовский и Пыжинский ЛПХ. Не лучше были дела в гортопе, на предприятиях облмрестпрома, общепита, в артели «Электрометалл». Чуть лучше работали предприятия краевого подчинения, ежегодно перевыполнившие планы: в 1951 г. — на 7,4 а в 1953 г. — на 4% [5, с. 419].

Но, как и в прошлые годы, «камнем преткновения» для всех предприятий был план по выпуску продукции в установленном ассортименте и номенклатуре. Так, в 1951 г., из 17 видов «промышленной продукции», он был выполнен только по производству тканей, трикотажа, мяса и кондитерским изделиям. Особенno низкими были показатели по производству кирпича (на 42%), мебели (на 65,7) и извести (на 76,8%). В результате «недоработки» только этих отраслей, бюджет области недополучил 1,7 млн. руб. Такое же положение с выпуском этой продукции было в 1952–1953 гг. В силу этого, область была вынуждена ввозить мебель, шифер и консервированные пищевые продукты из других регионов страны [17, л. 28].

Таким образом, подытоживая всё вышеизложенное, можно констатировать, что в годы IV и первые годы V пятилетки промышленное развитие области (несмотря на усилия коллективов) существенно тормозилось наличием в отрасли мелких предприятий и артелей, очень низкой их технической оснащённостью, отсутствием квалифицированной рабочей силы, а также «недочётами» в организации труда и работе с кадрами. Многие «беды» промышленности области были обусловлены тем, что многие предприятия и артели не имели четко выраженного «промышленного профиля», в силу чего, они нередко переключались на «несвойственное им производство», что приводило к неоправданным расходам «сырья», предназначенного для выпуска плановой продукции и к невыполнению планов. Такая «работа» обрекала местную и кооперативную промышленность края на «пассивную разработку местных сырьевых ресурсов» и на «имитацию» работы по «наиболее полному удовлетворению спроса населения на предметы массового потребления» [5, с. 420].

Такой «подход» к делу не устраивал ни местные власти, ни центр. И они принимали меры к изменению ситуации, сложившейся в промышленности области. Она изменилась (в лучшую сторону) только после принятия ЦК КПСС и СМ СССР ряда документов, направленных на улучшение обеспечения трудящихся страны «продовольствием и промтоварами» [18, с. 303-305]. Руководствуясь ими, государство изыскивало дополнительные средства для оказания помощи регионам в развитии их промышленности (замена устаревшей

техники на предприятиях, повышение уровня механизации и автоматизации, внедрение научных разработок и изобретений в производство). Помогало оно коллективам и выводить свои предприятия «на новый уровень развития». Решая эти задачи, они активнее продолжили начатую ещё в 1954 г. специализацию и кооперирование промышленности, укрепление «мелких промышленных предприятий». Благодаря этому, промартели были ликвидированы, а на базе их и других мелких объединений «местпрома» было создано 15 крупных и специализированных предприятий. Так, промартель «Текстильщик» была преобразована в ткацкую фабрику, промартель «Электрометалл» (Рособозпромсоюза) — в обозостроительный завод Республиканского подчинения, сапоговаляльное предприятие — в гардинно-тюлевую фабрику (ГТФ) краевого подчинения. В эту же систему вошли и вновь созданные швейная и мебельная фабрики, Паспаульский деревообрабатывающий завод и др. [19, л. 23].

Начавшийся процесс укрупнения промышленных предприятий положительно сказался на их деятельности в целом. В немалой степени способствовала этому и трудовая активность их рабочих. Разными формами соцсоревнования было охвачено в те годы около 80% рабочих, ИТР и служащих предприятий. Особенно преуспело в этом руководство рудника «Весёлый», Акташского рудоуправления, швейных фабрик крайлегпрома и облместпрома, Кебезенского и Дайбовского ЛПХ [20, л. 23].

Библиографический список

1. Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1985.
2. Народное хозяйство Горно-Алтайской автономной области. Статистический сборник. — Горно-Алтайск, 1957.
3. Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. 58. Оп. 2. Д. 68.
4. Плановая комиссия Горно-Алтайского облисполкома. Итоги работы промышленности за 1946 г.
5. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области. — Горно-Алтайск, 1973.
6. ГАРА. Ф. 58. Оп. 5 а. Д. 2.
7. Киселев Н. М. О некоторых особенностях развития экономики Горного Алтая в после военный период (1946–1963 гг.). — Горно-Алтайск, 1967.
8. ГАРА. Ф. 58. Оп. 5 а. Д. 1.
9. ГАРА. Ф. 58. Оп. 2. Д. 55.
10. ГАРА. Ф. 33. Оп. 29. Д. 37.
11. Очерки по истории Горно-Алтайской областной организации КПСС. — Горно-Алтайск, 1971.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1960. Т.4.
13. История Сибири. Т. 5. — Л., 1968.
14. ГАРА. Ф. 33. Оп. 29. Д. 42.
15. ГАРА. Ф. 58. Оп. 5 а. Д. 2.
16. ГАРА. Ф. 33. Оп. 29. Д. 2.
17. ГАРА. Ф. 33. Оп. 2. Д. 171.
18. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1960. Т. 8.
19. ГАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2332.
20. ГАРА. Ф. 50. Оп. 2. Д. 3.
21. ГАРА. Ф. 58. Оп. 5 а. Д. 2.

Выражением трудового подъёма коллективов предприятий в борьбе за технический прогресс стало и набиравшее темпы рационализаторское движение. Особенно преуспели в этом Акташское рудоуправление (здесь за счет внедрения в 1953–1954 гг. в производство 15 раппредложений было сэкономлено за год 142 тыс. руб. — Н.А.), Куйская геологоразведочная экспедиция, Майминский сырзавод и др. [20, л. 23].

Но не только организационные мероприятия, инициатива и трудовой энтузиазм рабочих, ИТР и служащих способствовали качественному развитию промышленности области в V пятилетке. Способствовало этому (причем, в значительной степени) и оснащение предприятий новым оборудованием. Достаточно сказать, что только на предприятиях г. Горно-Алтайска появилось в августе-декабре 1955 г. свыше 150 единиц нового оборудования [15, с. 257], что в сочетании с возрастшей трудовой активностью рабочих способствовало поднятию производительности труда, приросту валовой продукции, а также снижению её себестоимости. Так, первая выросла по области в 1955 г. (по сравнению с 1950 г.) в 2,2 раза, а валовая продукция (по сравнению с уровнем 1954 г.) — на 38,5%. Общая же стоимость произведённой в 1956 г. промышленной продукции составила 177,5 млн. рублей [21, л. 2], что свидетельствовало не только о восстановлении промышленности области, но и о ее развитии более ускоренными темпами, чем в 1946–1950 гг.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 15.11.09.

N. G. Arykova

THE DEVELOPMENT OF INDUSTRY GORNO-ALTAI AUTONOMOUS REGION AND ENSURING HIS LABOUR FORCE IN YEARS FOUR-YEAR AND FIVE-YEAR PLANS

In article, on the basis of publish and archive materials throw light restoration of industry Gorni Altai in years four-year and five-year plans.

Great Patriotic War, Gorni Altai, industry, technical arming of enterprises, shortage of workers, enthusiasm of workers

УДК 902

Э. П. Дворников

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ: О ВОЗМОЖНОСТЯХ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

Работа посвящена анализу истоков погребального обряда и возможностей использования этнографических параллелей в его интерпретации

обряд, миф, ритуал, комплекс

Погребально-поминальная практика древних кочевников Горного Алтая уже давно привлекла внимание исследователей. Однако в предложенном нами аспекте, она рассматривается впервые. Прежде чем приступить к освещению заявленной нами темы, следует определиться с понятием «что такое погребальный обряд?» Для археолога это более или менее очевидная вещь. Не вдаваясь в громоздкие формулировки, можно утверждать, что погребальный обряд – это совокупность определённых обрядовых действий связанных собственно с биологической смертью человека. Любопытное определение, по данному вопросу, в своих работах приводит М. Д. Хлобыстин. «Погребальный ритуал, указывает она, — это материализация идеи материально-пролонгирования жизни в процессе осознания первобытным коллективом своей социальной значимости как сообщества индивидуумов» [1, с. 136]. Даже специалисту никогда не определить, к какой сфере относится это явление: к религиозной или социальной. Совершенно очевидно, что это действие равновелико совмещает все стороны бытия человека: и религиозную, и социальную, и бытовую, и мифологическую. С одной стороны, погребальный обряд фиксирует финальный этап земной жизни, с другой стороны, включает в себя различные элементы развития культуры общества, будь то первобытные племена или же представители ранних государств и символизирует жизнь или её новый этап. Когда же появился погребальный обряд? На этот вопрос можно однозначно указать на его дорелигиозное и досоциальное происхождение, то есть он появился ещё на заре человеческой истории. Собственно погребальный обряд как культурное явление является, как это не парадоксально с точки зрения, например атеиста, продолжением жизни после реинкарнации.

Обратимся к важнейшему этапу, отражающему переход в иной мир посредством анализа составляющих элементов погребального объекта. Мы не должны забывать о том, что собственно погребальный объект фиксирует лишь в общем, плане проведённый ритуал погребения. С определённой долей вероятности, мы можем восстановить перечень мероприятий соплеменников умершего до момента похорон и после, что не фиксируется в овеществлённых элементах обряда. В частности, речь идёт о событиях, предшествующих проведению погребальных действий, а именно комплекс воздействий соплеменников на тело умершего. Ярчайшим выражением таких операций является нанесение специальных сюжетов в виде татуировок, хирургических манипуляций, мумификации

вание покойного как у пазырыкцев, изготовление посмертной маски, как у представителей таштыкской культурной общности, а то и вовсе сжигание тела покойного, что, например, было характерно для енисейских кыргызов. Важнейшую часть церемониала представляет этап похорон, что и фиксируется, в конечном итоге, при раскопочных работах как овеществлённый остаток погребального ритуала.

Если обратиться к подземной составляющей погребального комплекса, то здесь также наблюдается широкое разнообразие, объединённое в двух моментах — положение умершего и предметный комплекс. Ингумация как способ положения покойного фиксирует позу усопшего, часто напоминающую спящего человека. Очевидна ассоциативность с промежуточным положением ухода из мира живых, ведь в логический ряд между живым и умершим можно поместить спящего. По словам С. А. Токарева, в основе погребального обряда лежат два противоположных инстинкта — инстинкт опрятности (избавление от гниющего тела) и инстинкт социальной привязанности (стремление оставить близких людей рядом с собой). Он же предлагает классификацию способов погребения, в зависимости от мотивации (оставление, выбрасывание трупа, кремацию, эндоканнибализм, мумификацию и др.) [2].

Трактовка погребального обряда различна в археологии и этнографии. Этнограф изучает обряд как действие, сопровождающее погребение умершего, а археолог — вещественные остатки проводимых обрядов. Следовательно, при сопоставлении данных археологии и этнографии могут быть выяснены причинно-следственные связи изучаемого действия.

После проведения обряда появляется погребальный памятник. При изучении его археологом фиксируется прежде всего: вид захоронения, способ захоронения, вид погребальной конструкции, состав погребального инвентаря. Кроме того, совершенно необходимо выделить факторы, влияющие на структуру обряда: место обитания, религиозно-мифологическая система, погребальные обычаи, обстоятельства смерти, обычай хирургических воздействий на умершего для бальзамирования, как у пазырыкцев, или изучение анатомии человека после смерти и объясняется разными причинами. Чукчи, например, вскрывали труп человека, умершего от болезни, чтобы рассмотреть внутренности и таким образом установить, какие из них были съедены вредоносным существом «кэм». У туземцев Габона было принято проводить обряд вскры-

тия для того, чтобы узнать, кто «съел душу покойного» или какие другие души он «съел» сам [3, с. 498]. По данным сибирской этнографии, во время инициации шаман мысленно освобождает свои кости от мышц, вынимает сердце, как пазырыкцы, манипулировал с телами умерших из «царских» курганов [4, с. 86]. В Тибете существовал обряд «тшед», во время которого человек, попавший под гипноз ритуала, переживал, все муки раздиаемого на части и пожираемого заживо страшными чудовищами. Слова литургии, произносимые во время обряда, напоминают, во что превращается плоть: «На этом пищу плоть мою превратится в самые лакомые для вас яства. Вот плодородные нивы, зеленые леса, цветущие сады, пища чистая и кровавая; вот одежда, целебные лекарства... Берите, вкушайте... Я отдаю свою плоть алчущим, кровь — жаждущим, свою кожу — тем, кто наг, кости свои — на костер для тех, кто страдает от холода...» [5, с. 498].

Наземной частью погребального сооружения является курган. Как указывал М. П. Грязнов: «Курган — это архитектурное сооружение, несущее в себе информацию: строительную, технологическую и идеологическую. Данное сооружение нужно рассматривать не как архитектурное строение, а как результат археологизации архитектурного сооружения» [6, с. 22-25].

Скифский курган, как искусственно созданный объект находится на границе трёх естественных (реальных) и в то же время мифологических сфер: средней (дневная поверхность, мир живых; здесь чаще находится устье входа в погребальное сооружение), нижней («подземелье», мир мертвых, где обычно располагается погребальная камера) и верхней (небесно-воздушная среда, мир высших божеств, куда устремлена курганская насыпь). Имеются яркие этнографические свидетельства о том, что сибирские аборигены, в частности шорцы, делили Верхний Мир на девять небес: на девятом небе живёт Ульген, на восьмом — Солнце, на седьмом Луна и т.д. [7, с. 70-71]. Кстати, числа 7 и 9 являются сакральными и хорошо отражают космогоническую структуру кургана.

Очевидно, и насыпь, и пространство около курганов сакрализовались, в том числе и посредством ритуальных действий, при этом степень сакральности уменьшалась по мере удаления от геометрического центра насыпи. Анализ скифских погребений привел к однозначному подтверждению трактовки скифского курганного комплекса, как символической модели упорядоченного мира в вертикальной и горизонтальной проекциях. В этнографических материалах религиозно-мифологическая картина мира является объектом пристального изучения

Из имеющихся данных по погребальной обрядности пазырыкской культуры треть погребений людей содержали сопроводительные захоронения лошади. На основании этих данных можно констатировать, что конь является по преимуществу погребальным животным. У индоиранских народов были распространены представления о коне как о спутнике бога Смерти, о душе, которая отправляется в иной мир на колеснице. Основная

идея, заложенная в обряде — благоприятный переход умершего в потусторонний мир. Этап перехода ярко транслируется в этнографической современности. Подобный обряд известен и у бачатских телеутов. Вот как об этом повествуют информаторы: «лошадь умершего (пока покойник находился дома) была привязана к углу дома. В течение 40 дней за ней тщательно ухаживали, хорошо кормили. Каждое утро водили её на кладбище. По истечении 40 дней рядом с могилой хозяина выкапывали яму и опускали в неё живого, снаряженного коня. Ударив топором по холке, его закапывали». Эти сведения собранные Д. В. Кацубой [8] на территории современного проживания телеутов, находят полные аналогии в обряде захоронения всадника с тушей коня, который зафиксирован на курганных могильниках XI-XII вв., а значит, актуален и для ранних кочевников. Устройство срубной конструкции в могильной яме в последних исследованиях учёные склонны трактовать, как повозку или короб. Отмеченные в процессе исследований своеобразные элементы погребальных памятников, традиции ориентации и положения умерших людей, сопроводительные захоронения лошади во многом связаны с особенностями хозяйственной деятельности и социальной структуры, которые в значительной степени определяли развитие религиозных и мифологических воззрений кочевников. Это связано с тем, что мышление и ритуальные действия не выходили из сферы целенаправленной деятельности. Изучение семантики погребального обряда кочевников Горного Алтая показывает, что каждый его элемент нес на себе конкретную знаковую символику. Религиозно-мифологическая система, как составляющая часть мировоззрения включала в себя черты традиционного для сибирских народов шаманизма, а также комплекс разнообразных ритуальных действий имевших индоиранские источники. Это позволяет сделать вывод о том, что религия пазырыкцев носила сложный, смешанный характер.

При изучении «звериного искусства», В. Д. Кубарев предложил привлекать для этого этнографические, письменные и некоторые другие источники. По мнению учёного, реконструкция мировоззрения и идеологии древних скотоводов Алтая будет способствовать привлечению индоиранских мифов и героического эпоса тюркских народов [9, с. 168]. В. Д. Кубарев также отметил, что для скифо-сакского, в том числе и пазырыкского искусства, характерны устойчивые мифологические образы, формирование которых обусловлено как архаическими явлениями (пережитки тотемизма, магия, культ животных), так и культурными контактами с соседями. Владимир Дмитриевич выразил согласие с другими археологами, считающими, что погребальный обряд связан с определённым кругом верований кочевников. Подтверждая свой тезис, он приводит интерпретации некоторых элементов погребального ритуала (погребальное сооружение, положение умерших и др. [10, с. 125-128]) на основе этнографических материалов [11, с. 166-168]. В данном случае отражен традиционный подход археологов советского периода к религии древних обществ, основанный на сопоставлении археоло-

гических и этнографических источников, что явилось определённым шагом в реконструкции духовной культуры кочевников.

Важный аспект в изучении поставленного нами вопроса осуществлён Н. В. Полосымаик использовавшей междисциплинарный синтез путём привлечения различных источников и данных как гуманитарных, так и естественных наук. Методологическую основу её исследований составили традиционные принципы отечественной этнографической школы, французской социологической школы (Л. Леви-Брюль), некоторые положения структурализма (Ю. М. Лотман) и синтезного подхода М. Элиаде. Это позволило ей сделать определённые выводы о духовной культуре пазырыкцев [12].

Подводя итоги, отметим, что при изучении древнего периода истории человечества учёные столкнулись с явлением сходства основных элементов культуры народов мира. Универсалии человеческой культуры обусловили сходство законов человеческого мышления, совпадением меха-

низмов человеческой адаптации в сходных природных условиях. Идеи М. Элиаде и К. Юнга направляют нас на осознание того, что существует в человеке первообраз уже с рождения и он универсален, независимо от особенностей культуры. В. Пропп считал, что явление всемирного сходства фольклорных сюжетов «гораздо шире и глубже, чем это представляется невооружённому глазу». Миф и мифотворчество представляют собой формы первобытного сознания [13, с. 62-68]. Именно миф поддерживает в человеке незыблёстность человеческих устоев и наделяет его ценностными ориентирами. Главным источником сакрализации был и остаётся Космос.

Следовательно, метод археолого-этнографических сопоставлений представляется нам наиболее эффективным при изучении мировоззренческих истоков ныне живущих народов и ярко иллюстрирует неовеществлённые элементы обряда погребения древних обществ.

Библиографический список

1. Хлобыстина М. Д. Погребальные ритуалы первобытных эпох. — Спб., 1995.
2. Токарев С. А. Ранние формы религии. — М.: Полииздат, 1990.
3. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М., 1994.
4. Курочкин Г. Н. Скифские корни сибирского шаманизма: попытки нового «прочтения» Пазырыкских курганов. — СПб., 1994.
5. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. — М., 1994.
6. Грязнов М. П. Курган как архитектурный памятник //Тезисы докладов на заседаниях, посвящённых итогам полевых исследований в 1960 г. — М., 1961.
7. Хлопина И. Д. Из мифологии традиционных верований шорцев. — В кн.: Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978.
8. Кацюба Д. В. Духовная культура телеутов. — Кемерово, 1993.
9. Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. — Новосибирск, 1991.
10. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. — Новосибирск, 1987.
11. Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. — Новосибирск, 1991.
12. Полосымаик Н. В. Пазырыкская культура: Реконструкция мировоззренческих и мифологических представлений. Автореферат дис. д. и. н. — Новосибирск, 1997.
13. Семёнова В. И. Мировоззренческие истоки погребальной обрядности в культуре народов Западной Сибири в эпоху средневековья. Автореферат дис. д. культурологии. — Кемерово, 2006.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 15.01.10.

E. P. Dvornikov

FUNERAL PRACTICE OF ANCIENT NOMADS OF MOUNTAIN ALTAI:
ABOUT POSSIBILITIES OF ARHEOLOGO-ETHNOGRAPHIC COMPARISONS
Work is devoted the analysis of sources of a funeral ceremony and possibilities of use of ethnographic parallels in its interpretation.

ceremony, myth, ritual, complex

УДК 902

H. Ф. Иванцова

В. Г. ТЮКАВКИН: ФИЛОСОФИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ, ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ.

В статье проанализирован вклад известного отечественного исследователя В.Г. Тюкавкина в изучение крестьянства России конца XIX — начала XX вв.

*Россия, социальное, национальное, экономическое развитие,
изучение крестьянского вопроса*

В. Г. Тюкавкин был тем, за кем еще при жизни была признана роль корифея российского аграрного и крестьяноведения. Можно утверждать,

что основные направления, темы, проблемы исследования в этой области определялись им, а его, как правило, оригинальные концепции (иног-

да после дискуссий) становились господствующими в науке.

Все, что было воплощено учеными в монографиях, статьях, в учебной литературе, его наблюдения, оценки, выводы основывались, во-первых, на проработке широчайшего круга источников, во-вторых, на гражданской позиции, проистекавшей на отношении к России, как великому, самобытному сообществу и государству, а к крестьянству — как к опытному, талантливому, трудолюбивому хозяйственному, в-третьих, на его философско-исторических воззрениях, которые до конца его жизни являлись методологической основой его исследований.

Философские воззрения В. Г. Тюкавкина — это был диалектический и исторический материализм. Он рассматривал все процессы российского аграрного развития в рамках теоретико-методологической концепции формационного развития. В 60–80-е гг. он не мог не руководствоваться господствующей в стране идеологией, но основой его исследований являлось объективное изображение исторических событий, на поиске объективных оценок. Он не был противником партийности в науке, но он не был и фанатически партийно-ангажированным ученым.

В качестве предмета и объекта исторического исследования он определял и прошлое, и настоящее. В историческом процессе он видел закономерный исторический процесс замены одного общественного строя другим. Движение истории в целом представлялось ученыму как переплетение различных составляющих (экономических, социальных, политических, демографических, этнокультурных).

Совокупность общих и специфических черт определялась историком как тип развития. Он отмечал, что историческим можно назвать то, что завершено. Он не был категоричен в выводах, никогда не давал однозначных оценок событиям, деятельности руководителей новейшей истории.

Развитие он рассматривал как процесс, сложный, противоречивый, и признавал, что он может протекать, как эволюционно, так и революционно. Альтернативы для революции 1917 г. для него не было. Хотя во всех его последних работах проведенный анализ социально-экономического и политического развития России 1900–1917 гг. подводил его к выводу, что 1917 г. — явление незакономерное.

Российское общество начала XX в. он представлял как единый организм, в котором одни компоненты (политические) определяли развитие других (социальных, национальных, экономических) и наоборот. И многообразие этих компонентов (многоукладность, сословность, многочисленность форм землевладения) рассматривались им не как пережитки, аномалии, переходные состояния, а как естественные устойчивые образования, социально-экономические структуры, которые органично вписывались в рыночную, капиталистическую систему России.

Опыт развития России, отмечал В. Г. Тюкавкин, показывал, что оно шло не от многообразия

к единству, а от многообразия к еще большему многообразию, и именно это было, по его мнению, объективной основой российского общественного прогресса. Причем, он не раз подчеркивал, что российское общество развивалось, прежде всего, за счет внутренних (природных, людских, духовно-нравственных) ресурсов.

В. Г. Тюкавкин не единожды обращался к вопросу роли природно-климатического фактора, который прямо влиял, по мнению ученого, на темпы развития российского общества. Суровость климата, по твердому убеждению ученого, определяла то, что российский крестьянин должен был для реализации подобных французу, итальянцу, англичанину задач затрачивать в три-четыре раза больше усилий. В. Г. Тюкавкин отмечал, что специфическая природно-климатическая среда, обширность территорий предопределяла многое: меняться, традиции, обычаи, систему и структуру власти и пр.

При характеристике роли личности в истории В. Г. Тюкавкин указывал на сложное сочетание в ней сословных, классовых интересов, субъективного начала. В отличие от ортодоксальных коммунистов, он не абсолютизировал ее влияние на исторический процесс. Это, замечал он в последних своих работах, касалось и классов и партий. Личность (П. А. Столыпин, С. Ю. Витте, Николай II) для него — это не только прогрессивный или реакционный политик, но и человек с определенными морально-этическими, физическими качествами, религиозными взглядами, настроениями. В целом же, для него личность — являла собой и продукт, и агента исторического процесса, и сознательного деятеля.

Для В. Г. Тюкавкина главным двигателем прогресса являлся российский крестьянин. Свою последнюю фундаментальную работу он посвятил «великорусскому крестьянству», и как он отметил, только по той простой причине, что именно оно вынесло на своих плечах основную нагрузку создания единого экономического и культурного пространства. Исследователь подчеркивал, что крестьянство в условиях «великих» для него для него «потрясений» второй половины XIX — начала XX в. не растеряло ни познаний, ни умений, накопленных за многовековую историю, сохранило свою самобытность и органичность, необходимые физические качества, психологию крестьянина-труженика, не мыслившего жизни без труда на земле.

«Русское крестьянство имело большой опыт учета природных условий, передавало из поколение в поколение народные приметы, старалось максимально приспособить сельскохозяйственное производство к местным особенностям. Старики узнавали сроки сева, сопоставляя приметы. Благодаря этому, их потомкам удавалось свести к минимуму капризы природы, выбрать оптимальные сроки посева и уборки зерновых» [1].

В. Г. Тюкавкин считал, что каждое следующее поколение в российской деревне всегда жило по принципу: сохранить и преумножить то, что было создано до него. Даже революция не могла

уничтожить эту традицию. Новые идеи крестьянство органически связывало с предшествующим историческим опытом.

Проблема уровня развития сельскохозяйственного производства находилась в центре исследовательских интересов ученого на протяжении 40 лет.

Уже в первой своей монографии исследователь выступил как новатор. В разрез господствовавшей тогда концепции «полуфеодального», «половинного» состояния сельского хозяйства, «дикой деревни» он, на основе анализа широкого массива источников, определил довольно высокий уровень развития производительных сил, земледелия, животноводства, деревенских промыслов [1].

Динамика посевных площадей, объемов сбора зерновых, применение техники, новые формы организации производства (кооперация), внедрение новых агротехнологий (многополье, посев технических культур, травосеяние, мелиорация, опытничество) свидетельствовали, по мнению ученого, о том, что крестьянство не только сумело обеспечить стабильность в развитии хозяйства, но и создать в условиях рынка своеобразную модель крестьянской экономики, базировавшейся на общемном, индивидуальном и кооперативном укладах.

Уже тогда, в первых своих работах, В. Г. Тюкавкин заявил себя сторонником рыночной трансформации, капитализации, высокой производительности труда. Впоследствии, многие свои выводы ему приходилось отстаивать в дискуссиях на конференциях, симпозиумах, в заочной полемике с оппонентами.

Он не один раз обращал внимание, на то что, в частности, отработки никак не «признак крепостничества», а, следовательно, они не могут рассматриваться в качестве формационно-образующего фактора. Ученый был уверен, что они и в конце XIX в. выступали только в качестве способа оплаты или одного из способов найма. В отработках, замечал В. Г. Тюкавкин, нуждались и помещики, и крестьяне, и отработочная система сыграла положительную роль в процессе перехода к рынку.

В концентрированном выражении его концепция высокого уровня развития российского сельскохозяйственного производства была представлена в вузовском учебнике. В нем он отвел России первое место, подчеркнув, что она производила больше сельскохозяйственной продукции, чем США, Канада, Аргентина вместе взятые, что на 25% мировой хлебный рынок контролировалась Россией, ибо на душу населения Россия уже тогда производила в среднем 400-450 кг, а это, справедливо резюмировал ученый, современные показатели Канады [2].

В конце 90-х гг. он отказался от расхожего утверждения, согласно которому и российское правительство, и крестьянство жило по принципу «не доедим, но вывезем».

В 60-е гг. В. Г. Тюкавкин был активным участником дискуссий по проблеме «тип развития аграрного капитализма», «тип российской буржу-

азной аграрной эволюции». Большая часть исследователей полагала тогда, что аграрно-капиталистическое развитие шло по прусскому пути, причем акцент переносился на такие, по их мнению, сохранившиеся в России «пережитки феодализма и крепостничества», как податная система, помещичье землевладение, отработки, надельное землепользование, полукрепостническое самодержавие и пр. В. Г. Тюкавкин полагал, что на окраинах России, в частности, в Сибири, в конце XIX — начале XX вв. интенсивно шел процесс превращения патриархального крестьянства в буржуазного фермера и господствующим тогда стал американский тип буржуазной аграрной эволюции, а в центре страны таковым, т.е. определяющим стал фермерско-буржуазный тип развития [3].

Вопрос о путях развития капитализма в сельском хозяйстве тесно увязывался ученым с уровнем развития рынка. Опираясь на большой фактический материал, Виктор Григорьевич показал условия и неоднозначный процесс образования в стране аграрного рынка (в ранних работах — по сибирскому региону, в более поздних — по России) [4]. Указал он и на важный фактор, обеспечивающий, по его мнению, динамичное развитие аграрного рынка: высокая товарность крестьянского производства. Кроме этого, он указал и еще одну сторону процесса образования внутреннего рынка — это расслоение крестьян-землевладельцев на «сельскую буржуазию» и «сельский пролетариат» [5].

Для характеристики уровня развития сельского хозяйства, крестьянской экономики большое значение, считал ученый, имеет изучение уникального явления — кооперации. В. Г. Тюкавкин полагал, что условия хозяйствования в начале XX в. приводили крестьянство к необходимости объединения в разного рода кооперации [6]. В ряде работ исследователь обратил внимание и еще на один момент: кооперация явилась эффективным механизмом регулирования рыночных отношений и в какой-то мере помогала крестьянству «врасти в рынок», сохранив и расширив, при этом, свое производство.

Наряду с указанным, В. Г. Тюкавкин считал кооперацию в целом и демократическим институтом, но социальную ее природу определял как купецкую [7], хотя, указывал он, в 1917 г. она объединяла до 50% крестьянских дворов и до 80% крестьянского населения. Объединение же низших форм кооперативов в Союзы, а последних — в Союзы Союзов помогли кооперации сосредоточить в своих руках громадные средства (так, капитал Закупсыбыта составил в 1917 г. 135 млн., Союза сибирских маслодельных артелей — 160 млн. руб.), широко использовавшиеся крестьянством [9].

Не оставил без внимания В. Г. Тюкавкин и достаточно сложный период развития сельского хозяйства — период Первой Мировой войны. Оппонируя своим коллегам — сибирякам, а позднее — А. М. Анфимову и И. Д. Коваленко, Виктор Григорьевич полагал, что в годы войны сельскохозяйственное производство, не-

смотря на отвлечение на войну и другие работы почти 15 млн. человек, продолжало динамично развиваться. Как, отмечал ученый, посевные площади в России выросли, причем значительно, выросли также и общие объемы сбора зерна, увеличилось поголовье всех видов скота, в целом [9].

В рамках господствовавшей в стране методологии, В. Г. Тюкавкин выступил в 60-х гг. за поиск «предпосылок революции», а также сторонником теории глубокой дифференциации крестьянства. При этом он смело скорректировал численность определенных, в свое время, В. И. Лениным группировок крестьянских хозяйств в направлении уменьшения бедняцких и увеличения, так называемых, кулацких хозяйств (с 15 до 20%) [10].

Нацеленность на поиск предпосылок революции заставила ученого увеличить, в отличие от его предшественников, и численность сельскохозяйственных рабочих: только в Сибири — до 375 тыс. рабочих (у Л. М. Горюшкина их было 180 тыс.) [11]. Так расширялась В. Г. Тюкавкиным социальная база революции. Наемный труд в сельском хозяйстве России в общей массе труда составлял весьма небольшую величину (от 2 до 6%), даже при условии, что наемных работников использовали до 30% хозяйств.

Следует, однако, заметить, что В. Г. Тюкавкин настаивал на том, чтобы исследователи при группировке хозяйств учитывали комплекс данных: посев, скот, размеры арендованной, купчей земли, доходы от промышленной и промысловой деятельности. По мнению ученого, только такая методика подсчета могла позволить наиболее корректно выявить динамику социальных процессов в деревне. Иначе говоря, в

последнее время ученый решительно ушел от традиционного ленинского деления крестьянства на кулака, середняка и бедняка и предложил употреблять менее политизированные обозначения — «малосостоятельный» и «состоятельный» крестьянство.

Столыпинская реформа стала одним из важных направлений исследований ученого в 90-е гг. Оригинальность подхода В. Г. Тюкавкина в определении ее сути состояла в том, что он центральным звеном преобразований считал не перевод крестьянина в новое состояние — собственника земли, на ликвидацию общины (как определялось большинством советских исследователей), а новое землеустройство, без чересполосицы, дальноземелья, части переделов, обусловливавших, по его мнению, низкую эффективность крестьянского хозяйства. Упорядоченность землепользования, по мнению В. Г. Тюкавкина, была не менее важна, чем обеспечение крестьянам выхода из общины, так как документ о землеустройстве его двора давал право на личное частое владение земельным участком. Землеустройство двора, по мнению ученого, являлось лишь условием улучшения экономики крестьянского хозяйства.

Наконец, В. Г. Тюкавкин был убежден, что ни невыход крестьян из общины, ни незавершенность землеустройства, ни значительность обратных переселений никак не свидетельствовали о крахе столыпинской реформы. В контексте определения исследователем в отдельных выступлениях целей реформы можно предложить, что крах столыпинской реформы ему виделся в одном — крестьянство сказали «нет» частной собственности на землю.

Библиографический список

1. См.: Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.
2. Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. М., 1987. С. 20-22.
3. Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. С. 451-452.
4. Там же. С. 458-462.
5. Там же.
6. Тюкавкин В. Г. Потребительская кооперация в сельском хозяйстве Сибири в начале XX века. С. 86.
7. Там же. С. 87-88.
8. Тюкавкин В. Г., Щагин Э. М. Указ. соч. С. 121-122.
9. Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. С. 309, 359, 378; Его же. Предпосылки социалистической революции // Программа и краткое содержание докладов на объединенной научной сессии. Томск, 1964. С. 7.
10. Тюкавкин В. Г. Сибирское крестьянство накануне Октября. С.
11. Там же. С. 276-279.

Московский государственный педагогический университет им. В.И. Ленина
Получено 21.12.09

N. F. Ivantsova

V.G. TYUKAVKIN: PHILOSOPHY, METHODOLOGY, RESULTS OF STUDIES
OF THE PEASANTRY RUSSIA IN THE LATE XIX — EARLY XX CENTURIES

In article analysed the deposit well-known of investigator V.G. Tyukavkin in study of peasantry of Russia
the end XIX— beginning XX centuries.

Russia, social, national, economical development, study of peasantry question

УДК 902

А. А. Завьялов

ПОЧТОВЫЕ ТРАКТЫ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов освещено состояние и развитие почтовых трактов Алтайского округа в конце XIX — начале XX вв.

**Сибирь, Алтайский округ, сухопутные, водяные пути сообщения,
грунтовая дорога, почтовая дорога, паром**

В плане административно-территориального устройства Алтайский горный округ с 1804 г. находился в составе Томской губернии. К этому времени в нем уже имелась достаточно «густая» сеть гужевых дорог [1, с. 3]. Профессор Томского университета М. Н. Соболев, занимавшийся изучением экономического состояния Сибири в конце XIX — начале XX вв., весьма критически отзывался о существовавшей тогда в крае дорожной системе. Долгое время Сибирь, — писал он в 1908 г., — была обречена на пользование естественными путями сообщения — сухопутными и водяными... Несовершенными и дорогими путями сообщения определялся и весь строй хозяйственной жизни Сибири XIX века: господство натурального хозяйства, отсутствие широкого и оживленного обмена, замкнутый строй быта» [2, с. 24-25].

Действительно на Алтае не было тогда настоящих шоссейных («стратегических») дорог первой и второй категорий, которые бы строились и содержались за счет государственной казны. Функции «главных» дорог дальнего сообщения выполнял и речной транспорт, который в конце XIX — начале XX вв. бурно развивался в Алтайском округе. Однако «главными артериями» края были в интересующее нас время все же грунтовые дороги третьей и четвертой категорий, имевших местное значение. Они-то громко именовались в народе «трактами», которые соединяли между собой уездные города, крупные ярмарочные села, а также служили путями для «почтовых сообщений». К этим «трактам», естественно, примыкали проселочные дороги, служившие «подъездными путями» к ним. Последние были, как правило, сезонными дорогами, которые часто меняли свое направление, а порой и вовсе забрасывались населением. В силу этого, число проселочных дорог не поддавалось никакому учету.

Как известно, дороги и дорожные сооружения строились и ремонтировались разными ведомствами. Так, горно-заводские дороги и содержались во второй половине XIX в. разными ведомствами. Так, «горнозаводские дороги» всецело содержались за счет Управления Алтайского округа Кабинета Ея Императорского Величества [3, л. 4]. Они служили для перевозки руды и угля, по ним крестьяне доставляли продовольствие и «прочие предметы» на заводя для из повседневной деятельности. На средства Кабинета строились мосты, а на крупных и полноводных реках им устраивались паромные переправы. Последние, а также речные перевозы почти всегда сдавались

Кабинетом в аренду «с торгов». Содержателями перевозов становились в большинстве своем представители «мещанского или крестьянского сословий», предлагавшие на торгах, как правило, «высшую арендную плату». Арендатор, выигравший торги, обязан был ремонтировать за свой счет или строить новый паром. За перевоз через реку «хозяин» взимал плату по таксе, установленной Кабинетом. Эти деньги составляли главный «доход» арендатора. Получал он «помощь», правда, очень редко, и от губернских властей. Так, в 1884 г. крестьянину Гаврилу Емельянову ими было выдано «за содержание им перевоза» с 1 января 1878 г. по 1 января 1881 г. т.е. за три года, 559 руб. 93 коп. Эти деньги были «изъяты из сверхсметных расходов земских сборов Томской губернии» [4, с. 166].

В начале XX в. дороги местного значения строились и ремонтировались, как правило, Главным управлением Алтайского округа Кабинета, при котором имелся дорожно-строительный отдел. В 1908 г. его возглавлял инженер В. С. Оленин. Под его началом работали: старший техник — А. М. Голев, техники «среднего оклада» — П. П. Горбунов, В. П. Брейтигам, младшие техники — А. Д. Сергеев, К. А. Пономарев Н. С. Макаров. Для достаточно обширной сети Алтайских дорог Алтая такого штата работников было явно недостаточно [5, с. 29].

Большинство уездных почтовых дорог находилось в ведении уездных распорядительных комитетов, которые возглавлялись уездными исправниками [6, л. 191-201]. Почтовые тракты содержались и исправлялись, как правило, за счет дорожной повинности, которую несли крестьяне. Уездные исправники совместно с крестьянскими старостами распределяли повинности на трехлетние сроки, закрепляя таким образом за сельскими обществами определенные участки дорог и устанавливая сметы на их ремонт. А ремонтировать надо было не только дорожное полотно, но и возводить дорожные сооружения: мосты, гати, барьеры и т.п. В год крестьянин обязан был отбыть дорожные повинности на сумму от 2,5 руб. до 8 руб. В крупных селах, с большим числом жителей, расходы по разверстке на дорожные работы достигали нескольких тысяч рублей. Однако, несмотря на значительные затраты, качество уездных «трактов» Алтая, оставляло желать много лучшего. Как правило, крестьяне почти повсеместно с неохотой выполняли «дорожную повинность», часто мотивируя свой отказ «нести ее»,

тем, что они, мол, пользуются для своих «нужд проселочными дорогами».

Оценивая сложившуюся ситуацию со своей либеральной точки зрения, М. Н. Соболев писал в свое время: «Почтовые тракты в Сибири поддерживаются в исправном состоянии натуральной дорожной повинностью крестьян. Эта повинность ложится тяжелым бременем на крестьян и составляет одно из крупнейших зол сибирской деревни. Заведывание дорогами находится в руках местной администрации, мало вникающей в интересы населения. Сплошь и рядом крестьяне принуждаются выходить на исправление дорог в период полевых работ, где для них бесконечно дорог каждый час. Нередко они обязываются чинить дороги за десятки верст от своих жилищ и терять массу времени на переходы. Единственным выходом из этого тяжелого и ненормального положения является введение земского самоуправления. Последнее, ведая местными путями сообщения, сумеет внести в эту область большую справедливость, заменит натуральную повинность денежной формой и возложит тяжесть содержания дорог в исправности на все слои населения без исключения» [2, с. 35].

Немало «забот» на уездных почтовых трактах «приносили» речные перевозы строившиеся и содержавшиеся также за счет средств, полученных от дорожной повинности. Обеспечение деятельности перевозов через реки и исправление мостов и гатей производилось «посредством земского денежного сбора». Так, в 1881 г. в Томской

губернии расход на эти цели составил 15884 руб. 70 коп. [7, с. 18]. Спустя год, т.е. в 1882 г. году расходы (из сумм губернского земского сбора, произведенные по Томской губернии) только на содержание перевозов составили 8582 руб. 27 коп. [5, с. 165].

В силу «немалых забот», связанных с содержанием перевозов и переправ, и понуждало уездные распорядительные комитеты проводить торги по сдаче подрядов на содержание паромных переправ. Основываясь на «Положении о казенных подрядах и поставках», они предоставляли подряды тем лицам, которые назначали низшую цену на содержание перевоза. Кандидатура подрядчика обязательно согласовывалась с губернским управлением. За работу по содержанию перевоза подрядчик получал зарплату и дополнительные средства на ремонт парома и прочих принадлежностей [8, л. 17-23].

На территории округа сформировалось в интересующее нас время две основных линии уездных почтовых дорог: первая — на левом берегу р. Оби, где главную роль играли старые горнозаводские дороги: Павловский и Змеиногорский тракты и вторая — на правом берегу р. Оби, где основными дорогами были Кузнецкий, Бийский и Чуйский тракты.

От г. Барнаула шли две дороги губернского подчинения: одна на Колывань (Московский тракт), другая — на г. Томск (Томский тракт). Эти дороги соединяли Алтайский округ с Московско-Сибирским трактом и губернским центром.

Таблица 1

Почтовые тракты Алтайского округа в 1911 г.

Новониколаевск — Барнаул	Версты	Барнаул — Змеиногорск	Версты	Змеиногорск — Семипалатинск	Версты
Новониколаевск		Барнаул		Змеиногорск	
Берское	30	Шадринская	26	Екатерининская	29
Койнова	60	Калманская	52	Шемонаевская	60
Медведьевская	92	Чистюньская	84	Красноярская (на Убе)	83
Ганюшкино		Безголосова	108		
Зимовье	112	Плотавская	136	Пьяногорская (Семипалатинской области)	109
Анисимовская	136	Белоглазова	160		
Тальменская	161	Калмыцкие мысы	194		
Озерки	185	Куринская	231		
Повалиха	201	Саушинская	258		
Барнаул	220	Змеиногорская	279		

Источники: Памятная книжка Томской губернии на 1911 г. — Томск, 1911. с. 192.

Примечание: Таблица откорректирована нами — А. З.

Таблица 2

Земские тракты Алтайского округа в 1911 г.

№ п/п	Название тракта	Версты
1.	Барнаул — Томск	383
2.	Барнаул — Кузнецк	323
3.	Барнаул — Бийск	175
4.	Барнаул — Камень	151
5.	Бийск — Кузнецк	227
6.	Бийск — Змеиногорск	332
7.	Бийск — Кош-Агач	517
8.	Камень — Бердское	209

Источники: Памятная книжка Томской губернии на 1911 г. — Томск, 1911. С. 192.

Примечание: Таблица откорректирована нами — А. З.

Перевозки по почтовым трактам организовывались и осуществлялись специальными почтовыми организациями. До 1885 г. управление местной почтовой частью сосредоточивалось в руках губернских почтовых контор, которые возглавлялись управляющими почтовой частью, а в уездах — в уездных почтовых конторах, подчинявшихся почтмейстерам. Конторы разделялись на «классы», в частности, губернские — на три класса, а уездные — на четыре. Низшими «почтовыми установлениями» являлись почтовые станции, управлявшиеся станционными смотрителями, подчинявшиеся, в свою очередь, по роду в своей деятельности уездным и губернским по-

чтовым конторам. Отдельные «местные установления», кроме «почтовой части заведовали и телеграфной частью». В соответствии с законом 1885 г., это их «заведование» телеграфною и по-чтою частью в губерниях и уездах было упразднено. Для руководства ими на местах были созданы «почтово-телеграфные округа первого и второго разрядов, с определением пространства тех и других» по усмотрению министра внутренних дел. Для приема и передачи почтовой и телеграфной корреспонденции в городах и других населенных местностях учреждались почтово-телеграфные конторы, почтово-телеграфные отделения, почтовые и телеграфные отделения. В каждом почтово-телеграфном округе появилось управление, состоявшее из начальника округа, его помощников и других чинов. Начальник округа стал выполнять обязанности, которые ранее «принадлежали» начальникам телеграфных округов и управляющим почтовой частью в губерниях, за исключением лишь непосредственного «заведования почтовым делом в губернских почтовых конторах», которое возлагалось отныне на начальников этих контор «по принадлежности». На основании этого, в круг обязанностей начальника округа входило: разрешение спорных вопросов по почтовому делопроизводству, рассмотрение и разрешение в пределах компетенции жалоб, поданных на подчиненные ему почтово-телеграфные учреждения и на их должностных лиц. Дела же, которые он не имел права рассматривать, направлялись им. В соответствии с положением, начальники почтово-телеграфных контор и их чиновники, подчиненные им с подчиненными им почтово-телеграфные служащие были подразделены на шесть разрядов или классов [9, с. 49].

Деятельность учреждений по перевозке почт регламентировалась «Правилами о сборе весовых и страховых денег при пересылке по почте сумм и посылок, и об эстафетах». Согласно им, за почтовую «эстафету» взималась полуторная прогонная сумма до места назначения и поверстная оплата (в размере 1/2 коп. за версту пробега одной лошади). Письма посыпались с одноконными «эстафетами», а документы, деньги, посылки и пакеты в присутственные места и начальствующим лицам — на двух и трех лошадях, смотря по сумме и весу отправления. Сумма свыше 28571 руб. 43 коп. перевозилась только на трех лошадях [4, с. 140].

В конце XIX в. по сухопутным трактам Сибири, независимо от прогонов и других платежей, поступавших в пользу почтодержателей, был установлен временный — особый — сбор в казну в размере 10 коп. за перегон с каждой отпускаемой почтовой лошади, с взиманием этого сбора при самом отпуске лошадей на всех почтовых станциях с проезжающими по казенной и по частной надобности, а также с отправителей, на почтовых лошадях, всякого рода экипажей (дилижансов, карет и т.п.). Для удостоверения количества взысканных сборов проезжающим и отправителям экипажей, на каждой станции выдавались квитанции, на обороте которых были

напечатаны правила о порядке взимания сборов и обжалования действий, заведующих конными почтовыми станциями. Одновременно с введением этого сбора, были отменены ранее действующие правила о подорожных сборах. «Старые» требования о них прекращались, согласно закону, в Тобольской и Томской губерниях, а также в Иркутском, Туркестанском и Приамурском генерал-губернаторствах.

В конце XIX в. передвижение по уездным почтовым трактам регламентировалось проеденными правилами. В соответствии с ними, количество лошадей, необходимое проезжавшему (по числу едущих лиц, весу клади и другим условиям), определялось специальным расписанием, высохшее утвержденным 17 июня 1824 г. [10, ст. 30062].

Если по тяжести экипажа и клади, количеству едущих и времени года, требуемых проезжающим лошадей оказалось недостаточно, то в этом случае «под экипажи» прибавлялось, в соответствии с расписанием, необходимое число лошадей. Оно же предписывало вести учет как числа проезжающих через станцию людей, так и количество лошадей, предоставленных им. Для этого, на каждой станции имелся соответствующий журнал, куда и вносились все эти данные. Кроме того, вносились туда и время прибытия проезжающего и его данные: кто, откуда и куда следует, сколько лошадей отпущено и с каким ямщиком; через сколько часов лошади должны возвратиться на станцию; в котором часу, после трех часового отдыха, лошади могут быть вновь использованы в гоньбе; общий итог суточного разгона лошадей, чтобы проезжающий имел возможность проверить, сколько лошадей выпущено и сколько их остается еще на станции.

Проезжающие не имели права требовать для своего дальнейшего следования лошадей, предназначенных для отвоза почты, поскольку время ее прохождения определялось табелями, имевшимися на каждой станции. Проезжающий не должен был задерживать более одного часа присланных к нему на дом почтовых лошадей. Если по какой либо причине пассажир не отправился своевременно в дорогу, по истечении отведенного времени, то лошади возвращались на станцию и седок не имел уже права на обратное получение уплаченных им прогонов, а при новом требовании лошадей обязан был уплатить прогоны вторично. Проезжающий также лишался заплаченных им прогонов, если он отсрочил или вовсе отменил поездку.

В этой связи, нельзя не сказать еще об одной «особенности», закрепленных за почтовой станцией: она могла «отпускать лошадей в сторону от почтовой дороги», но не более, чем на 20 верст. Но так можно было поступать с лошадьми только со станций вольных почт. При этом проезжающий обязан был уплатить прогоны за полные 20 верст, хотя он и не имел надобности проехать все это расстояние. На всех прочих станциях, «содержавшихся по нормальным кондициям», лошади для проезда в строну от почтового тракта никогда не предоставлялись.

Таблица 3

**Расписание числа почтовых лошадей,
отпускаемое проезжающим по роду экипажей
и времени года**

№ п/п	В колесные и зимние экипажи	С 15 ноября по 15 мая марта и с 15 мая по 15 сентября		В прочее время года
		Число лошадей	Число лошадей	
1	В почтовые и обычные кибитки			
	один ездок	2	2	
	два ездока	2	3	
	три ездока	3	4	
2	В большой кибитке	Число лошадей		
	один и два ездока	3	4	
	три ездока	4	5	
3	В обычной двухместной коляске и бричке с одним чемоданом или сундуком	Число лошадей		
	один и два ездока	3	4	
	три ездока	4	5	
4	В двухместной коляске и бричке с сундуком или чемоданом наверху	Число лошадей		
	один и два ездока	4	5	
	три ездока	5	6	
5	В четырехместной коляске с сундуком и чемоданом и с сундуком и чемоданом на верху	Число лошадей		
	два и три ездока	5	6	
	четыре ездока	6	7	
6	Двухместные кареты с одним чемоданом и сундуком, или двумя сундуками без чемодана. (Если будет и на верху сундук и на задней оси, кроме сундука, чемодан, то припрягается еще по одной лошади)	Число лошадей		
	два и три ездока	4	5	
	четыре ездока	5	6	
7	Четырех местная карета с одним чемоданом и сундуком, или двумя сундуками без чемодана	Число лошадей		
	четыре ездока	6	8	
	пять и шесть ездоков	8	9	
8	Обыкновенные сани, розвальни и пошевни	Как в простые кибитки		
9	Двухместные сани	Как в двухместные коляски		
10	Четырехместные сани	Как в четырехместные коляски		
Если на повозках едет людей более, нежели в данном расписании, то смотритель станции может припрянуть на каждого излишнего человека по одной почтовой лошади, с получением стоимости за один прогон.				

Источники: Долгоруков В. А. Путеводитель по Сибири. — СПб., 1897. С. 375.

Таблица откорректирована нами — А.З.

Как уже было отмечено выше, каждый проезжающий, отправлявшийся на почтовых лошадях, обязан был заплатить полную сумму за прогоны, по числу отпущеных ему лошадей, за весь станционный перегон. Прогонные деньги согласно таксе и расстояниям, показанным в табели, вывешенной в станционной комнате, проезжающие должны были платить за все количество лошадей сполна, до отъезда от станции. Сверх прогонов, частные проезжающие обязаны были платить: за взятую на станции повозку (12 коп.), за смазку колес у кареты, коляски и брички (по 12 коп.), за смазку колес кибитки и телеги (по 6 коп.), причем смазку должны были предоставить сами проезжающие, а деготь выдавался только на станции. Плата за смазку колес у экипажей производилась на тех станциях, где смазка действительно была произведена. Проезжающему, не заплатившему до отъезда со станции прогонных и других сборов, лошади не отпускались. Для избегания платежа станциям денег за повозки и смазку колес, проезжающие по казенной надобности обязаны были предъявлять на почтовых станциях предписания своих начальств о командировании предъявителя по делам службы, или особые свидетельства тех же начальств о проезде по казенной надобности.

При большом скоплении на станции разных проезжающих, в первую очередь отправлялись те, кто ехал по казенной надобности. Если в одно и то же время съезжались все пассажиры следующие по казенной надобности, то первым получал почтовых лошадей тот, кто следовал по Высочайшему повелению. Если таковых оказывалось много, то преимущество получал тот, кто прибыл на станцию первым.

При отпуске лошадей едущим по частной надобности, соблюдался порядок приезда их на станцию. Иначе говоря, раньше прибывший и уезжал со станции в первую очередь.

Едущих же по казенной и частной надобности везли, в соответствии с положением, по шоссе — со скоростью 12 верст в час, а по обыкновенной дороге (в летнее и зимнее время) — не менее 10 верст в час, а весной и осенью — по 8 верст в час. Следует подчеркнуть, что никто не имел права принуждать ямщиков ехать без перемены лошадей более одной станции, а также ехать со скоростью выше, чем установлено правилами. Если от скорой гоньбы, по принуждению проезжающего, лошадь падала в дороге или по приезду на следующую станцию, то с виновных взыскивалась положенная контрактом за лошадь сумма. Для этого, правда, нужно было доказать, что до выезда со станции лошадь была здоровой.

Заведующие почтовыми станциями были обязаны все правильные требования проезжающих исполнять немедленно, учтиво, не позволяя себе даже малейшей грубости. Им также предписывалось строго надзирать за ямщиками и не повторствовать им в притеснении проезжающих. В случае неисполнения этого, проезжающие имели право вписать жалобу в установленную для этого книгу или записать в книге только свое имя, а свою жалобу изложить на бумаге и, запечатав ее, оставить на станции для отсылки с первой же почтой

по принадлежности. Записанные проезжающими жалобы должны были расследоваться в течение месяца, а затем представлены вышестоящему начальству, которое подвергало виновных строгой, по законам, ответственности, о чём им делалась соответствующая отметка в жалобной книге, которая вместе с книгами для записи выходящих в

гоньбу лошадей, для записи жалоб проезжающих всегда находилась на станции, на столе приемной комнаты. Книга для жалоб, также находилась на столе или вешалась на стену. Это делалось для того, чтобы почтовые чиновники, во время «обозрения станции» могли удостовериться: все ли жалобы проезжающих дошли до начальства.

Таблица 4

Движение почт в Алтайском округе в 1911 г.

№ п/п	Учреждение	Время отправления почты	Место назначения	Время получения почты	Место назначения
1.	Почтово-телеграфное отделение «Алтайское»	По воскресеньям в 9 часов 35 мин. по полудни.	Бийск	По воскресеньям в 9 часов 5 мин. по полудни.	Онгудай
		По средам в 5 часов 55 мин. по полудни.	Онгудай	По средам в 5 часов 25 мин. по полудни.	Бийск
		По четвергам в 8 часов по полудни	Куяган	По средам в 8 часов по полудни	Куяган
2.	Почтово-телеграфное отделение «Анисимово»	Ежедневно в 8 часов 5 мин. по полудни.	Новониколаевск	Ежедневно в 7 часов 35 мин. по полудни.	Барнаул
		Ежедневно в 3 часа 30 мин. по полудни.	Барнаул	Ежедневно в 3 часа по полуночи.	Новониколаевск
3.	Почтово-телеграфная контора «Барнаул»	Ежедневно в 8 часов по полуночи.	Новониколаевск	Ежедневно в 2 часа 35 мин. по полудни.	Новониколаевск
		По воскресеньям, вторникам, четвергам, пятницам в 4 часа по полудни.	Семипалатинск	По средам, пятницам, воскресеньям, понедельникам в 3 часа 20 мин. по полуночи.	Семипалатинск
4.	Почтово-телеграфная контора «Бийск»	А. Обыкновенная почта по понедельникам, средам, пятницам и субботам в 3 часа 30 мин. по полудни.	с. Повалиха (на Барнаул и Новониколаевск)	А. Обыкновенная почта по понедельникам, вторникам, четвергам и субботам в 9 ч. 40 м. по полуночи.	с. Повалиха
		Б. Одноконная почта по воскресеньям, вторникам и четвергам в 3 часа 30 мин. по полудни.		Б. Одноконная почта по средам, пятницам и воскресеньям в 9 ч. 40 м. по полуночи.	
		По средам в 5 часов по полуночи.	Онгудай	По субботам в 6 часов по полуночи.	Онгудай
		По воскресеньям и средам в 5 часов по полуночи.	Улала	По вторникам и пятницам в 5 часов по полуночи.	Улала

Заботились «хозяева» станции и об «удобствах для проезжающих». На каждой станции они могли достать молоко, яйца, самовар и простую горячую пищу, по особо утвержденной почтовым начальством таксе, которая вывешивалась в помещении станции [10, с. 254-255].

В 1914 г. в Томской губернии было достаточно много постоянных почтово-телефрафных учреждений, в частности, контор — 19, отделений — 41, почтовых отделений — 34, волостных управлений — 55. Протяженность путей следования почт составляло 6480 верст. Ее движение обслуживали 1006 почтовых чиновников и служащих, в том числе 582 чиновника. Она проходила через 23 конных почтовых станций, 10 из них находились на тракте Новониколаевск — Барнаул, 13 — на тракте Барнаул — Семипалатинск. На 23 станциях содержалось 237 лошадей. Всего же под почту и эстафеты было задействовано 56130 лошадей, а под проезжающих — 1420 лошадей [11, с. 25].

В конце XIX — начале XX вв. на Алтае, в стране в целом, стало уделяться больше внимания дорогам, имевшим стратегическое, общегосударственное значение, а также тем из них, которые способствовали развитию международной торговли, помогали решать военно-политические задачи. К таким дорогам первоначально относились только Чуйский тракт, связывавший Россию с Монголией и Китаем. В 1900 г. для связи с последним было построено Бель-Агачское шоссе. Обе эти дороги содержались за счет Министерства внутренних дел, Министерства путей сообщения, Министерства государственных имуществ [12, с. 53-66].

Библиографический список

1. Матушина С.Ю. История дорожного дела на Алтае. 1900–2000 гг. — Барнаул, 2000.
2. Соболев М. Н. Пути сообщения в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908.
3. Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 731.
4. Памятная книжка Томской губернии на 1884 год. Издание Томского статистического комитета. Томск, 1884.
5. Памятная книжка Томской губернии на 1908 год. Издание Томской губернской типографии. Томск, 1908.
6. ЦХАФ АК. Ф. 198. Оп. 1. Д. 14. Л. 197-201.
7. Обзор Томской губернии за 1881 год. Губернская типография. Томск, 1882.
8. ЦХАФ АК. Ф. 65. Оп. 1 Д. 242.
9. Ивановский В. Государственное право. Известия и ученые записки Казанского университета. По изданию №5 1895 года — №11 1896 года.
10. Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1824.
11. Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. Издание Томского губернского статистического комитета. Под ред. и.д. секретаря комитета П. Т. Виноградова. Типография губернского управления. Томск, 1914.
12. Биль И. И. О дороге, построенной через Шульбинский бор, от города Семипалатинска на Бельбагач // «Алтайский сборник» (Алтайский подотдел Зап.-Сиб. отд. Р. Географ. общ.), т. 5. Барнаул, 1903.

Бийский государственный педагогический университет им. В.М.Шукшина
Получено 23.12.09.

A. A. Zaujalov

THE POSTAL HIGHWAYS OF ALTAI REGION IN XIX — BEGINNING XX CENTURIES

In article, on the basis of publish and archive materials throw state and development of postal highways of Altai region in XIX — beginning XX centuries.

**Siberia, Altai region, land, water of communication,
unmetalled road, postal highways, terry (boat)**

Однако активность переселенческого движения на Алтай потребовала строительства новых дорог в тех местах, куда направлялись основные потоки переселенцев. Проведением таких дорог занимались в то время Переселенческое управление и Комитет Сибирской железной дороги. Несмотря на принимаемые меры, в рамках осуществления вспомогательных мероприятий, переселенческих дорог было построено немного, к тому же они не отличались качеством выполненных работ. Вместе со строительством новых дорог начинается и новый этап развития дорожного дела в Томской губернии и на Алтае в частности. Непосредственным толчком к этому, послужило проведение Сибирской железной дороги, оказавшей большое влияние на состояние почтового сообщения на Алтае. Благодаря этому, резко выросло население городов и уездов Алтайского округа, оказавшихся вблизи железной дороги. Железнодорожные пути, совпадавшие с направлением почтовых трактов, естественно, усилили концентрацию населения в полосе непосредственно прилегавшей к ней, что, в свою очередь, заметно снизили роль и значение их в трактовых перевозках. Всесезонная железная дорога стала отныне обеспечивать более быструю, регулярную и, главное, надежную доставку почтовых грузов. Однако, там, где заканчивалась железнодорожная линия, там, по-прежнему, продолжала действовать почтовая гоньба, доставляя почту и иные грузы, а также пассажиров в отдаленные районы Алтайского округа.

УДК 902

Т. В. Захарова

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются вопросы социального обеспечения различных категорий населения в условиях военного времени.

Великая Отечественная война, население страны, социальное обеспечение, Горный Алтай

С началом Великой Отечественной войны начался новый, более сложный этап в развитии системы социального обеспечения в Горном Алтае. В условиях войны не изменились практиковавшиеся ранее принципы социальной политики: подчиненность форсированной индустриализации, остаточный принцип финансирования социальной сферы, дифференцированный подход к различным слоям населения, отношение к человеку исключительно как к работнику и защитнику страны, сочетание поддержки народного энтузиазма с репрессивно-принудительными мерами. Теперь они получили новое оправдание лозунгом: «Все для фронта, все для победы!».

С 1941 г. жизнь и деятельность населения страны были направлены на военные нужды. Экстремальная ситуация требовала от Народного Комиссариата социального обеспечения экстренных мероприятий. Это затрагивало как эвакуацию, так и мобилизацию рабочей силы, распределение материальных ресурсов, в том числе продовольственных. В новой военной обстановке были созданы специальные государственные органы, занимающиеся материальным обеспечением и бытовым устройством семей военнослужащих, был расширен круг обеспечиваемых пенсиями, пособиями и введены льготы отдельным категориям граждан, в том числе инвалидам войны.

В Горном Алтае были созданы областная и районные оперативные группы, которые совместно с горисполкомом, райисполкомами и райкомами партии провели большую работу. Была учтена жилая площадь как в коммунальных, так и в частных домах, где можно было поселить эвакуированных граждан. К концу июля 1941 г. в городе и районах области было подготовлено 925 квартир [1, с. 353].

С 1941 г. постоянным объектом государственной и общественной помощи в тылу стали семьи военнослужащих. Государственные пособия полагались семьям, в которых имелись бывшие иждивенцы военнослужащих. В зависимости от числа нетрудоспособных, пособия назначались в размере 100-200 рублей в месяц на семью — в городе и 50% этих сумм — на селе. Семьи тех, кто находился в трудармии, пособий не получали. Государственная помощь семьям военнослужащим, помимо выплаты пособий, выражалась в установлении ряда льгот. Эти семьи освобождались от платы за обучение детей в 8-10 классах средних школ, техникумах и вузах. С августа 1941 г. начал действовать льготный порядок оплаты жилой площади [2, л. 10]. Большую долю социаль-

ной помощи составляли негосударственные формы и средства. Привлекались ресурсы колхозов и общественных организаций. Проводились целевые кампании по мобилизации средств населения. Но, несмотря на все эти меры, семьи военнослужащих находились в довольно тяжелых материально-бытовых условиях, что не всегда объяснялось чрезвычайной военной обстановкой. В этой ситуации местные органы власти пытались найти наиболее подходящие формы и методы оказания необходимой помощи.

В октябре 1943 г. в г. Ойрот-Тура прошла декада помощи семьям фронтовиков. В ходе проведенных рейдов был обследован быт всех семей военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны, отремонтированы их квартиры, заготовлены и вывезены дрова [3, с. 100]. Только за два месячника 1944 г. в фонд помощи семьям военнослужащих и инвалидам войны было собрано 397 тыс. руб., более двух тысяч пудов зерна, 247 пудов крупы, 1450 центнеров овощей и картофеля, более тысячи пар обуви, выдано 1410 голов скота, подвезено 7100 кубометров дров, 12 тыс. центнеров кормов, отремонтировано 560 квартир [1, с. 361]. В целом, к концу 1943 г. в области 12162 семьи военнослужащих получали пособия и пенсии. Всего с начала войны по 1 января 1945 г. органами социального обеспечения области было выплачено семьям военнослужащих 19 млн. 683 тыс. рублей [4, л. 60, 62].

Вот один из многочисленных примеров. Жительница с. Маймы А.Т. Мартынова в письме мужу на фронт писала, что ей «аккуратно выплачивают пособие, ребятам дали валенки и фуфайки, сено для коровы есть, дров тоже привезли, а школьники помогли их испилить». Не прошло и месяца, как в областной газете «Красная Ойротия» было опубликовано письмо фронтовика Мартынова. Он писал: «Сегодня я получил письмо от жены и узнал о помощи, оказанной моей семье. Я был бесконечно рад и благодарен тем, кто ее оказал. Разрешите заверить вас, дорогие земляки, что в боях за освобождение нашей земли от оккупантов буду драться с удесятеренной силой, а если потребуется, отдаю жизнь за дело победы над врагом» [1, с. 362]. Многие письма, полученные военнослужащими на фронте от своих семей, также публиковались в армейских газетах и становились достоянием общественности, они вселяли спокойствие за жен, детей и родителей.

Наряду с семьями военнослужащих приоритетным объектом адресной социальной помощи

являлись инвалиды войны. В Горном Алтае эта система была хорошо отлажена, включая помошь фронтовикам, возвращавшимся с фронта в отпуск по болезни. Отдел социального обеспечения выделял им единовременные пособия, общий объем которых в 1943 г. составил 5 тыс. рублей. Например, пособие по временной нетрудоспособности было установлено в размере 100% заработка, остронуждающимся выдавалась одежда: фуфайки, рукавицы, валенки, по пути следования их обеспечивали комнатами отдыха, проводилась работа по трудовому обучению и устройству. В каждом районе велся учет инвалидов войны, устанавливались планы и сроки их трудоустройства. За работавшими инвалидами сохранялась пенсия, их запрещалось привлекать к обязательным сверхурочным работам. По возможности инвалиды войны обеспечивались жильем в первоочередном порядке, обладали преимуществом в продовольственном и промтоварном снабжении. Фронтовики, инвалидность которых была установлена не позднее пяти лет после увольнения с военной службы, обеспечивались пенсий наравне с инвалидами войны, нуждавшимся и их семьям выдавались ссуды на строительство и восстановление жилых домов.

В итоге к 1945 г. в Горном Алтае были трудоустроены 94,7% трудоспособных инвалидов и 85,5% членов их семей. Активная переподготовка инвалидов войны шла в системе промкооперации и инвалидных артелях в Шебалинском, Кош-Агачском и Усть-Коксинском аймаках.

За военные годы коренным образом изменился состав инвалидности. Если в довоенные годы инвалиды с локальными поражениями опорно-двигательного аппарата составляли лишь 8%, то к 1945 г. только среди инвалидов Великой Отечественной войны данный показатель вырос до 85%. За 1945 г. по области было выплачено пенсий инвалидам войны на сумму 3452026 руб., а органы государственного социального обеспечения обслуживали 869 пенсионеров труда, 2654 «военных» пенсионера — это, прежде всего, инвалиды I, II, III групп, 45 семей военнослужащих, 57 персональных пенсионеров и еще несколько категорий нуждающегося в защите населения [5, с. 43-44].

Еще один комплекс военных проблем — социальная помощь и социальная реабилитация раненых. Эта категория требовала экстренных мер по эвакуации и реабилитации. Осенью 1941 г. были созданы комитеты помощи по обслуживанию больных и раненых бойцов Красной Армии. В 1942 г. Государственным комитетом обороны были организованы дома для инвалидов Великой Отечественной войны (позднее преобразованные в трудовые интернаты), в которых они готовились к дальнейшей трудовой деятельности, получали мирные специальности, проходили переподготовку. Почти все санатории и дома отдыха, которые создавались за счет средств социального страхования, были временно преобразованы в военные госпитали.

Средства, выделяемые государством, в первую очередь распределялись среди остро нуждающихся: в 1942 г. в область было направлено 8 тыс.

руб. «для оказания единовременной помощи эвакуированным из прифронтовой полосы, остронуждающимся семьям рабочих и военнослужащих». В 1943 г. было принято постановление Совнаркома СССР «О льготах для семей военнослужащих, которые погибли и пропали бесследно на фронтах Отечественной войны». За 1944 г. семьям фронтовиков и инвалидам было выплачено 14,5 млн. рублей, продано торговыми организациями одежды — 6608 штук, обуви — 5317 пар, мануфактуры около 3 тыс. метров и т.д. Остронуждающимся семьям выдано 137 тонн хлеба, семьям военнослужащих было продано 279 голов скота.

Новые черты и масштабы приобрели в это время и проблемы охраны детства и попечение сирот. Главная задача заключалась в эвакуации воспитанников детских домов в глубь страны и в открытии новых детских учреждений. В постановлении СНК СССР «Об устройстве детей, которые остались без родителей» предполагалось создание дополнительной сети детских домов, а также участие граждан в воспитании детей в форме опеки и патронажа [6, с. 123].

В 1941 г. в Горный Алтай были эвакуированы два детских дома: на 430 и 275 человек [7, л. 184]. В срочном порядке органами местной власти пришлось решать вопрос по их размещению. В этой связи исполнком облсовета решил разместить эвакуированный детский дом на 430 человек в школе массовой квалификации колхозных кадров, второй — на 275 человек — в школьном интернате ДЭУ с. Майма-Чергачак. Сложность ситуации заключалась не только в размещении данных учреждений, но и в отсутствии квалифицированных кадров, недостаточном снабжении продуктами питания, одеждой и обувью.

Решая данные проблемы, местные органы власти разработали комплекс мероприятий, направленных на стабилизацию сложившейся ситуации. В частности, исполнком облсовета в срочном порядке обязал Областной отдел народного образования в трехдневный срок подобрать кандидатуры и укомплектовать соответствующими кадрами Манжерокский, Шебалинский №1 и №2 детские дома, усилить воспитательную работу среди их воспитанников путем трудового обучения, работы на подсобном хозяйстве, проведения бесед и кружковой работы. В снабжении детдомов продуктами питания был установлен строгий порядок, отпуск круп, овощей, мяса и масла осуществлялся лишь по прямым нарядам. В целях получения дополнительных фондов питания было принято решение при каждом детском доме организовать подсобное хозяйство, для чего были выделены земельные участки от 5 до 10 га. С целью расширения жилой площади исполнком облсовета принял решение ходатайствовать перед крайисполкомом и ВЦСПС о передаче дома туристов «Аскат» со всеми материальными ценностями и подсобным хозяйством в распоряжение облисполкома для использования его под детский дом [8, л. 201].

В рамках устройства детей-сирот в 1943 г. было создано 458 суворовских училищ на 500 человек каждое, 23 ремесленных училища на 400

человек, специальные детские дома на 16300 мест, дома ребенка на 1750 мест, 29 детских приемников — распределителей на 2 тыс. человек. В них направлялись дети фронтовиков и партизан, партийных и советских работников, погибших во время войны. В 1943 г. на территории Онгудайского района был открыт новый детский дом, размещенный в бывших помещениях Ороктойской мраморной фабрики [9, л. 102] (по состоянию на 1 января 1944 г. в Горном Алтае числилось уже 8 [10, л. 9] детских домов). Получило широкое распространение создание детских домов при колхозах, промышленных предприятиях за счет профсоюзов и комсомольских организаций, милиции.

В условиях военного времени осуществлялась и комплексная система демографических мероприятий. Напряженность частично снижалась предпринимаемыми мерами по стимулированию рождаемости. На это было направлено действие указа «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям», усиление охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждения фонда «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» [11, с. 409-417].

Предусматривалось значительное увеличение денежных пособий государства на рождение и воспитание детей. Единовременное пособие по рождению ребенка должно было выплачиваться теперь в размере от 400 до 5000 рублей, а ежемесячное — от 80 до 300 рублей (размер зависел от количества детей в семье). Кроме этого, указом предусматривалось выплата пособий одиноким матерям — 100 рублей ежемесячно на одного ребенка, 150 рублей на двоих детей и 200 рублей на трех и более. С 42 до 120 рублей возрос и размер единовременного пособия, выделяемого из средств социального страхования и касс взаимопомощи кооперативных артелей, именно на эту сумму обеспечивалась продажа матери комплекта белья для новорожденных, что было особенно важно в условиях тех трудностей. Одинокие матери, согласно указу, могли поместить ребенка в государственное учреждение. В таком случае государство полностью принимало на себя все расходы по его воспитанию. При этом за матерью сохранялось и право взять ребенка обратно.

Отпуск по беременности увеличивался с 63 до 77 календарных дней, а послеродовый — с 35 до 42. Указом запрещалось привлекать беременных женщин, начиная с четвертого месяца, к сверхурочным работам, а женщин, имевших грудных детей, к работам в ночное время. Важной мерой стало увеличение вдвое норм дополнительного пайка беременным женщинам, начиная с шестого месяца беременности, и кормящим матерям в течение четырех месяцев кормления. Указ предписывал хозяйственным органам, в том числе колхозам, выдавать беременным женщинам и кормящим матерям дополнительные продукты питания

из общественных фондов. В целом, расширялись обязанности колхозов в улучшении материального обеспечения беременных женщин и многодетных матерей [12, с. 166].

В военное время, несмотря на огромные расходы на оборону, нормы пенсий для населения практически не снижались и назначались комиссиями при собесах, состоящих из заведующего собесом, представителей Советов и военкомата. Проверка пенсионного делопроизводства по 29 областям, краям и автономным республикам установила, что в основном пенсии назначались правильно и выдавались своевременно [5, с. 42], в целом выплата пенсий по СССР в 1944 г. составила 1,6 млрд. рублей.

В то же время органы государственной власти приступили к назначению и выплате пенсий семьям погибших и пропавших без вести. Семьям лиц, награжденных орденами и работавших до призыва рабочими и служащими, производились дополнительные денежные выплаты. Семьям мобилизованных рабочих и служащих пособие назначалось с того дня, по который был с ними проведен расчет по месту работы, семьям колхозников и остальных мобилизованных — со дня призыва в Красную Армию. Выдавались пенсионное удостоверение и удостоверение «семьи военнослужащего на право получения пособия».

Отчитываясь на первой послевоенной сессии областного Совета в марте-декабре 1945 г., заведующий Ойротским областным отделом социального обеспечения отмечал, что в годы войны в деятельности отдела было три приоритетных направления работы: первое — помощь инвалидам войны и семьям военнослужащих, второе — оказание поддержки эвакуированному населению, третье — помощь фронту. Несмотря на проблемы военного времени, в Горном Алтае эти направления реализовывались. Степень решения социальных проблем в условиях войны во многом зависела от их состояния и эффективности принятых мер в довоенный период. В связи с этим, достигнутые в это время результаты в вопросах социального обеспечения населения оказали большое влияние на функционирование социальной сферы в годы войны.

Таким образом, значительным в годы войны являлось оказание помощи наиболее нуждающимся категориям населения: семьям военнослужащих, инвалидам войны, многодетным матерям, детям, потерявшим родителей. В этом процессе удачно сочетались меры государственной поддержки и общественной взаимопомощи. Однако, тяжелые последствия войны, ограниченность материальных возможностей, приоритетность развития тяжелой промышленности, укрепления армии и военно-промышленного комплекса не позволяли в течение длительного периода добиться существенных результатов в решении социальных проблем советского общества.

Библиографический список

-
1. Очерки по истории Горно-Алтайской автономной области / под ред. Л. П. Потапова. — Горно-Алтайск, 1973.
2. КПДА РА, Ф. 33, Оп. 9, Д. 36. | 3. Улала, Ойрот-Тура, Горно-Алтайск. Страницы истории / под ред. А.В. Эдокова. — Горно-Алтайск, 1997.
4. КПДА РА, Ф. 1, Оп. 4, Д. 8. |
|---|---|

5. Гончарова, О. А. Проблемы сохранения жизни и здоровья населения СССР в годы Великой Отечественной войны (на примере Ойротской автономной области) / О. А. Гончарова, А. В. Попов // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной научной информации «Социально-политическая история Саяно-Алтая в XIX-XX вв.». 2006. № 105. Декабрь.
6. Занозина, В. Н. Сиротство и беспризорность в России: история и современность / В. Н. Занозина, Е. М. Колотова, А. Н. Чистиков. — СПб.: Лики России, 2008.
7. КПДА РА, Ф. 33, Оп. 6, Д. 69.
8. Там же. Д. 72.
9. Там же. Д. 77.
10. Там же. Оп. 8, Д. 63.
11. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР, 1938–1967 гг. Т. 2. — М.: Известия, 1968.
12. Аников, В. Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны / В. Т. Аников. — Новосибирск, 1993.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 21. 12. 09

T. V. Zakharova

THE SOCIAL MAINTENANCE OF THE POPULATION OF GORNY ALTAY IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

In this article the questions of social maintenance of various categories of the population in the conditions of wartime are considered.

Great Patriotic War, population of country , social maintenance, Gorny Altai

УДК 902

Ю. М. Кудинов

Р. И. ЭЙХЕ О ПРОБЛЕМАХ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Статья посвящена исследованию публикаций известного партийного деятеля Р. И. Эйхе о проблемах промышленного развития Сибири в 1920–1930 годах.

историография, индустриализация, проблема развития производства, отрасль промышленного производства, железнодорожный транспорт, Западная Сибирь

Имя Роберта Индриковича Эйхе, известного советского и партийного деятеля, сегодня является еще в недостаточной степени изученным, как и его многочисленные работы, посвященные различным вопросам организации и функционирования промышленных и сельскохозяйственных предприятий, а также организации партийной работы. Это был человек с очень сложной, необычной судьбой. Как партийный деятель Р. И. Эйхе сформировался в качестве организатора большевистского подполья в Прибалтике, но основную известность получил как руководитель Западносибирского края и нарком земледелия. В 1940 году он был расстрелян [1, с. 283]. Можно сказать, что Р. И. Эйхе являлся своеобразной «жертвой революции», которой он посвятил всю свою жизнь.

В данном случае представляется интересным выявить вклад Р. И. Эйхе в дело изучения истории промышленного освоения Западной Сибири, так как он как высший партийно-хозяйственный функционер являлся еще и непосредственным организатором этого освоения. Его многочисленные работы были посвящены различным вопросам развития и организации промышленных и сельскохозяйственных предприятий, налаживанию на них партийной работы, а также содержали немаловажные сведения, касающиеся деятельности промышленности Западносибирского края.

Здесь уместно отметить тот факт, что изучение жизнедеятельности Р. И. Эйхе, а также его работ, проводилось весьма непоследовательно. Первоначально, до того момента, как Р. И. Эйхе был репрессирован, он был широко известен. До-

статочно сказать, что его имя носили один из административных районов города Новосибирска и одна из станций Томской железной дороги. Однако, затем имя Р. И. Эйхе сознательно замалчивалось, что было вполне объяснимо. И только после XX съезда партии, состоявшегося в 1956 году, произошла его некоторая политическая и научная реабилитация. Его работы начали изучаться различными исследователями, работавшими в области историографии истории Сибири и экономики. А в 1990 году появилась биографическая работа известного советского писателя-публициста Франца Николаевича Таурина, посвященная жизнедеятельности Р. И. Эйхе, созданная, правда, в публицистическом жанре [1].

Вообще, современное изучение вклада Р. И. Эйхе в исследование вопросов развития западносибирской промышленности, представляется в достаточной степени актуальным. Его работы, как уже отмечалось, были посвящены, в частности, строительству Урало-Кузнецкого комбината и его дочерних предприятий, главным из которых являлся Кузнецкий металлургический завод, строительству Сибкомбайна и других многочисленных, но менее значимых промышленных предприятий. Кроме того, в них в значительной степени затрагивались вопросы, связанные с организацией на них партийной работы, освещались недостатки и проблемы, возникающие в ходе их строительства и дальнейшей эксплуатации, а также подводились определенные итоги их деятельности.

Как высший партийный функционер Р. И. Эйхе имел возможность лично участвовать в созда-

нии объектов индустриализации в 30-х годах, при этом непосредственно контролируя процесс строительства промышленных предприятий. Поэтому, можно сказать, что Р. И. Эйхе создавал свои работы по «горячим следам», субъективно при этом оценивая результаты прохождения индустриализации в Западносибирском крае. Это обстоятельство в настоящее время приобретает особое значение еще и потому, что исследования Р. И. Эйхе могут изучаться современными исследователями-историками в качестве исторических источников.

Здесь уместно выделить несколько работ Р. И. Эйхе, посвященных изучению проблем индустриализации Сибири [2, 3]. Обращает на себя внимание время их создания — конец 20-х — начало 30-х годов, т. е. начальный период проведения политики индустриализации. В данных исследований автор затрагивает большое количество различного рода вопросов, касающихся проведения политики индустриализации в Сибири.

Прежде всего, Р. И. Эйхе фокусирует свое внимание на неравномерности экономического развития различных районов Сибири [2, с. 8], а также на том обстоятельстве, что Сибирь не имеет «сколько-нибудь значительного наследства», и поэтому ее промышленное освоение приходится начинать проводить практически «с нуля» [2, с. 36]. Такую ситуацию советский партийный руководитель рассматривает двояким образом: с одной стороны, в этом имеются определенные плюсы, так как можно «строить предприятия с учетом всех достижений техники, [...] учитывая ошибки других районов, других строительств» [там же]. С другой стороны, это обстоятельство свидетельствует и об имеющихся значительных минусах, потому как «приходится разворачивать строительство на голом месте» [там же].

Кроме того, Р. И. Эйхе затрагивает в своих работах и вопрос об экономико-хозяйственном районировании территории Сибири. Он обозначает конкретные промышленно-хозяйственные центры, формирующиеся здесь под непосредственным влиянием индустриализации. Таковых он выделяет четыре. Во-первых, это, конечно, Кузбасс — центр угольной промышленности и металлургии. Второй район — это территория Прибайкалья, где, как тогда планировалось, должна активно развиваться гидроэнергетика, использующая энергоресурсы реки Ангары. Третий район — это современная территория южной части Красноярского края и Республики Хакасия, где, по утверждению Р. И. Эйхе, должна развиваться добывающая различные руды промышленность. И, наконец, четвертый район представляет собой город Новосибирск как формирующийся главный сибирский центр текстильной отрасли промышленности и машиностроения [2, с. 39-40]. Такой вариант экономико-хозяйственного районирования территории Сибири имел в то время безусловно проективный характер. Однако, с высоты сегодняшнего времени видно, что он сильно отличается от реально сложившейся картины индустриального развития Сибири. Данное развитие проходило под влиянием многих факторов: самой индустриализации, эвакуации многих предприя-

тий в Сибирь в годы Великой Отечественной войны, формирования здесь новой базы советского военно-промышленного комплекса в послевоенные годы. Оно превратило в большие индустриальные центры все крупные города Сибири: Омск, Томск, Красноярск, Барнаул и другие. Кроме этого, получила мощное развитие электроэнергетика, нефте- и газодобывающая промышленность. Такого варианта индустриального развития Сибири Р. И. Эйхе на рубеже 20-30-х годов предвидеть, конечно же, не мог.

Развитие же самого процесса сибирской индустриализации, как считает Р. И. Эйхе, основано на развитии ее следующих составляющих: угольной, химической, лесной отраслей промышленного производства, металлургии и электроэнергетики [2, с. 37].

Однако, значительно более крупный интерес сегодня представляют охарактеризованные Р. И. Эйхе проблемы, возникающие в ходе проведения политики индустриализации в Сибири, которые в настоящее время приобретают особое историографическое значение, что еще раз подтверждает ценность работ советского партийного деятеля.

Прежде всего, Р. И. Эйхе заостряет свое внимание на систематическом противодействии со стороны центральных хозяйственных организаций проводимой в Сибири политики индустриализации. Но при этом Р. И. Эйхе не упоминает никаких фактов, свидетельствующих об этом противодействии, а только утверждает, что «надо добиться значительного перелома внимания с их стороны к нуждам хозяйства Сибири» [2, с. 38]. Как представляется, такая позиция автора обусловлена его нежеланием критически оценивать работу вышестоящих партийно-хозяйственных организаций, что, в условиях формирования нового советского административно-хозяйственного аппарата, было вполне естественно.

Другим важным вопросом в деле проведения политики индустриализации в Сибири, обозначенным в работах Р. И. Эйхе, является отсутствие единоличия на производстве, что, по его мнению, имеет немаловажные сдерживающие для развития промышленности Сибири последствия [2, с. 44-45; 3, с. 43].

Кроме того, советский партийный руководитель фокусирует свое внимание на факте перетока членов ВКП(б) из сектора реального производства в область административно-управленческого аппарата. Данную ситуацию Р. И. Эйхе характеризует следующим образом: «сейчас мы наблюдаем такую картину, что коммунистов у нас в шахтах, на производстве очень мало. Партизлы по рудникам достигает 11-15%, но когда спускаешься в шахту, то там коммунистов только 2-3% от количества рабочих. Во всех учреждениях у нас сидят коммунисты, а вот внизу, в армии, там, где бой идет, там нашего брата нет, там коммунистов не видать. Надо поставить перед парторганизациями вопрос о насыщении коммунистическими силами производства, спустить коммунистов в шахту» [3, с. 42]. Как следствие этого происходит перемещение образованных кадров (техников и инженеров) с производства в аппара-

ты райуправлений, различного рода дирекции, поэтому на производстве «подчас нет хозяина, нет инженера, нет техника» [3, с. 29]. По сути своей Р. И. Эйхе обозначил неотъемлемые издержки, проявляющиеся в ходе интенсивного промышленного развития страны, хотя сам он их таковыми не выделяет.

Еще более важным аспектом проведения политики индустриализации в Сибири являются выявленные Р. И. Эйхе проблемы, которые имеют сугубо хозяйственный характер. К таковым можно отнести: слабое внедрение на производстве рационализации, проблемы снижения себестоимости произведенной продукции, ее низкого качества, нехватка стройматериалов и их неэффективное использование, недостатки в работе транспорта и угольной промышленности.

Говоря об таком важном аспекте производства как рационализация, Р. И. Эйхе вполне спрашивливо утверждает, что «наша некультурность наиболее сильно проявляется в неумении провести рационализацию и, кроме того, у нас сказывается на многих предприятиях бунт кустаря против машин» [2, с. 41]. При этом высший советский партийный функционер приводит в качестве примера США, где, по его словам, она наиболее широко развита [2, с. 42]. Для того чтобы наиболее полно обозначить картину слабого развития рационализации в Сибири, Р. И. Эйхе приводит пример с Барнаульским пимокатным заводом, где наблюдалось открытое сопротивление со стороны работников внедрению машинного производства, а также с использованием врубовых машин на шахтах Кузбасса, которые несмотря на их большую стоимость, использовались крайне неэффективно, вследствие чего затраченные на их приобретение средства не окупались [2, с. 41-42].

Еще одной, не менее значимой проблемой индустриализации Сибири, заявленной в исследованиях Р. И. Эйхе, является проблема снижения себестоимости произведенной продукции. При этом он обозначает конкретные неудовлетворительные результаты ее снижения: «вместо запроектированного 12% снижения себестоимости за 1-е полугодие имеется снижение только на 1,8%» [2, с. 46]. Ликвидировать этот недостаток, как считает советский партийный руководитель, могло бы устранение отдельных «неполадок», существующих повсеместно на производстве [там же].

Кроме того, Р. И. Эйхе обращает свое внимание на низкое качество производимой сибирской промышленностью продукции, а также на низкое качество строительства и его неэффективное ведение. Причина такого положения дел, по его мнению, кроется в повсеместном наличии «потребительской точки зрения» [3, с. 47].

Вообще, строительство представляет собой, как видно из работ Р. И. Эйхе, наиболее проблемный участок индустриализации. Советский партийный деятель в своих работах уделяет этому аспекту большое внимание, рассматривая его в основном с критической точки зрения. Он отмечает, что «в капитальном строительстве у нас имеются очень большие прорывы. Стойматериалы являлись особо узким местом. Мы чувствова-

ли особо остро дефицит по линии стройматериалов, приходилось буквально, что называется, делять на аптекарских весах некоторые стройматериалы» [3, с. 25]. Иллюстрируя складывающуюся картину в области строительства, Р. И. Эйхе утверждает, что «ход строительства на ударных предприятиях далек от того, чтобы его считать удовлетворительным» [там же]. Примером тому могут служить главные строившиеся объекты сибирской индустриализации — Кузнецкий металлургический завод, Сибкомбайн, а также многие шахты Кузбасса. Здесь повсеместно существовали, зафиксированные Р. И. Эйхе, неэффективное использование рабочих, а также нерациональное использование дефицитных стройматериалов [3, с. 26].

Еще одной, не менее важной, проблемой сибирской индустриализации, представленной в работах Р. И. Эйхе, являются недостатки в работе железнодорожного транспорта и угольной промышленности.

Как известно, железные дороги — это своеобразные хозяйствственные артерии страны. Поэтому их значение и важность в эпоху проведения индустриализации значительно возросли. Одновременно возросло негативное влияние издержек, сказывающихся на его работе: нехватки паровозов и подвижного состава, повсеместной задержки доставки грузов и пассажиров, прихода поездов не по расписанию. Характеризуя данную проблему, Р. И. Эйхе первопричиной этого явления называет «консерватизм всей полосы отчуждения, начиная от тех, кто носит кокарды инженеров и кончая смазчиком и стрелочником» [2, с. 43]. Поэтому, как он считает, необходимо ликвидировать этот «консерватизм», что является «величайшей задачей» [2, с. 43-44].

Что же касается работы угольной промышленности, то здесь Р. И. Эйхе также фиксирует значительные издержки. Они проявляются, главным образом, в отставании в производстве в Сибири каменного угля от намеченных темпов роста, причем оно выражается как повсеместное, так как «по всем рудникам не выполнена производственная программа» [3, с. 36]. Такая ситуация, по мнению советского руководителя, «создает величайшую угрозу в работе транспорта, работе уральской металлургии. Без топлива, без угля говорить об индустриализации страны — это разговоры впустую» [там же]. Более того, Р. И. Эйхе заявляет, что «прорыв на угольном фронте — это подкоп под генеральную линию партии, под индустриализацию» [там же]. Интересно проследить его позицию по поводу причин этого явления. Р. И. Эйхе утверждает, что основной причиной этого является то, что «хозяйственные организации не перестраиваются — новые грандиозные мероприятия хотят осуществить старыми методами» [3, с. 36-37].

Как известно, работа промышленности невозможна без должного обеспечения инженерно-техническими кадрами. Поэтому Р. И. Эйхе также обращает свое внимание на этот аспект. В своей для своего времени манере он его рассматривает сквозь призму проблемы подготовки так называемой «красной профессуры». Ее отсут-

ствие в сибирских ВУЗах и является по мнению советского партийного деятеля главной проблемой в деле подготовки профессиональных кадров, что не позволяет избавиться от представителей старой дореволюционной академической науки [2, с. 24-26].

Все вышеобозначенные проблемы развития процесса сибирской индустриализации, выявленные в работах Р. И. Эйхе, сам советский партийный деятель характеризует как «трудности роста», которые «для нашей стальной большевистской партии являются стимулом к еще большей энергии» [3, с. 50]. Однако, при этом Р. И. Эйхе усматривает в качестве одной из причин данных трудностей наличие «оппортунистских» и «контреволюционных элементов». Они, как тогда считалось, выстраивают свою деятельность против «генеральной линии партии», их пытаются использовать в своих интересах «капиталистическое окружение» [3, с. 75]. Такая позиция автора является далеко не случайной. Это был период начала проведения репрессивной политики со стороны государства, жертвой которой впоследствии, как уже отмечалось ранее, оказался сам Роберт Индрикович Эйхе. По сути своей такого рода заявления, ставшие вскоре повсеместными, отражали, во многом, специфику крайне противоречивой исторической эпохи.

Библиографический список

-
1. Таурин Ф. Н. Верность: Повесть о Роберте Эйхе. — М., 1990. 2. Эйхе Р. И. Новый этап и задачи Сибпарторганизации. — Новосибирск, 1930. 3. Эйхе Р. И. Западная Сибирь на переломе. — Новосибирск, 1930.	4. Иванцова Н. Ф. Дискуссионные вопросы индустриализации в новейшей историографии // Вопросы истории: Сборник научных статей. Выпуск 7 / Отв. ред. С. И. Артемьева. — Бийск, 2005. — С. 58-68.
-

Барнаульская государственная педагогическая академия
Получено 02.02.10.

Y.M. Kudinov

R. I. AHE ABOUT PROBLEMS OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF WEST SIBERIA

The article is devoted to research of publications by R.I. Ahe, that famous party active worker, about problems of industrial development of Siberia in 1920–1930 years.

historiography, industrialization, problem of development manufacturing, branch of industry, railway transport, West Siberia

УДК 902

O. В. Малахова-Полякова, Н. С. Модоров, И. Г. Черлояков

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ (XIX—НАЧАЛО XX В.)

В статье, на основе опубликованных материалов освещены религиозные воззрения, присущие коренным народам Горного Алтая на рубеже XIX–XX вв.

Монголия, Тибет, буддизм, ламаизм, Горный Алтай, коренные народы, религиозные воззрения, язычники, христианство, шаманы, жертвоприношение

Судьбы и история народов мира (всех без исключения) так или иначе, но теснейшим образом связаны с религией (или религиями), которые бытуют у них с незапамятных времен. Не стали исключением в этом плане и коренные народы Горного Алтая, именуемых учеными, начи-

ная с начала XIX столетия, общим этнонимом «алтайцы».

Согласно утверждениям исследователей, они с давних пор были шаманистами, т.е. основу их религиозных воззрений составляла вера людей в духов, населявших, по их представлениям, все

три сферы: небесную, земную и подземную. Независимо от места обитания духи у алтайцев делились на две категории: *чистых* и *нечистых*. К числу первых (*небожителей*) они относили духов — *покровителей рода* (такового имел каждый род). В пантеоне *чистых духов*, обитавших на земле, значились также *хозяин горы* («*кырдын эзи*»), *хозяин огня* («*оттын эзи*»), *хозяин воды* («*суунын эзи*») и др. Кроме этих, общих духов-покровителей, каждый род имел свою священную гору, реку, лес, а также духов передней двери, переднего угла и др. Верили алтайцы и в существование персонального духа-хранителя каждого человека, дававшегося ему вместе с рождением [1].

К категории нечистых духов алтайцы относили обитателей подземелья. Главное место среди них занимал враг человека — *Эрлик* [2]. Но, в последнее время эта точка зрения подвергается критике. Так, исследовательница В. А. Муйтуева, утверждает, что Эрлик не был злым, как это укоренилось в сознании людей. Более того, пишет она, что он нередко даже помогал живущим на земле [3]. Поддержал в свое время такую трактовку и другой сибирский исследователь А. М. Сагалаев [4].

Посредником между духами и человеком выступали, как правило, *шаманы*. У алтайцев они делились на три категории: а) *больших*; б) *средних*; в) *малых*. Первые считались всемогущими, ибо они могли сноситься с духами всех сфер, вторые — только с земными и подземными силами. И, наконец, трети могли совершать только лишь обряд очищения над больным [5].

Шаманом у алтайцев, равно как и у других языческих народов, мог быть далеко не каждый человек, а только лишь тот, кого изберет верховное божество. Дело в том, что шаманский дар, как верили люди, да и это действительно так было на самом передавался по наследству (отец-сын-внук). Каждый шаман имел своего духа-покровителя и духов-помощников. Своими обрядовыми действиями («*камланием*»), шаман испрашивал у духов материального благополучия или здоровья людям, а коль не удавалось добиться этого мирным путем, то «*боролся*» за это со злыми духами [6].

Кроме шаманизма, ведом был алтайцам (особенно южным) и ламаизм — тибетская разновидность буддизма. Основным его догматом является, как известно, представление о том, что смысл человеческого существования заключен в безропотном перенесении невзгод и лишений в этой жизни, в надежде на «спасение» в будущем. Возникнув и оформившись в Тибете, как идеология тибетских феодалов, ламаизм в XVI—XVII вв. распространился в Монголии. Отсюда он и пришел на Алтай [7].

Появление ламаизма у алтайцев не было случайным. Оно, как отмечал А. М. Сагалаев, объясняется соприкосновением культуры алтайцев с буддийским миром [8]. С другой стороны, это был результат официального принятия ламаизма частью теленгитской знати в период пребывания алтайцев в составе Джунгарии [9]. О существовании

ламаизма на Алтае и ламаизации алтайской знати говорят и архивные документы. Так, в текстах обращений зайсанов Горного Алтая к русским властям в 1756 г. есть указания на то, что они давали клятву верности царю «пред бурханы», т.е. перед Буддой [10]. Эти же документы учили в числе новоподданных, «писаных в Семипалатинском» 25 служителей ламаистского культа [11].

Первостепенную роль в спасении людей ламаизм отводит ламам. Без их помощи рядовому верующему, якобы, заказан путь не только в рай, но даже в достижении «нирваны» — абсолютно, не нарушающего покоя [12]. Как и шаманы, ламы и лечили людей [13].

Для ламаизма, как известно, характерны пышное богослужение и театрализованные мистерии, проводимые в данзанах-монастырях, множество бытовых обрядов, магических приемов и заклинаний, направленных против гнева богов и козней злых духов. Обрядовая сторона на Алтае была более простой, поскольку здесь не было монастырей. Документы XVII—XVIII вв. засвидетельствовали лишь несколько небольших буддийских часовен районе теленгитских кочевий [14].

Наряду с шаманизмом и ламаизмом, знали алтайцы и христианство. Обращение их в «Христову веру», началось еще в XVIII в. Однако после упразднения миссионерских должностей в 1789 и 1799 гг. алтайцы вновь возвратились к шаманству [15].

Однако идея христианизации не была забыта церковью. И как только создалась благоприятная ситуация, она тут же воспользовалась ею. С этой целью в 1830 г. на Алтае было создана духовная миссия, деятельность которой по сей день неоднозначно оценивается некоторой частью алтайской интеллигенции. В пылу политических и конфессиональных дебатов недоброжелатели миссии неизменно оперируют только фактами и примерами «насильственной христианизации» аборигенов, края их «русификацией». При этом они неизменно замалчивают о культурно-просветительской деятельности миссионеров (создание ими на основе русской графики алтайской письменности, распространение грамотности среди алтайцев, внедрение в их хозяйство земледелия, овощеводства и огородничества, а в бытовую жизнь — санитарно-гигиенических навыков [16].

Причина такого замалчивания кроется, на наш взгляд, не только в их позиции и стратегии, но и в стереотипе, передавшемся им (да и всем нам) «по наследству». В советское время наши религиозные чувства были, по сути дела, загнаны «в подполье». Любое отклонение от «воинствующего атеизма», если не преследовалось открыто, то общественному осуждению предавалось в обязательном порядке, хотя право граждан исповедовать любую религию или не исповедовать никакой гарантировалось Конституцией СССР.

«Перестройка», последовавшие за ней распад СССР, «парад суверенитетов», единение (в условиях демократии) государства с церковью, кардинально изменили ситуацию на «вероисповедном фронте»: россияне получили возможность испо-

ведовать «все и вся». Но сошедший на них «дух свободы» не пошел им на пользу. В новой ситуации мы (в который уже раз) не смогли найти «золотой середины» и снова ударились в крайность, но теперь уже в противоположную той, что была до этого.

Выше уже упоминалось, что алтайцам с давних пор был присущ поликонфессионализм [17]. При этом они никогда не ставили вопроса о главенстве какой-либо религии. Однако, с некоторых пор представители радикально настроенной интеллигенции стали высказывать мысль, что «постоянной» (а следовательно, главной) религией алтайцев издавна был буддизм.

Не вступая в полемику относительно главенства той или иной религии в воззрениях алтайцев, скажем лишь пару слов о их взаимоотношениях между собой. Надо сказать, что до недавнего времени такой проблемы в нашем обществе не существовало, поскольку в Советском государстве любая религия рассматривалась не иначе как «опиум для народа». Лишь на исходе ХХ в. деятельность церкви была легализована и верующие — христиане, иудеи, мусульмане, представители других конфессий — получили возможность открыто демонстрировать свои религиозные воззрения, отправлять соответствующие им службы и обряды. Другой стороной этих преобразований явился рост национального самосознания людей, катализировавший их интерес ко многим вопро-

сам своего бытия. Инициировал он и вряд ли реализуемое на практике стремление народов «разобраться» со своей «родной» религией. К сожалению, этот поиск у нас, как было отмечено выше, превратился в политическую «разборку», которая накладывает негативный отпечаток на взаимоотношения народов, проживающих в Горном Алтае. Здесь же, кроме алтайцев (31% от общего числа населения края), проживают русские (60%), казахи (5,6%), а также азербайджанцы, башкиры, белорусы, грузины, корейцы, литовцы, молдаване, немцы, татары и представители других наций и народностей (3,4%) [18]. Но, несмотря на принадлежность нашего края к различным конфессиям, каких-либо «трений и споров» на этой почве здесь никогда не возникало.

Суммируя все сказанное, можно резюмировать: население каждого региона, страны в целом, переживает сегодня не простую для себя ситуацию. Учитывая это обстоятельство, хочется искренне пожелать всем нам быть благородными, не бросаться из одной крайности в другую, спокойно и взвешенно подходить к решению любого вопроса, связанного с межнациональными, межэтническими и межконфессиональными отношениями. Только при таком подходе к делу, нам удастся повсеместно сохранить подлинную гармонию интересов проживающих здесь наций и народностей, утвердить подлинное братство, взаимопомощь и взаимопонимание между ними.

Библиографический список

1. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М-Л., 1953. С. 165; Модоров Н. С. Горный Алтай в пореформенный период. Горно-Алтайск, 1990. С. 28.
2. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л., 1990. С. 117.
3. Муйтуева В. А. Эволюция религиозности и свободомыслия у алтайцев. Автoref.канд. дисс. СПб., 1991. С. 8.
4. Сагалаев А. М. Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. С. 33-35.
5. Сатлаев Ф. А. Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974. С. 159.
6. Модоров Н.С. Россия и Горный Алтай: Политические, социально-экономические и культурные отношения (ХVII- вв.). Горно-Алтайск, 1996. С. 309.
7. Там же. С.311.
8. Подробнее см. Сагалаев А. М. Мифология и верования алтайцев. Новосибирск, 1984.
9. Самаев Г. П. Горный Алтай в XVII — середине XIX в. Горно-Алтайск, 1991. С. 46.
10. Архив внешней политики России (АВПР). Ф. 113. Оп. 113/1.Д. 4. Л. 350-352.
11. Там же. Д. 3. Л. 220-221.
12. Модоров Н. С.Указ.соч. С. 312.
13. Самаев Г. П. Указ.соч. С. 47.
14. Потапов Л. П. Очерки... С. 130.
15. Модоров Н. С. Горный Алтай... С. 29.
16. Модоров Н. С. Россия... С. 310-311.
17. Хотя нет официальных данных, все же можно предположить, что некоторая часть алтайцев исповедует мусульманство, восприняв его от проживающих рядом с ними казахов, предки которых появились в Чуйской степи в 80-90 гг. XIX в.
18. Текущее делопроизводство Управления статистики Республики Алтай.

Бийский государственный педагогический университет им. В. М. Шукшина,
Горно-Алтайский государственный университет
Получено: 21.12.09.

O. V. Malahova-Polaykova, N. S. Modorov, I. G. Cherloaykov

THE RELIGIOUS OPINIONS OF NATIVE PEOPLES OF GORNY ALTAI (XIX-BEGINNING XX CENTURIES)
In article, on the basis publications throw light the religious opinions of native peoples of Gorny Altai
(XIX — beginning XX centuries).

Mongolia, Tibet, buddism, lamaism, Gorny Altai, native peoples, religious opinions, pagans,
Christianity, shamans, sacrificion

УДК 902

Л. Л. Молодых

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА АЗИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается историческая преемственность современного регионализма Азии к территориально-историческим пространствам, существовавшим в доколониальную эпоху и международное значение региональных организаций Азии.

Регионализм, региональные организации, территориально-историческое пространство, интеграция, неоколониализм

Темой данной статьи является исследование исторических связей между современным регионализмом в развивающихся странах и теми устойчиво сложившимися экономическими и политическими пространствами, существовавшими в различных частях доколониального мира. Целью статьи является выяснение вопроса: есть ли глубокие исторические корни регионализма третьего мира, либо он только часть процессов современной интернационализации: в рамках неэквивалентной экономической взаимозависимости Севера и Юга или в стремлении найти ей альтернативу в сотрудничестве стран периферии между собой? Для ответа на этот вопрос, во-первых, необходимо сравнить геополитические и геоэкономические параметры и внешние границы современных региональных организаций с аналогичными данными международных структур, возникавших на этих пространствах в прошлом, чтобы выявить их сходства и отличия. Во-вторых, необходимо понять соотношение регионализма и иных международных структур. Основной источниковой базой статьи служат официальные документы международных организаций и региональных организаций третьего мира.

Географическое пространство современной Земли за всю письменную историю последних пяти тысяч лет радикально не изменилось за вычетом последствий хозяйственной деятельности человека, так как скорость климатических, а тем более, геологических процессов несравненно медленнее человеческой истории. На тех же местах остались естественные преграды, служащие барьерами между различными частями Земли, благодаря современной технике, переставшие быть почти непреодолимыми. Значит, естественно-географические параметры корректны для сравнительного наложения на них исторических параметров. На заре письменной человеческой истории возникли только локальные цивилизации в местах самого благоприятного климата, и контакты между народами были ограничены. Поэтому временем возникновения региональных международных систем можно считать только I тысячелетие до нашей эры, когда, благодаря внедрению железа, случился рост населения, и расширились международные контакты — регионы Земли сложились уже не только в естественно-географическом, но и в историческом смысле, как результат взаимодействия населяющих их народов. В наше время международные отношения вышли уже на всемирный уровень, но региональный уровень не исчез и су-

ществует более двух тысяч лет. Следовательно, есть возможность сравнения современных процессов региональных отношений с процессами, протекавшими в этих землях в предыдущие эпохи.

Следует выявить общее и различное, вкладываемое в понятие «регион» естественно-географическим и историко-политическим смыслами. В данной статье географический смысл значим только для обозначения естественных внешних границ изучаемых регионов мира. На наш взгляд, естественные и политико-экономические внешние границы регионов хотя и не полностью, но совпадают, иначе было бы бессмысленно выделять политко-экономические регионы, давая им однозначные названия регионов географических. В коллективной монографии под ред. В. В. Гантмана «Система, структура и процесс развития современных международных отношений» географический и исторический смыслы различаются таким образом: «Международный политический регион как единица анализа структуры системы межгосударственных отношений не может быть отождествлён с регионом географическим. Они могут совпадать или не совпадать по своим границам, но при всех случаях являются разными понятиями. Международный политический регион — это, прежде всего, общность проблемно-политическая, содержащая определённые политические отношения по поводу каких-либо проблем, и уж затем проблемно-географическая». Из этого следует вывод, что международный политический регион не является заданной, неизменной и вечной категорией, а изменяется по набору политических проблем и отношений, их характеру и содержанию и даётся пример политических проблем Ближнего и Среднего Востока, в которых не совпадают заинтересованные государства [43, с. 94-95].

Мы с этой точкой зрения не согласны, так как существуют проблемы, охватывающие только часть региона, а возможность отнесения той или иной страны к различным регионам, говорит, на наш взгляд, не об изменчивости границ регионов, а о наложении территорий этих регионов друг на друга, о чём далее будет сказано подробнее. Если распределять страны по регионам по принципу заинтересованности, то тогда можно было бы отнести США к любому региону планеты. При проведении внешних границ политических регионов, мы отдаём приоритет границам географическим, так как до настоящего времени сохраняются многие искусственные различия, влияющие на формирование современных политичес-

ких регионов, заложенные во времена ограниченных контактов между различными частями человечества. В рамках этих естественных пространств возникали и развивались политические региональные пространства, в том числе региональные империи — высшая форма их политического объединения.

В историографии нет единого мнения о сути региональных пространств, времени включения их во всемирное пространство, охватывающее всю Землю или большую её часть, и иерархии разных пространственных уровней. Например, китайский историк Вэй Дацян считает создание Китайской империи на Востоке и Римской на Западе четвёртой волной глобализации (после заселения человеком всей Земли, образования союзов племён и создания первых государств), а начало современного пятого этапа относит в конец XV века [38, с. 202]. Эта датировка восходит к идеям миросистемного анализа, относящего зарождение современной капиталистической миросистемы диспропорций между Севером и Югом в XVI веке впервые сформулированная германским экономистом и историком А. Г. Франком. Её разделяют и наиболее значительные современные представители миросистемно-периферийного подхода, американский социолог И. Валлерстайн [29, с. 241-247] или египетский экономист и политолог С. Амин [50]. На наш взгляд, это очень осовременивает прошлое; ещё менее убедительны идеи поздних работ А. Г. Франка, относящие зарождение миросистемы в начало III тысячелетия до н. э. [52]. Но мы считаем убедительными миросистемно-периферийные тезисы о решающем факторе колониального ограбления в ускорении европейской истории по отношению к развитию иных частей света.

И. Валлерстайн в качестве регионов мира выделил «мир-империи» и «мир-экономики» [31, пр. 100-108]. Если «мир-империи» были типичны для докапиталистического общества, то «мир-экономики» — для капиталистического, хотя И. Валлерстайн в ряде случаев противоречил себе, рассматривая отдельные докапиталистические «мир-экономики», обращая основное внимание на обмен. На наш взгляд, противопоставление «мир-экономик» и «мир-империй» искусственно, так как пространство каждого региона имеет экономическую и политическую составляющие и признание важности в интеграции одной из этих них отнюдь не исключает важности другой и региональное пространство может быть целостным, только если развиты обе составляющие.

Советский, а ныне российский историк Ю. И. Семёнов, создавший унитарно-стадиально-эстафетную концепцию истории, считает регионы (Западная Европа, Ближний Восток, Юго-Восточная Азия и др.) системой социально-исторических организмов, называя их пространства историческими аренами [42, с. 23-25]. С этим тезисом мы согласны, считая эти термины точнее терминов цивилизационного подхода. Но мы не согласны с основой его унитарно-стадиально-эстафетной теории, считающей центральным историческим пространством только одну арену из всех, а наличие или отсутствие других не оказалось зна-

чительного влияния на ход всемирной истории, что распространяется им на все эпохи, в том числе предшествующие колониализму нового времени. Все регионы Востока он считает однотипными, монотонными и тупиковыми. По его мнению, исторический центр переменно находился на Ближнем Востоке до середины I тысячелетия до нашей эры, античном Средиземноморье до середины I тысячелетия нашей эры, в Западной Европе средневековья и нового времени, из которой в XX веке переместился в США [42, с. 441-508].

По нашему мнению, в доколониальную эпоху не было «магистральных» или «тупиковых» (кроме регионов экстремальных природных условий) региональных пространств. В унитарно-стадиально-эстафетной концепции основой прогресса берётся развитие производительных сил, но до промышленного переворота различные части Земли развивались приблизительно схоже. Ещё в конце XVIII века ныне развитые страны не имели над развивающимися решающего преимущества и только в середине — второй половине XX века по доходу на душу населения достигли разницы в 5-7 раз [40, с. 33-34; 25, с. 353-360, 572-573; 48, с. 280]. Поэтому нельзя считать европейскую (как и любую другую) линию магистральной до нового времени. Также вызывает сомнение магистральность, если её осуществление невозможно без ограбления периферии (то есть она доступна только для меньшей части человечества), что признаётся в критикуемой нами концепции. Так же мы не считаем пороком «монотонность» доколониальных обществ, неоднократно восстанавливавшихся после циклически-династических упадков, так как это признак их внутренней устойчивости и самодостаточности, которые отсутствуют у системы, именуемой Ю. И. Семёновым ортокапиталистической.

Также существуют geopolитические теории, предусматривающие раздел мира на замкнутые и враждебные части, преувеличивающие специфику каждой из них, фактически подменяя регионы цивилизациями, приписывая им стремление проводить общую внешнюю политику, что мешает адекватно рассматривать geopolитические противоречия. Чаще всего, этот подход применяется к исламскому миру, расположенному в основном в Западной Азии и Северной Африке, но также он характерен для всех регионов и цивилизаций. Американский политолог С. Хантингтон выдвинул знаменитую теорию «столкновения цивилизаций», по которой мировая политика является многополюсной и многоцивилизационной; возникает основанный на цивилизациях мировой порядок, страны группируются вокруг центров своих цивилизаций; баланс сил смешается в сторону азиатских стран; растёт антагонизм Запада с мусульманским миром и Китаем [45, с. 15-16]. Хотя отказ С. Хантингтона от ориенталистского взгляда на Восток, предусматривающего однотипность всех его регионов или цивилизаций [45, с. 32-34] является сильной стороной его теории, но, скорее всего, он умышленно направлен на раскол вероятного антизападного сопротивления в третьем мире и стремится замаскировать неоколониальный характер западного господства.

Хотя цивилизации, региональные пространства и международно-политические блоки часто совпадают, они, по нашему мнению, относятся к разным категориям, и наиболее важны для международных отношений территориально-исторические регионы. Их пространство может в конкретный исторический момент быть многоконфессионально или моноконфессионально; многонационально или моннационально; централизовано вокруг сильнейшего государства или раздроблено. Эти признаки могут неоднократно меняться, но рамки территориальных арен регионов международных отношений сохраняются. Блоки государств могут возникать как в пределах одного региона, необязательно охватывая все его страны, или выходить за пределы региона, увеличивая вероятность членства в одном блоке стран разных цивилизаций. Высокая вероятность несовпадения цивилизаций и geopolитических интересов государств, на наш взгляд, является основной слабостью цивилизационного подхода в объяснении международных отношений. Также подход использует неоднородные определяющие признаки цивилизаций: западная — по географическому, хотя он соблюдается нечётко и дополнен обычно политико-экономической характеристикой; исламская — по религиозному; китайская и индийская — по национальному. Иногда Тропическая Африка и Латинская Америка по расово-географическому признаку считаются отдельными цивилизациями. Из-за разнородности критериев цивилизации накладываются друг на друга. Например, Япония, культурно продолжающая традиции Китая, экономически и политически примыкает к Западу.

История Европы нового и начала новейшего времени пронизана коалиционными войнами между её странами, но в истории «Европейского полуострова» так и не возникло государства, ставшего на длительное время объединительным центром, как Китай на Дальнем Востоке. Хотя Запад был единой цивилизацией, а его европейская часть единственным регионом, до создания НАТО в 1949 году и Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1960 году и проведения совместной политики в ООН, он не был цельной международной единицей. Во-первых, после Второй мировой войны, страны Европы, включая формальных победителей, политически сильно ослабли и попали в зависимость от США. Если послевоенный упадок их экономик при помощи США был преодолён за несколько лет, то политически Европа так и не вернула удерживаемый около двухсот лет статус главного региона мира. Во-вторых, единению Запада способствовала в послевоенные годы руководимая США согласованная враждебная политика в отношении социалистических стран и гонка вооружений между двумя возникшими блоками, длившаяся более сорока лет. В-третьих, проведение неоколониальной политики после краха колониализма объединяло позиции Запада против освободившихся стран.

Но мы не видим в настоящее время государства, способного объединить мир ислама вокруг себя и бросить глобальный вызов Западу. В Саудовской Аравии — религиозном лидере ислама и

крупнейшем экспортёре нефти у власти пребывает режим, переставший быть марионеточным после национализации иностранных нефтедобывающих концессий в 1970-е гг., но оставшийся проамериканским, что признаёт и сам Хантингтон. Саудовская Аравия и другие нефтекратии полуострова зависят от экспорта на Запад углеводородов и размещения в западных банках и ценных бумагах излишка доходов, от технологий добычи и транспортировки нефти, от закупок вооружений. Бросив вызов Западу, они потеряют благополучие и будут быстро оккупированы. Если они не могут или не хотят оказать даже реальную помощь национально-освободительной борьбе арабов Палестины, то какой может быть глобальный вызов? Среди арабских республик есть проамериканские режимы в Египте и Тунисе и антиамериканские режимы Сирии, Йемена, Ливии, Алжира и Ирака до оккупации в 2003 году, но их идеология — левый национализм, а не политический исламизм, существующий из арабских республик только в отсталом Судане, зависимом во внешней торговле от Китая на 67,4% [21-2006, с. 85]. США проводят политику санкций, дискредитации и прямой агрессии против непокорного меньшинства арабских стран.

Турция давно не является великой Османской империей, наводившей ужас на европейцев, падишах которой был также халифом — духовным главой мусульман-суннитов. Идеологией новой Турции со времён её первого президента М. Ататюрка стал закреплённый в конституции светский национализм [1, с. 295], ныне она самая вестернизированная исламская страна и член НАТО. Ранее Иран многократно создавал великие государства Среднего Востока. Шиитский характер современного теократического режима уменьшает лидерские возможности Ирана в исламском мире. С. Хантингтон видит ислам монолитом, упуская отличия суннизма и шиизма и четырёх мазхабов внутри суннизма. В многолюдных отсталых и политически нестабильных Индонезии в Юго-Восточной Азии и Пакистане в Южной власть от умеренно проамериканских военных режимов перешла к более проамериканским гражданским. Из мусульманских стран только находящийся на краю исламского пояса Пакистан имеет ядерное оружие, но уступает враждебной соседней Индии и несопоставимо уступает официальным ядерным странам [11; 16]. Пакистан исторически и географически являлся частью индийского субконтинента, и большая часть его внешнеполитических усилий уходит на заведомо неравную борьбу с Индией, частью которой он был до 1947 года; поиск союзников заставляет его лавировать между США и КНР. Индонезия, самая многонаселённая исламская страна, но находящаяся в отрыве от исламского пояса и в силу этого, меньше исламизированная, чем страны Западной Азии и Северной Африки, также вряд ли сможет бросить вызов.

Все эти страны имеют слаборазвитую обрабатывающую промышленность, низкий научный потенциал и отсутствие технических возможностей быть угрозой для США. Если всерьёз при-

нять идеи Хантингтона о возведении барьеров между цивилизациями и их внутреннем сплочении [44, с. 25], то будет непонятно, почему находясь за океаном, США сильно озабочены делами других материков и проводят там экспансию, и какой смысл навязывать систему ценностей на другом конце Земли. Не Китай окружает Америку своими военными базами, а Америка Китай, хотя собственная территория США находится вне досягаемости для обычных вооружённых сил КНР, а китайские ядерные силы не имеют достаточно го числа боеголовок для нанесения по американской территории сокрушительного удара [9, р. 2]. Другие азиатские государства тем более не могут угрожать в настоящее время североамериканскому континенту. Значит, американский неоколониализм озабочен не теми ценностями, являющимися причиной раздора по Хантингтону, а запасами топлива на Ближнем и Среднем Востоке и периферийными индустриальными товарами в Юго-Восточной и Восточной Азии. Таким образом, выявляется беспредметность рассуждений Хантингтона о валовом продукте и военной мощи цивилизаций, поскольку ни экономические, ни военные группировки не строятся по таким принципам.

Политологи М. Хардт (США) и А. Негри (Италия) совместно выдвинули концепцию «Империи», которая в противоположность империализму «не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды. Это — децентрированный и детерриториализованный, то есть лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы» [46, с. 4]. По их мнению, вместе с колониализмом исчезли территориально оформленные региональные пространства, и особо они подчёркивают «неимпериалистический» характер положения США в современном мире [46, с. 14-16]. Мы с их концепцией не согласны, так как и в свою классическую эпоху империализм не сводился к его основной форме — прямому колониализму; и в неоколониальную эпоху господство США в современном мире опирается на территориально структурированные экономические и военные блоки, военные базы и прямые вторжения в непокорные страны. В третьем мире теории конфликта цивилизаций и «Империи» получили резко негативную оценку. Например, С. Амин назвал теорию Хантингтона оправдывающим политику США идиотизмом, а теорию «Империи» — её маскировкой [26, с. 36-37, 116; 48], считая неоколониализм прямым наследником старого колониализма, а глобальный империализм США, Западной Европы и Японии основой международной системы, против которой должны сплотиться народы Юга [26, с. 149-151].

Возникновение империй поздней древности и средневековья, на наш взгляд, можно считать предпосылкой современного регионализма закрытого типа, о чём подробнее скажем далее, но не глобализации, её прообраз возник только на третьем и четвёртом этапах колониализма — в эпоху промышленного капитализма свободной торгов-

ли (середина — вторая половина XIX века) и монополистического капитализма эпохи империалистического раздела мира (конец XIX — первая половина XX вв.). Но две мировые войны; возникновение ставшей всемирно значимой после Второй мировой войны социалистической системы; гонка вооружений в послевоенные десятилетия, не имеющая аналогов в мирное время; крах колониальных империй, становление нескольких десятков политически суверенных и добивающихся экономической независимости освободившихся стран прервали эти процессы на несколько десятилетий. В это время бурный технический прогресс и быстрый средневзвешенный экономический рост шли во всемирном масштабе в 1950—1970-е гг., темпами, которых не было ни до, ни после. И только после кризиса развития в третьем мире в начале 1980-х гг. и самороспуска системы социалистических стран, ставших новой периферией, вновь усилилась глобальная тенденция, резко замедлившая темпы развития старой периферии и приведшая к глубокому абсолютному спаду в новой периферии.

После распада колониальной системы развивалась система организаций региональной интеграции на тех же территориально-исторических аренах, на где возникали и разрушались империи прошлого. Великие державы такого типа существуют с середины I-го тысячелетия до н. э.; в начале XXI века они представлены отличными от колониальных империй странами-регионами: Россия, Китай, Индия. Докапиталистические «колониальные империи», по мнению советского историка колониализма М. О. Мнацаканяна, возникали «на базе натурального хозяйства» и сохраняли «характер насильственно объединённого конгломерата хозяйственно обособленных стран и областей. Их особенности столетиями застывали из-за застойности и замкнутости внутриэкономических отношений». Они создавались только путём завоевания и сохранялись, пока сохранялась военная сила народа-завоевателя, а «политическое освобождение порабощённого народа приводило к незамедлительному его освобождению от чужеземной эксплуатации. Слабые узы хозяйственных отношений колониализма разрушались, как только исчезал режим военно-политического порабощения. В этом заключается важнейшая специфика докапиталистических форм колониальных отношений» [39, с. 72-73].

Мы в целом согласны с этой характеристикой. Но, во-первых, на наш взгляд, называть такие державы колониальными исторически некорректно, так как международного неэквивалентного разделения труда, ставшего возможным только после промышленного переворота в них не возникало. Во-вторых, региональные империи кроме методов насилия, выполняли публичные функции. Поэтому, через некоторое время после распада старой империи, сопровождавшегося хозяйственным упадком, а не развитием, в примерно прежних границах возникала новая [34, т. I, с. 9-10]. Образование новой империи проходило как внутренняя политическая рецентрализация, в других её создавали варвары, завоевавшие зем-

ли древних цивилизаций — в доиндустриальную эпоху существовала возможность завоевания более развитых народов менее развитыми. Сейчас это невозможно, так как для создания сильной современной армии нужна мощная, создаваемая десятилетиями, научно-техническая и индустриальная база военно-промышленного комплекса; покрыть издержки на современную войну текущими грабежами наступающей армии стало невозможно. Поэтому, на наш взгляд, нет никакой военной угрозы со стороны третьего мира для США и их союзников, так как страны, называемые «изгоями» официальной американской пропагандой, имеют намного меньшие материальные ресурсы и возможности, чем считающая себя «цивилизованной» часть человечества.

Колониальные империи были не цельными региональными пространствами, а системой параллельных вертикальных связей метрополии с колониями, а горизонтальные связи между колониями были слабы. При другом раскладе политических интересов и успехов метрополий в Европе, колониальный раздел мира мог быть иным, но сохранил бы свою суть. Но создание на мировом уровне систем колониальных империй не означало полного отказа от доколониальных региональных систем, ставших подсистемами в их рамках: Индия в британской колониальной империи, Индонезия — в нидерландской, Северо-Западная Африка — во французской. Такие современные государства как Индия и Индонезия стали политически целостными единицами именно в колониальный период. США и Канада в Северной Америке, большинство государств Центральной и Южной Америк и Австралия возникли из колоний переселенческого типа, без связи доколониальными социально-историческими организмами. На наш взгляд, в Старом Свете можно выделить регионы Восточной, и, возможно, Юго-Восточной Азии; Южной Азии; Западной, Юго-Западной Азии и Северной Африки; «Европейского полуострова»; Восточной Европы и Северной Азии. Четыре первых региона выделяются по их естественным границам, пролегающим в основном по горным хребтам и природно-климатическим различиям, пятый регион, наибольший по площади, выделен по внешним границам остальных. Наполняемость регионов конкретными странами может различаться в зависимости критерии классификации. Однако, в любом случае, на наш взгляд, в каждом регионе должно быть системообразующее государство, значительно превосходящее по размерам и совокупному потенциалу остальные, объединяющиеся или вокруг него или против него. Теперь начнём рассмотрение конкретных региональных пространств и возникших на их территориях региональных отношений.

Наиболее легко выделить регион Восточной Азии. Большой Китай включает территорию собственно КНР и её особые территории — Гонконг и Макао и мятежную провинцию Тайвань. Он является системообразующим государством исторически китаецентричной международно-политической системы Восточной Азии. Также в этот регион попадают Япония, Корея, Север и Юг которой

с 1991 года стали членами ООН как отдельные государства [3], и Монголия. После Второй мировой войны США создали антикитайскую geopolитическую систему региона, куда вошли Япония, Южная Корея, провинция Тайвань и большая часть государств Юго-Восточной Азии. Юго-Восточная Азия находилась в различные исторические эпохи под влиянием Южной или Восточной Азии, что сохранилось в названии континентальной части ЮВА — полуостров Индокитай или становилась относительно самостоятельным регионом. ЮВА включает страны Индокитая: Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Таиланд и Мьянма, частично материковая Малайзия и островные государства: Индонезия, Филиппины, Сингапур, Бруней и Восточный Тимор. Мы согласны с точкой зрения, что строго географически особые территории Китая и Южная Корея не входят в ЮВА [32, с. 11], хотя экономически, внутри- и внешнеполитически они ближе к большинству стран Юго-Восточной Азии, чем к КНР.

В рамках АСЕАН нет государства, также пре-восходящего соседей, как Индия в СААРК. Даже Индонезия, имевшая более половины населения первоначальной АСЕАН-5, не обладает сопоставимым превосходством. Но, на наш взгляд, системообразующим государством АСЕАН, созданной как военно-политический противовес КНР, является не входящий в её состав Китай. Позднее противостояние с КНР завершилось, а ведущими мотивами интеграции АСЕАН стали экономические причины. В Бангкокской декларации 1967 года о создании АСЕАН заявлялось о преимуществах региональной интеграции для развития [8]. Потом были подписаны следующие основополагающие договоры в рамках АСЕАН: о создании зоны мира, свободы и нейтралитета в 1971 году [23]; декларацию о сотрудничестве в 1976 году [10]; о создании безъядерной зоны [22] и протокол об экономическом сотрудничестве [17] в 1995 году и Ханойский план действий в 1997 году [13]. Заключение этих договоров, принятие в члены Вьетнама и установление с КНР отношений в формате АСЕАН+3 показало стремление к международному нейтралитету, о чём, и желанию сосредоточиться на внутрирегиональных делах, АСЕАН заявляла неоднократно, хотя США задумывали её создание как противовеса «коммунистической угрозе». Экономический рост Китая и усиление его экономических связей со странами АСЕАН создало перспективу образования экономического блока Восточной и Юго-Восточной Азии, что резко негативно оценили в США [51].

Одновременно, слишком широкое членство может размыть региональные рамки. Теперь принцип географического соответствия, по которому в 1980 году АСЕАН отказалась Шри-Ланке [36, с. 11], перестал чётко соблюдаться. И если членство Лаоса, Камбоджи и Мьянмы оправдано географически, несмотря на их отсталость, то вступление Папуа-Новой Гвинеи может размыть чёткие рамки АСЕАН. Мы согласны с мнением об искусственности «Азиатско-Тихоокеанского региона» (АТР) из-за невозможности интеграции столь огромного пространства [27, с. 59], хотя термин

используется в международной классификации, например [2]. Кроме Сингапура страны АСЕАН и так конкурируют за вывоз однотипных товаров: каучука, олова, пальмового масла, тропической древесины и кокосопродуктов; Индонезия, Малайзия и Бруней — нефти [36, с. 122-123]. За 1980–2006 гг. доля товарооборота между странами АСЕАН выросла с 15% до 25% [21-2007, р. 95], но за счёт кооперации в производстве товаров, имеющих конечный спрос в развитых странах, не в АСЕАН. Бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю вопреки очевидным фактам утверждает о переходе АСЕАН в настоящее время к европейскому типу интеграции [6]. АСЕАН, на наш взгляд, не сможет перейти к нему и в будущем, также как достичь намеченных в 1997 году сверхвысоких показателей на 2020 год [7], однако можно сделать вывод, что она всё-таки самая успешная среди региональных организаций развивающихся стран Азии.

Южную Азию мы понимаем как индийский субконтинент, находящийся на полуострове Индостан и отделённых от остальной Азии хребтами гор сопредельных с ним землях и острова у южной части Индостана. Индия выступает системообразующим государством региона, хотя сам факт её существования стал бесспорен только в настоящее время. Также к Южной Азии относятся Бангладеш, Непал, Бутан, Шри-Ланка и Мальдивские острова, а принадлежность исторически связанного также с Западной Азией Пакистана является спорной. Современные страны СААРК, неоднократно политически объединялись ещё в древности и средневековые, но возникавшие в Северной Индии империи, охватывали также, в лучшем случае её, центральную часть, но дравидийские народы Юга Индии упорно сохраняли независимость. И. Валлерстайн с позиций миросистемного анализа на вопрос о существовании Индия давал положительный ответ, но только для современности. Если бы англичане не победили в Семилетней войне, то на территории современной Индии сосуществовали бы англо-хиндиязычный Хиндустан на Севере и франко-дравидоязычное государство на Юге [30, с. 28]. По нашему мнению, Индия существует как единое региональное пространство уже более двух тысяч лет, но в завершённой форме она появилась только как Британская Индия, приобретение независимости привело к разделению которой на собственно Индию и Пакистан, позднее из Пакистана выделилась Бангладеш.

Ассоциация Южной Азии по региональному сотрудничеству (СААРК) была основана 8 декабря 1985 года в Дакке на учредительной встрече глав государств и правительств Индии, Пакистана, Бангладеш, Непала, Бутана, Шри-Ланки, Мальдивских островов. Учредительные декларации СААРК и бывшей для неё примером АСЕАН во многом похожи. Но, в отличие от стремящейся «сотрудничать» с развитыми странами и не выдвигать справедливые претензии АСЕАН, СААРК заявляла также о борьбе с нищетой и несправедливости порядка современного мира [19]. Бангладеш, Непал, Бутан и Мальдивы являются наименее развитыми странами [14, р. xvii], не

намного богаче Индия, Пакистан и Шри-Ланка; в 2007 году о своём желании вступить в СААРК заявил Афганистан [4] — самая нищая страна мира за пределами Африки [24]. СААРК — самая бедная и неразвитая региональная организация в Азии, иностранными наблюдателями названная «профсоюзом нищих» [36, с. 95]. Региональная интеграция в Южной Азии началась значительно позднее, чем в Юго-Восточной Азии, не составлявшей никогда ранее единого политического пространства. Пакистан, до образования СААРК трижды воевавший с Индией и находящийся в настоящее время на грани войны с ней, и другие члены боятся более тесного союза, не желая быть поглощёнными Индией. Некоторые индийские исследователи признают это, например [53]. Из-за слабости и однотипности экономик членов СААРК, её внутренний товарооборот всегда оставался ниже 5% от общего объёма внешней торговли [21-2007, р. 95], на фоне которых показатели товарооборота внутри АСЕАН кажутся значительным достижением. Поскольку экономические связи между государствами СААРК малы, и сотрудничество в её рамках почти не касается экономической сферы [36, с. 96], её создание существенно не повлияло на процессы индо-пакистанской конфронтации, из-за которой двусторонние проблемы в рамках СААРК не обсуждаются. И, по нашему мнению, в обозримом будущем проблемы, имеющиеся у СААРК, вряд ли разрешимы.

На наш взгляд, создание СААРК объясняется охватившей третий мир модой регионализма. В декларации создания СААРК заявлено сотрудничество в решении социально-экономических проблем и совместной борьбе за общие интересы на международной арене, включая тему Юга и Севера; больших человеческих и природных ресурсах, дополняемости экономик и огромном потенциале внутреннего рынка. Также «страны имеют много общих ценностей, внедрённых в их социальные, этнические, культурные и исторические традиции; сотрудничество региона логически решает эти проблемы» [18]. Страны Южной Азии признали тесные исторические взаимосвязи вопреки явной слабости их экономической интеграции и враждебных отношений между Индией и Пакистаном. Эта враждебность, по нашему мнению, не удивительна, так как большинство войн и конфликтов проходит между странами одного региона, будучи частью связывавших страны их в прошлом исторических традиций. Явная враждебность является признаком неравнодушия, маловероятного в отношении далёко расположенной страны.

В Западной и Юго-Западной Азии в настоящее время системообразующего государства нет (Иран им является только географически [28, с. 6]), способного возглавить объединительный процесс или вызвать его против себя. По нашему мнению, именно с этим связана закономерная повышенная конфликтность в этой части Азии, достаточно вспомнить историю Европы до её объединения. Из всех типов международных систем возникновение войны наиболее вероятно в много极ных, как на всемирном, так и на регионом уровнях. Восточная Азия и Южная Азия, внут-

рирегионально однополярные, являются более стабильными системами. Если в регионе есть явно преобладающее государство, то противостоять ему может только государство иного региона, например, отношения США и России, США и Китая, России и Китая, Китая и Индии. Такие противостояния ведутся через гонку вооружений, вербовку союзников, экономическую борьбу — катастрофичность последствий прямой войны и маловероятность полной оккупации сдерживает вероятную войну. На внутрирегиональном уровне вероятность поглощения выше — периоды политической централизации были в истории всех регионов Евразии. Например, Пакистан, боясь поглощения в случае войны с Индией, ориентируется на Китай, находящийся в другом региональном пространстве. На Среднем Востоке империи возникали в эпохи с VI века до н. э. по XVIII век нашей эры, но в настоящее время регионализм в этой части Азии выражен значительно слабее, чем, в других её частях. Здесь не возникло единой организации.

Также в регионе Западной Азии широко распространено пересечение пространств разных регионов. Из всех членов ОЭС (Организация экономического сотрудничества, в современном виде созданная в 1992 году), только Иран единственное чисто западноазиатское государство. Азербайджан, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан одновременно состоят в СНГ. Пакистан и, с недавних пор, Афганистан одновременно состоят в СААРК. Турция стремится участвовать в процессах евроинтеграции и состоит в военном блоке Запада — НАТО. Экономическая интеграция региона слаба, например, товарооборот внутри ОЭС в 2006 году составил только 8,2% от общего объёма внешней торговли [расчет по 4], что меньше, чем в АСЕАН, но больше, чем в СААРК. Поэтому политически и экономически аморфная ОЭС показала слабость регионализма в Западной Азии. В СССР среднеазиатские республики были одним из глубоких тылов, остатки влияния России сохраняются и в наше время, но неуклонно сокращаются [44, с. 30-32, 79-81], так как разрушился машиностроительный комплекс России, потреблявший сырьё Средней Азии. Теперь Средняя Азия конкурирует с Россией в экспорте газа, нефти, меди, никеля на внешний для СНГ рынок. После вступления в ОЭС в 1992 году пяти бывших среднеазиатских республик и Азербайджана [18], несколько выросли их связи со Средним Востоком, но и там они конкурируют самым активным членом организации — Ираном, на внешнем для ОЭС рынке нефти и газа. В древности и средневековые возникали государства, охватывавшие Среднюю Азию, Афганистан и северо-запад индийского субконтинента, но в настоящее время связи Средней Азии с Южной слабы. Всё чаще Средняя Азия рассматривается как регион влияния Китая. Совершенно новым фактором Средней Азии стало влияние США, хотя для них мало её экономическое значение, и по данным проведённых в 1998 году расчетов, прикаспийские запасы нефти намного меньше аравийских [44, с. 107] и транспортировка дальше. Поэтому мотивы экспансии США в Средней Азии,

на наш взгляд, прежде всего политические: желание ослабить связи её стран с Россией и Китаем, разместить военные базы против них и установить марионеточные режимы. Лучше всего это удалось в Киргизии, высоко оценённой Западом за самое последовательное проведение рыночно-демократических реформ, хотя их экономические результаты были самые разрушительные в Средней Азии [расчёт по 2-2007, с. 5; 2]. В Киргизии в конце 1990-х гг. действовало около 1000 неправительственных организаций — треть их общего числа во всём регионе [44, с. 135], делая её наиболее податливой воздействию неоколониализма.

В 1981 году был основан ССАГПЗ, охватывающий почти весь Аравийский полуостров. По составу он значительно однороднее АСЕАН или СААРК, объясняется официально это тем, что: «глубокие религиозные и культурные связи объединяют шесть государств, и крепкие семейные отношения преобладают среди их граждан. Все эти факторы усилены географически единым юридическим лицом, простирающимся от моря, облегчающим контакты и взаимодействие между ними, развивая однотипные ценности и особенности» [12]. Мы признаём положительное влияние этой однородности, недостаточное в остальных организациях, на интеграцию региона. Оригинальные документы ССАГПЗ, отличие от документов АСЕАН, СААРК и ОЭС, написаны на национальном языке, а не на английском. Но этим однородность не ограничена: все члены ССАГПЗ богаты нефтью самой низкой себестоимости в мире и малонаселены. ССАГПЗ не случайно возник не как преобразование Лиги арабских государств в более интегрированную организацию, а рядом с ней, фактически заменяя арабский регионализм аравийским, исключая государства Ближнего Востока и Северной Африки, до открытия нефти более развитые, чем Аравийский полуостров.

Экономическая однотипность стран ССАГПЗ препятствует развитию внутрирегиональной торговли. В ССАГПЗ её доля меньше 10% от общего товарооборота, в конце 1990-х гг. она была 10%, что больше доли в СААРК, но меньше, чем в АСЕАН [21, р. 95], но не из-за усиления экономической интеграции, из-за самых низких после 1973 года цен на нефть — основной товар вывозимый за пределы стран ССАГПЗ. Хотя они частично научились поглощать на внутренние нужды прибыли от вывоза нефти, экономически ССАГПЗ остался аморфной организацией. Но степень политической интеграции в ССАГПЗ среди всех региональных организаций Азии самая высокая из-за однородности, отсутствия двусторонних противостояний, гражданских войн и политической нестабильности, в различной степени присущих всем региональным организациям. Входящие в ССАГПЗ государства показали во время мирового энергетического кризиса 1970-х гг., что перестали быть марионетками или «абсолютиско-колониальными режимами» по неудачному, на наш взгляд, термину, [47, с. 396]. Но рост цен на нефть одновременно означал и усиление политической ориентации на США, хотя уже не на марионеточной основе [33, с. 149-151].

Теперь им было, что терять и больше ссориться с Западом, как во время арабо-израильской войны 1973 года, арабские нефтекратии не станут, формально продолжая осуждать «жестокие и расистские израильские методы в занятых арабских странах», «государственный терроризм, который Израиль использует против палестинцев» и подчёркивают «право палестинцев к законной борьбе с оккупацией» и призывают «отличать законную борьбу за самоопределение и терроризм». ССАГПЗ поддерживает Сирию и Ливан, подвергнутые израильской агрессии [12]. Но США в неоколониальной политике заинтересованы направить арабский регионализм на этот неопасный для них путь, и в настоящее время вероятность политического объединения арабских государств практически отсутствует. Есть мнение, что создание ССАГПЗ означает стремление исламского мира стать сильным полюсом многополярной политической системы, в противовес навязываемой Западом глобализации [37, с. 6]. Мы с ним не согласны, так как ССАГПЗ может лишь стремиться поднять свой статус в рамках западноцентричной политico-экономической системы, но не к её альтернативе. Из-за членства отторгнутого от Ирака Кувейта ССАГПЗ выступила с проамериканских позиций против Ирака [15]. Саудовская Аравия в 1990–1991 гг. позволила войскам США расположиться на своей территории и способствовала принятию антииракских резолюций Лигой арабских государств и Исламской конференцией [37, с. 5].

Библиографический список

Источники:

1. Конституция Турецкой Республики // Турецкая республика. Справочник. М., 1990. Перевод с турецкого.
2. Резюме обзора экономического и социального положения в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 2000–2008 // www.unctad.org.
3. Рост численности членов ООН с 1945 года // www.un.org.
4. About ECO. Statistics // www.ecosecretariat.org.
5. Afghanistan will be SAARC's land bridge: Foreign minister / www.earthtimes.org/myrssfeeds.
6. ASEAN a long way from EU-style integration: Lee Kuan Yew AFP, 9/1/08 // www.acronymfinder.com/Institute-of-E.
7. ASEAN Vision 2020 // www.aseansec.org.
8. Bangkok Declaration // www.asean.org.
9. Chinese Nuclear Forces and U.S. Nuclear War Planning // The Federation of American scientists & The Natural resources defense council. Nov. 2006 // www.fas.org.
10. Declaration of ASEAN Concord. Indonesia, 24 Feb. 1976 // www.asean.org.
11. India Special Weapons Guide
12. Foundations and Objectives // www.gcc-sg.org.
13. Ha Noi Plan of Action // www.asean.org.
14. Handbook of statistics, 2008 // www.unctad.org.
15. Political Affairs // www.gcc-sg.org.
16. Pakistan Special Weapons Guide
17. Protocol to amend the framework agreement on enhancing ASEAN economic cooperation. Thailand, 15 Dec. 1995 // www.asean.org.
18. Tehran Communiqu?. (Tehran, 16-17 Feb., 1992) // www.ecosecretariat.org.
19. The Dhaka Declaration of the Heads of State or Government of the Member Countries of South Asian Association for Regional Cooperation issued on 8th December 1985 // www.saarc-sec.org.

В итоге, мы пришли к выводу, что территории, занимаемые современными региональными организациями Азии, обычно совпадают с доколониальными историческими аренами, но они теперь перестали быть замкнутыми и включены также в мировую систему неэквивалентного разделения труда. Хотя провозглашён приоритет экономических и иных связей членов внутри региональных организаций, реальной экономической интеграции они не добились. Их члены конкурируют между собой за экспорт на внешние рынки схожих видов сырья и трудоёмкой продукции, в лучшем случае кооперируясь в выпуске товаров, вывозимых в развитые страны (АСЕАН). В СААРК, ОЭС и ССАГПЗ торговли между членами почти нет. Узость внутренних экономических связей сохраняет двусторонние военно-политические противостояния между членами организаций (СААРК) и пересечение различных региональных пространств (особенно в ОЭС). Но конфликтность — также одно из проявлений традиционных исторических связей. Члены региональных организаций Азии (кроме ССАГПЗ) разнородны по политическим режимам и ещё более — по уровню экономического развития. Поэтому мы заключили, что хотя азиатские страны стремятся поддерживать традиционные региональные отношения с соседями по историческим аренам, преобладает сохранение неоколониальной зависимости от группы развитых стран.

[20. The Charter // www.gcc-sg.org](#).

21. Trade and Development Report (Доклад о торговле и развитии), 1996–2008 // www.unctad.org.

22. Treaty on the Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone. Bangkok, Thailand 15 Dec. 1995 // www.asean.org.

23. Zone of Peace, Freedom and Neutrality Declaration. Malaysia, 27 Nov. 1971 // www.asean.org.

24. World Economic Outlook Database-2009 // www.imf.org.

Справочные данные:

25. Болотин Б. М., Шейнис В. Л., Экономика развивающихся стран в цифрах. Опыт справочно-статистического исследования. 1950–1985 годы. М., 1988.

Литература:

26. Амин С. Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. М., 2007.

27. Арин О. (Алиев Р. Ш-А.). Миф об азиатско-тихоокеанском регионе // Азия и Африка сегодня, 1998 № 1.

28. Белокриницкий В. Я. Мусульманский регион у южных границ СНГ — структура, значение, перспективы. // Мусульманские страны у границ СНГ. М., 2001.

29. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2003. Пер. с англ.

30. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение. М., 2006. Пер. с англ.

31. Валлерстайн И. Периферия. // International Journal of Comparative Sociology, 1983, Vol. XXIV, No.1-2, pp.100-108 // www.gumer.info.

32. Васильев В. Ф. Восточно-западные мотивы в проблематике и оценке государственности и модернизации в странах ЮВА. // Государственность и модернизация в странах Юго-Восточной Азии. М., 1997.

33. Внешняя политика развивающихся стран. Общие проблемы и методология исследования. Отв. ред. Мирский Г. И. М., 1983.

34. История Востока. М., 1999, Том № 1. Введение.
35. Кувейт: государство и границы. М., 1994. Перевод с английского.
36. Межгосударственные региональные организации Азии в международных отношениях. М., 1991.
37. Мелкумян Е. ССАГПЗ: итоги политического сотрудничества // Азия и Африка сегодня, 2001 №7.
38. Михеев В. В. Трансформация Китая в условиях глобализации. // Глобализация и крупные полупериферийные страны. М., 2003.
39. Мнацаканян М.О. Колониализм и его исторические формы. М., 1976.
40. Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М., 1983.
41. Салицкий А. И. Современные подходы к глобализации в Китае. // Глобализация и крупные полупериферийные страны. М., 2003.
42. Семёнов Ю. И. Философия истории. М., 2003 // www.mx.esc.ru/~assur/ocr/semenov.
43. Система, структура и процесс развития современных международных отношений. М., 1984.
44. Троицкий Е. Ф. Политика США в Центральной Азии. Томск., 2005.
45. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций, М., 2003. Пер. с англ. // www.gumer.info
46. Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004. Пер. с англ. // www.gumer.info.
47. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
48. Эльянов А. Я. Проблемы и противоречия глобализации // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме). СПб., 2000.
49. Amin S. Empire and Multitude // Monthly Review. November 2005. // www.monthlyreview.org.
50. Amin S. Imperialism and Globalization // Monthly Review. June 2001. // www.monthlyreview.org.
51. Bergsten C. A Partnership of Equals. How Washington Should Respond to China's Economic Challenge // Foreign Affairs, July/August 2008 // www.foreignaffairs.org.
52. Frank A. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand, 1993 // www.worldsystemarchive.org.
53. Thapar R. SAARC Ineffective in Promoting Economic Cooperation in South Asia // www.stanford.edu.

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева
Получено 17.01.10.

L. L. Molodykh

REGIONAL AREAS OF ASIA: HISTORY AND CONTEMPORARY

The article examines historical succession of contemporary regionalism of Asia to territorial-historical areas of pre-colonial epoch and international importance of regional organizations of Asia.

Regionalism, regional organizations of Asia, territorial-historical area, integration, neocolonialism

УДК 902

В. С. Мыглан, О. А. Жарникова

ПРИМЕНЕНИЕ ДЕНДРОХРОНОЛОГИЧЕСКОГО МЕТОДА ДЛЯ ДАТИРОВКИ ПАМЯТНИКОВ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА В П. БЕРЕЗОВО*

В статье представлены результаты датирования памятников деревянного зодчества п. Березово.

дendrochronology, Сибирь, памятники деревянного зодчества, Березов

Тема присоединения и последующего хозяйственного освоения территории Сибири детально изучена в работах предшествующих поколений историков. Однако вопрос, связанный с определением времени постройки некоторых памятников деревянного зодчества, по настоящее время остается открытым. В определенной мере это связано с тем, что вследствие пожаров, плохих условий хранения, небрежного отношения и пр. количество дошедших до наших дней письменных источников невелико. В настоящее время наибольшие перспективы в этом направлении открывает привлечение естественнонаучных методов исследования, в первую очередь — дендрохронологического. В представленной работе рассмотрим эффективность работы метода на примере датировки памятников деревянного зодчества п. Березово.

Материал и методы

В 2008 г. в ходе выполнения экспедиционных работ были отобраны образцы с 19 памятни-

ков деревянного зодчества, расположенных в п. Березово. В рамках предлагаемого исследования рассмотрим датировку трех памятников: дома смотрителя Березовской городской больницы (согласно официальным данным здание построено в 1915–16 гг.) (Рис. 1), амбара, расположенного по ул. Быстрицкого, 30 (Рис. 2), и моста на «ряжах» (Рис. 3).

Образцы с обследованных архитектурных памятников отбирались специальным буром для взятия образцов из сухостойной древесины и представляют собой керны диаметром 9 мм. Использование такой технологии позволило минимизировать ущерб, наносимый архитектурным памятникам, и целенаправленно, точечно отобрать образцы с участков бревен, сохранивших последнее прижизненное кольцо. В результате, с дома смотрителя Березовской городской больницы было взято 20 кернов: с западной стороны постройки образцы под номерами r5, r9 (4, 5 венец), с северной сторо-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-01-18094e «Строительная история памятников деревянного зодчества XVII–XIX вв. на территории Сибири».

ны — r1, r2, r3, r4, r7, r8 (5, 6, 4, 3, 4, 2 венец, здесь и далее образцы имеющие номер одного венца относятся к разным простенкам), с восточной стороны — r6, r10, r11, r12 (5, 6, 5, 4 венец), с чердачного помещения — с r13 по r20.

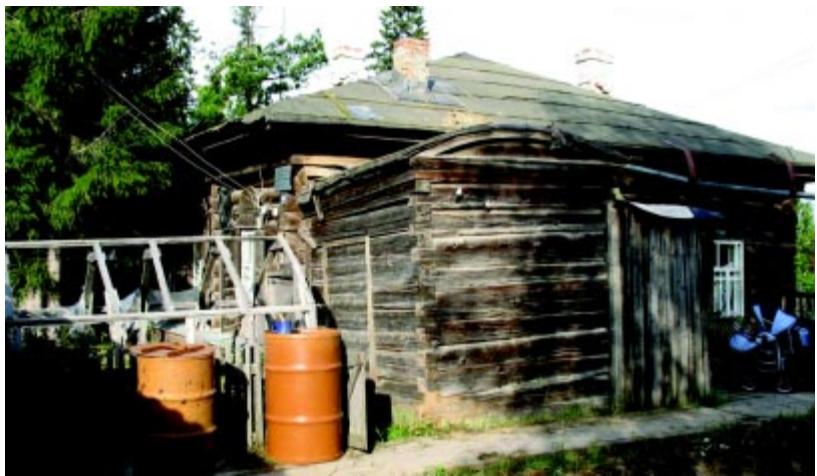

Рис. 1. Дом смотрителя Березовской городской больницы

Рис. 2. Амбар по ул. Быстрицкого 30, состояние памятника на сентябрь 2008 г.

Рис. 3. Мост на «ряжах»

С амбара было отобрано 13 образцов, образец р4 взят со стропила крыши, остальные образцы — из простенков восточной стороны постройки по направлению север-юг: первый простенок р1, р2, р3, р5 (9, 8, 7, 9 венец); второй простенок р6, р7, р8, р9, р10 (10, 8, 9, 9, 8 венец); третий простенок р11, р12, р13 (8, 9, 7 венец). По сравнению с 2005 г. в 2008 г. памятник оказался в разрушенном состоянии. Учитывая хорошую сохранность древесины постройки, несомненно, что подобные изменения в состоянии памятника связаны с проводимыми поблизости строительными работами.

С памятника архитектуры — моста на «ряжах» было отобрано 7 образцов (Рис. 3). Согласно рассказам местных жителей и характерным запилам на колмовой части бревен, оставшихся после применения бензопилы, мост предположительно был построен в 70-х годах XX в.

Для постройки памятников деревянного зодчества в п. Березово в качестве основного строительного материала использовалась древесина сосны сибирской (*Pinus sibirica* (Rupr.) Mayr.). В связи с этим, для датировки памятников по стандартной методике [1] была построена 336-летняя древесно-кольцевая шкала (с 1673 по 2008 г.) для участка кедрового леса, расположенного в двух километрах к северу от п. Березово.

Измерения ширины годичных колец были выполнены на полуавтоматической установке «LINTAB» (с точностью 0,01 мм). Датировка измеренных серий была выполнена посредством сочетания графической перекрестной датировки [2] и кросскорреляционного анализа в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований — DPL [3] и «TSAP V3.5» [4].

Дом смотрителя Березовской городской больницы

Посредством сочетания кросскорреляционного анализа и графической перекрестной датировки измеренные индивидуальные серии прироста были датированы относительно друг друга (Рис. 4) и с обобщенной древесно-кольцевой хронологией, построенной для п. Березово (Табл. 1).

Процесс датировки образов с памятника не вызвал затруднений, на рисунке хорошо видна высокая синхронность в изменчивости прироста анализируемых серий, межсерийль-

ный коэффициент корреляции составил 0,60 (при $p < 0,05$, здесь и далее p — доверительный интервал). В тоже время неожиданными оказались результаты перекрестной датировки с календарно привязанной древесно-кольцевой хронологией (Табл. 1). Согласно полученным данным, памятник был построен в первом десятилетии XIX в., спустя 80 лет было перестроено чердачное помещение, и в таком состоянии памятник дошел до наших дней. В этом случае, дом смотрителя Березовской городской больницы старше принятой официальной даты более чем на 100 лет и в настоящее время является одной из самых старых построек на территории п. Березово.

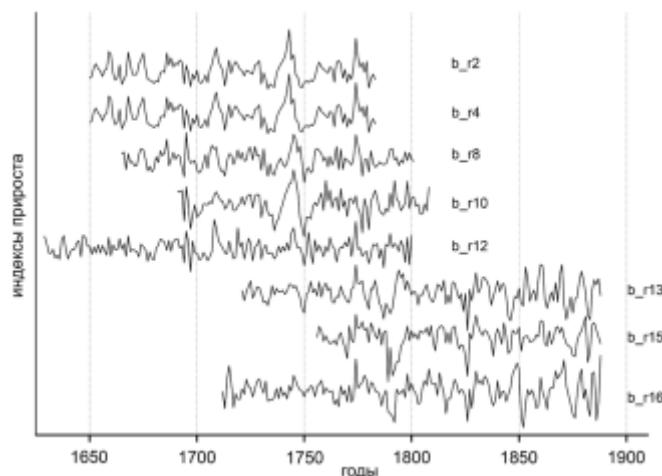

Рис. 4. Пример перекрестной датировки образцов с дома смотрителя Березовской городской больницы.

Номера серий даны согласно Табл. 1.

Таблица 1

Результаты перекрестной датировки образцов с дома смотрителя Березовской городской больницы

Номер образца	Название образца	Кольцо (год)		Коэффициент корреляции	m	σ	Примечание
		Центральное	Периферийное				
1	b_r01	1648	1788	0,60	0,22	0,26	
2	b_r02	1650	1783	0,59	0,18	0,49	
3	b_r03	1704	1786	0,78	0,29	0,26	
4	b_r04	1680	1795	0,68	0,19	0,22	
5	b_r06	1650	1783	0,66	0,24	0,34	
6	b_r07	1688	1793	0,61	0,18	0,35	
7	b_r08	1665	1801	0,60	0,19	0,27	
8	b_r09	1711	1870	0,50	0,18	0,30	
9	b_r10	1691	1808	0,62	0,24	0,43	
10	b_r11	1697	1796	0,74	0,21	0,31	
11	b_r12	1629	1800	0,62	0,21	0,38	
12	b_r13	1721	1888	0,62	0,24	0,51	кора
13	b_r14	1761	1888	0,37	0,21	0,25	кора
14	b_r15	1756	1888	0,60	0,26	0,22	
15	b_r16	1712	1888	0,52	0,26	0,45	кора
16	b_r17	1697	1836	0,58	0,22	0,51	

Примечание: m — коэффициент чувствительности; σ — стандартное отклонение.

Амбар по ул. Быстрицкого, 30

Измеренные индивидуальные серии прироста с амбара были датированы между собой, а затем с обобщенной хронологией (Табл. 2)

Таблица 2

Результаты перекрестной датировки образцов с амбара по ул. Быстрицкого, 30

Номер образца	Название образца	Кольцо (год)		Коэффициент корреляции	m	σ	Примечание
		Центральное	Периферийное				
1	b_p01	1685	1916	0,60	0,26	0,34	
2	b_p02	1808	1918	0,52	0,20	0,55	
3	b_p03	1833	1918	0,45	0,19	0,53	
4	b_p04	1736	1918	0,39	0,20	0,30	кора
5	b_p05	1686	1916	0,51	0,23	0,31	
6	b_p06	1798	1918	0,47	0,20	0,37	
7	b_p07	1822	1918	0,73	0,18	0,23	
8	b_p08	1718	1916	0,51	0,24	0,30	кора
9	b_p09	1828	1918	0,60	0,17	0,68	
10	b_p10	1809	1918	0,76	0,20	0,40	кора
11	b_p11	1810	1918	0,61	0,22	0,42	кора
12	b_p12	1776	1916	0,45	0,18	0,29	
13	b_p13	1839	1917	0,69	0,16	0,36	

Примечание: m — коэффициент чувствительности; σ — стандартное отклонение.

Результаты анализа показали, что время рубки дерева, использованного для постройки стен и кровли здания, совпадает и приходится на 1918 г. Вероятно, датой завершения строительства следует считать 1918–19 гг.

Мост на «ряжах»

Состав моста было отобрано 7 образцов. Анализ отобранных образцов показал, что при строительстве моста использовались молодые деревья. Так, несмотря на диаметр в 30-40 см, их возраст редко превышает столетний интервал, что нехарактерно для остальных обследованных памятников. Выполненная перекрестная датировка позволила уточнить время строительства моста, которое пришлось на 1984 г. (Табл. 3).

Для иллюстрации правильности проведенной графической перекрестной датировки, обобщенные древесно-кольцевые хронологии по каждому памятнику были отложены относительно абсолютной древесно-кольцевой хронологии (Рис. 5).

На представленном графике хорошо видно, что прирост деревьев с анализируемыми строениями и с календарно-привязанной хронологией синхронно изменяется на всем анализируемом периоде. Наиболее показательными являются «реперные» годы — 1750, 1826, 1914, на которые приходится падение прироста у всех обобщенных древесно-кольцевых хронологий. Коэффициент корреляции Пирсона между календарно привязанной хронологией (mast) и индексированной обобщенной хронологией «r» составил 0,56 (для периода в 260 лет, при $p < 0,05$), с хронологией «p» — 0,39 (для

периода в 234 года, при $p < 0,05$) и с хронологией «most» — 0,36 (для периода в 99 лет, при $p < 0,05$).

Таблица 3

Результаты перекрестной датировки образцов с моста на «ряжах»

Номер образца	Название образца	Кольцо (год)		Коэффициент корреляции	m	σ	Примечание
		Центральное	Периферийное				
1	b_most1	1904	1928	0,83	0,20	0,59	
2	b_most2	1891	1984	0,72	0,21	0,62	кора
3	b_most3	1891	1984	0,77	0,21	0,97	кора
4	b_most4	1894	1984	0,72	0,22	0,97	Кора
5	b_most5	1896	1984	0,50	0,21	1,04	
6	b_most6	1886	1984	0,60	0,31	1,09	
7	b_most7	1894	1984	0,60	0,21	0,69	Кора

Примечание: m — коэффициент чувствительности; σ — стандартное отклонение.

Заключение

Проведенный дендрохронологический анализ показал, что дом смотрителя Березовской городской больницы была первоначально построен в конце первого, а затем перестроен в конце девятого десятилетия XIX в. Таким образом, дом смотрителя Березовской городской больницы старше

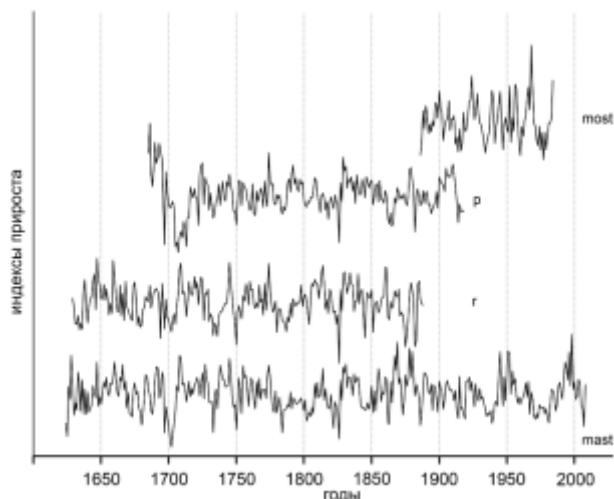

Рис. 5. Результаты перекрестной датировки амбара дома смотрителя Березовской городской больницы(b_r), амбара расположенного по ул. Быстрицкого, 30 (b_p) и моста на «ряжах» (most) с календарно привязанной древесно-кольцевой хронологией (mast) для п. Березово

официальной даты более чем на 100 лет и в настоящее время является одной из самых старых построек на территории п. Березово. Датой строительства амбара по улице Быстрицкого, 30, следует считать 1918–19 гг., моста на «ряжах» — 1984 г.

Библиографический список

- Шиятов С. Г., Ваганов Е. А., Кирдянов А. В., Круглов В. Б., Мазепа В. С., Наурабаев М. М., Хантемиров Р. М. // Методы дендрохронологии. Ч. I. Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: Учебно-методич. пособие. — Красноярск: КрасГУ, 2000. — 80 с.
- Douglass A. E. Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. — Washington: Carnegie Inst., 1919. Vol. 1. — 127 p.
- Holms R. L. Dendrochronological Program Library/Laboratory of Tree-ring Research. — Tucson: The University of Arizona, 1984. — 51 p.
- Rinn F. TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. — Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. — 269 p.

Сибирский федеральный университет
Получено 19.01.10.

V. S. Myglan, O. A. Zharnikova

THE APPLICATION OF DENDROCHRONOLOGICAL METHOD FOR DATING MONUMENTS OF WOODEN ARCHITECTURE OF BEREZOV

The article is based on results of dating monuments of wooden architecture of Berezov.

tree-ring dating, dendrochronology, Siberia, monuments of wooden architecture, Berezov

УДК 902

P. Павлюкевич

РУССКИЙ С КИТАЙЦЕМ — БРАТЬЯ НАВЕК (ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА КИТАЯ В СОВЕТСКИХ СМИ НА ПРИМЕРЕ СОБОЛЕЗНОВАНИЙ НА СМЕРТЬ И. В. СТАЛИНА)

В статье, на основе опубликованных материалов, анализируется ситуация, возникшая в СССР и в Китае, в связи со смертью И. В. Сталина.

Советский Союз, Китай, дружба, советские и китайские СМИ, смерть И. В. Сталина, соболезнование

Советско-китайские отношения с момента их зарождения были всегда непростыми, переживая и взлеты, и падения. Достаточно вспомнить, известный конфликт на КВЖД в 1929 г. или не-простые отношения с Китаем в годы второй мировой войны. Самое тесное сближение двух государств началось с прихода в 1949 г. к власти в стране коммунистической партии. И продолжались эти (братьские отношения) вплоть до второй половины 60-х гг. Ярким расцветом советско-китайских отношений, безусловно, стала первая половина 50-х гг. Это подтверждается работами многих исследователей. В частности, известный отечественный китаевед и дипломат А. В. Лукин отмечал в свое время что «И. В. Сталин рассматривал Китай как важнейшего союзника, за счет которого база мировой революции значительно расширилась» [2, с. 218]. В связи с этим, и сложился в СССР определенный образ Китая и его народа, который лучше всего отразился в средствах массовой информации, в первую очередь, в газетах, ежедневно издававшихся в СССР миллионными тиражами.

Источником для нашего анализа выбран срез советских газет за период с 7 по 14 марта 1953 г., ибо именно в этот временной промежуток и было напечатана основная масса сообщений из Китая о имевших в СССР события, в связи со смертью И.В.Сталина. Иначе говоря, в мы сосредоточили свое внимание на центральных газетах: «Правда» (за 8, 10, 11, 12, и 14 марта), «Известия» (7, 11, 12, 13, 14 марта), а также на одной местной («Красноярский рабочий» — за 7, 8, 9, 10, 11, 13 марта).

Приступая к освещению интересующей нас темы, считаем необходимым отметить, что сообщение из Китая появлялись, как правило, сначала в «Правде», а затем они перепечатывались другими газетами. Словом, выбор нами указанных газет неслучайен. Как известно, «Правда» и «Известия», являлись в интересующий нас период наиболее тиражируемыми в СССР. Первая была в то время центральным органом печати КПСС, а вторая — находилась под патронажем ЦИК СССР. Если говорить о «Красноярском рабочем», то он в то время являлся органом Красноярского обкома КПСС. С другой стороны, наш выбор этой газеты был обусловлен и ее «типичностью», характерной для всех местных газет, являвшихся органом местного обкома (райкома) КПСС, т.е. все взятые нами для анализа газеты являлись проводниками политической линии советского руководства. Не случаен нами и выбор события, которое в полной мере отразили все печатные органы. Смерть И. В. Сталина, как показала действительность тех дней, вызвала огромный поток писем-сболезнований из социалистических стран, и прежде всего из КНР. Эти скорбные послания, и это вне всякого сомнения, имели большое значение для советских людей, видевших в них не только признание личных заслуг И. В. Сталина, но и всего Советского Союза.

Следует подчеркнуть, что в каждом из номеров газеты «Правда» печатались, начиная с 8 марта (и по 14 марта — Р. П.) известия и собо-

лезнования из Китая. Так, в выпуске от 8 марта было опубликовано целых три телеграммы, направленные Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и ЦК КПК. Для сравнения скажем, что в этом же выпуске были опубликованы по две телеграммы от КНДР и Венгрии, по одной — от США, Мексики, Румынии, Монголии, Бирмы и компартий Франции и Болгарии. Там же были помещено (предваряя подобные сообщения из других стран) и сообщение ТАСС о траурном митинге 7 марта в Пекине [5, с. 4]. 10 марта «Правда» опубликовала сообщения о траурных митингах, прошедших в других странах. При этом, сообщение из Китая было расположено в самом центре страницы и было самым объемным из всех ему подобных сообщений. В последующие дни (с 12 по 14 марта) «Правда» печатала письма-отклики простых граждан Китая на смерть И. В. Сталина. Кстати, в выпуске за 14 марта им была отведена целая страница. Необходимо также отметить, что «Правда» в эти дни оказалась (по доле сообщений) наиболее «китайской», по сравнению с другими печатными изданиями.

Подобная картина наблюдалась практически во всех других газетах. Так, в «Красноярском рабочем» 8-9 марта сообщения и телеграммы из Китая печатались в левом верхнем углу страницы, что говорило о важности данной информации. 13 марта в нем была напечатана статья «Величайшая дружба», автором которой был Мао Цзэдун [19, с. 3]. Как нам известно, много сообщений и откликов на смерть И. В. Сталина печатались и в китайских газетах. К сожалению, мы не имеем к ним доступа. Однозначно можно утверждать лишь одно: «заказчиком» этих публикаций их редактором были ЦК партии и правительство СССР, безраздельно решавшие что, где и как печатать. Получателем же информации, заключенной в такого рода статьях, естественно, выступал советский народ. Основной же целью данных статей, было желание партийно-советских лидеров создать необходимый образ Китая в массовом сознании читателей. Это было вызвано политическими соображениями, рассматривавшими Китай как одного из основных союзников СССР.

В трех анализируемых газетах было напечатано в период от 7 по 14 марта 31 сообщение из Китая.

Печатали названные нами газеты такого рода публикации, поступившие из других стран соци-

алистического лагеря. В частности, в трех газетах было опубликовано: 10 сообщений, писем-откликов, поступивших из Польше, 10 — из Болгарии, 8 — из Венгрии, 7 — из КНДР, в 7 — из Румынии и 5 из Чехословакии.

Если сопоставить количество материалов, поступивших из-за рубежа, то можно констатировать, что большая их часть (почти половина) поступила из Китая. По числу статей, письм-откликов, направленных в СССР, он почти в три раза превосходит наиболее активных в этом плане Польшу и Болгарию. Что касается частности публикаций из Китая в «Правде» и «Известиях», то она также в пользу КНР. Аналогичная картина в этом плане просматривается и в «Красноярском рабочем». Проиллюстрируем это на примере публикации им материалов, присланных из-за рубежа в период с 8 по 13 марта 1953 г.

Количество материалов, опубликованных газетой (за период с 8 по 14 марта 1953 г.)

Страна отправитель	Количество по датам				
	8	10	11	12	14
Китай	4	2	1	3	8
КНДР	2				
Венгрия	2		1		
Румыния	1	1			
Польша		1	1		
Болгария	2	1			
Чехословакия		1			

8 марта «Красноярский рабочий» опубликовал на четверной странице статью «Великая скорбь прогрессивного человечества о кончине Иосифа Виссарионовича Сталина» [15, с. 4]. Сообщение из Китая было помещено первым и в верхнем левом углу газеты. И уже за ним размещены материалы, поступившие из Чехословакии и Польши. 9 марта картина повторилась вновь. Только теперь за сообщением из Китая (на том же месте) разместились сообщения из Польши и КНДР. В выпуске за 10 марта 1953 г. (на третьей странице) были напечатаны телеграммы глав государств социалистических стран: первым шло послание Мао Цзэдуна, за ним Вильгельма Пика, потом снова послание из Китая (от ЦК КПК). Спустя три дня (13 марта), в газете была напечатана статья Мао Цзэдуна «Величайшая дружба», которая была расположена на правой стороне страницы. Рядом с нею была расположена статья маршала А.М. Василевского [19, с. 3]. Подобная тенденция расположения материалов наших и зарубежных были характерны и для «Правды», и «Известий».

Подводя итоги «количествоенного» анализа, отметим, что послания из Китая были наиболее многочисленными, «частотными» и занимали самые лучшие места на страницах газет. Это, в свою очередь, говорит о важности и необходимости для органов контролировавших газеты, стремившихся донести до получателя информации, т.е. до советских граждан, не только определенную информацию, заключенную в статьях, но и ее политизированный аспект.

В зависимости от своего содержания, все имеющиеся публикации можно условно поделить на четыре группы: известия о траурных мероприятиях, печатавшиеся со ссылкой на ТАСС и «Жэнъминь жибао»; телеграммы (три — Мао Цзэдуна, Чжоу Эньляя и ЦК КПК; статьи (две — Мао Цзэдуна («Величайшая дружба») и Сун Цзан-Лин [имя используется в транскрипции газеты, ссылок на личность автора не дано]; а также письма от простых граждан Китая [11, с. 3].

При анализе данных текстов основными единицами измерения были избраны темы советско-китайской дружбы и единства СССР, Китая и всего социалистического лагеря, а также призыв к сплочению перед лицом опасности со стороны агрессоров. Эти три темы красной нитью пронизывают все послания и статьи, создавая, таким образом, определенный образ Китая по отношению к советским гражданам. Более того, данные темы весьма показательны и в качестве инструмента по созданию определенного образа страны и народа.

Первая группа сообщений о траурных мероприятиях в Китае по поводу смерти И. В. Сталина были напечатаны во всех газетах. Они повествуют о траурных митингах и скорби всего китайского народа; кроме того, в них вставлены отрывки из сообщений китайских газет, суть которых заключается в упомянутых выше темах. Так, 6 марта в газете «Жэнъминь жибао» вышла передовая статья под названием: «Народы Китая и Советского Союза, сплачивайтесь еще теснее». Эта тема звучит и в номере «Красноярского рабочего» за 8 марта 1953 г. [15, с. 4]. При этом газета цитирует «Жэнъминь жибао», выразившая не только свои соболезнования советскому народу по поводу их утраты, но и заявившая о великой дружбе китайского и советского народов, о единстве всего прогрессивного человечества, не преминув при этом призывать (традиционно) мировое сообщество к сплочению. Проиллюстрируем это количественными показателями пропагандирования данных тем «Правдой»:

Темы дружбы, единства и призыва к сплочению, отраженные СМИ КНР («Правда» 8, 10, 11 марта 1953 г.)

Тема/дата	8 марта	10 марта	11 марта
Дружба	2	3	3
Призыв к сплочению		4	2
Единство		2	

Не менее любопытно и сравнение частотности тем в текстах посланий различных стран социалистического лагеря. Основной их темой, безусловно, были соболезнования, хотя упомянутые темы тоже затрагивались, но в гораздо меньшей степени, по сравнению с Китаем.

Темы дружбы, единства и призыва к сплочению («Красноярский рабочий» 8 марта 1953 г.)

Страна/тема	Дружба	Призыв к сплочению	Единство Соп. лагеря
Китай	3	4	2
Польша	1		4
Болгария	3	1	1

Анализируя данные таблицы, можно констатировать, что самой «активной» темой, поднимаемой тогда в Китае был призыв к сплочению рядов, перед надвигающейся опасностью.

Вторую группу публикаций, бесспорно, составляют фундаментальные статьи лидеров КПК. Одна из них появилась 13 марта 1953 г. под «авторством» Сун Цзин-Лин («За Сталина»), вторая (под авторством Мао Цзэдуна) под названием «Величайшая дружба» — 11 марта. Та и другая, как было отмечено выше, были напечатаны в «Правде» и «Известиях» [11, с. 3; 13, с. 3]. «Красноярском рабочем» [19, с. 3] была опубликована лишь статья Мао Цзэдуна. Его «творение» состоит из двух частей. Первая — повествует о заслугах И. В. Сталина перед советским и китайскими народами, а также перед всем прогрессивным человечеством. В отличие от первой, вторая часть более любопытна, ибо она полностью посвященная прошлому, настоящему и будущему советско-китайской дружбы. Здесь автор и переводчик статьи не поскупились на эпитеты по отношению к этому союзу. Само название, статьи в превосходной степени говорят о многом. Последний абзац статьи начинается весьма характерными строчками. «Великая дружба Китая и Советского Союза нерушима, потому что она зиждется на основе великих принципов интернационализма Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина» [, с. 3].

Темы дружбы, единства и призыва к сплочению (в посланиях и статьях лидеров КПК)

Темы/автор	Мао Цзэ-Дун	Сун Цзан-Лин
Дружба	6	2
Призыв к сплочению	2	2
Единство	1	3

Как и ранее, основной идеей китайских публикаций была тема «величайшей» дружбы двух народов, которая после смерти Сталина, по заявлению их авторов будет еще более крепнуть.

Другой не менее важной группой посланий были телеграммы от организаций и лидеров КПК: Мао Цзэдуна Председателю Президиума Верховного совета СССР тов. Н. М. Швернику» [5, с. 5], Премьера Госсовета и министра иностранных дел КНР Чжоу Эньлая А. Я. Вышинскому» [5, с. 5] и ЦК КПК ЦК КПСС [5, с. 5].

Темы дружбы, единства и призыва к сплочению в телеграммах-соболезнованиях (Правда 8 марта 1953 г.)

Тема/втор	Мао Цзэдуна	Чжоу Эньлая	КПК
Дружба	3	1	2
Призыв к сплочению	3	2	3
Единство	2	1	1

Данные виды посланий писались, как яствует из их анализа, в том же ключе, что и статья «Величайшая дружба»: первая половина телеграммы посвящена собственно смерти И. В. Сталина, вторая — советско-китайским отношениям. Во всех этих посланиях усиливается тема «призыва к сплочению». «Китайский народ, безусловно, будет тес-

но стоять рядом с великим советским народом, упрочать и укреплять всемирный лагерь демократии...» [5, с. 5]. Наиболее ярко выражены выбранные для анализа темы в послании Мао Цзэдуна. По сравнению с китайскими, послания из восточно-европейских стран и Кореи, более сдержаны и в большей степени посвящены «смерти вождя народов».

Темы дружбы, единства и призыва к сплочению в соболезнованиях («Правда» 8 марта 1953 г.)

Страна/тема	Дружба	Призыв к сплочению	Единство
Китай	3	3	2
Румыния	2	3	
КНДР		1	2
Болгария		1	1
Венгрия			1

И, наконец, последняя группа сообщений — письма от граждан Китая. Они были напечатаны лишь в газете «Правда» за 12 и 14 марта 1953 г. [8, с. 4; 9, с. 4]. Так, в номере за 12 марта было напечатано три таких письма (под общим заголовком «Выполнить завет Сталина — отстоять мир») [8, с. 4]. Основная масса писем была опубликована 14 марта (целая страница, под заголовком «Сталин будет вечно жить в великой дружбе советского и китайского народов») [9, с. 4]. Авторами писем были: писатель лауреат Сталинской премии Лю Байюй, токарь Чжао Гою, студент Ли Кэкуй, а также школьники, актеры, железнодорожники и крестьяне. Все они были написаны по одному стандарту, что и прочие послания: сначала воспоминания о Сталине, его заслугах перед Китаем и СССР, а потом речь шла о единстве и важности советско-китайской дружбы. Для примера, процитируем некоторые из них. «Наша страна, — писал железнодорожник Ли Юн, — связана неразрывными кровными узами с Советским Союзом» [9, с. 4]. «Мы, китайские люди, — утверждал писатель Лю Байюй, — родные братья советских людей» [9, с. 4]. Каждое письмо заканчивалось одним и тем же призывом «теснее сплачиваться и уверенно идти вперед по пути, указанному товарищем Сталиным» [9, с. 4].

Темы дружбы, единства и призыва к сплочению в письмах («Правда» 12, 14 марта 1953 г.)

Тема/дата	12 марта	14 марта
Дружба	1	17
Призыв к сплочению	3	10
Единство		7

Подводя итоги работы, нельзя не отметить того факта, что все изучаемые послания проникнуты духом и идеями советско-китайской дружбы. Авторы посланий неизменно считали эту дружбу «величайшей» во всем мире, декларировали обязанность каждого в ее укреплении на благо строительства светлого будущего. Количество и расположение известий из Китая говорит также о

важности и необходимости для советского руководства создания образа Китая, как величайшего и самого надежного друга и союзника СССР. Но пропагандируя идею дружбу, китайское руководство также подчеркивало, что китайский народ многим обязан советскому, а потому и признает его лидерство. Вместе с тем, оно заявляло, что Китай не подчиняется СССР, а является его младшим братом и другом, ближе которого у него нет в мире никого.

Таким образом, проанализированные нами материалы позволяют говорить, с одной стороны, о значимости Китая для СССР как стратеги-

ческого партнера и союзника, чья значимость превышает ценность других стран. С другой стороны, реальное значение Китая, как торгового партнера и военно-политического союзника, служило причиной целенаправленного создания данного образа, который активно и успешно прививался советским людям на протяжении длительного периода времени. Сохранение же идей братства русского и китайца жило вплоть до охлаждения отношений в конце 60-х гг. XX столетия. И вина за это целиком падала на руководство Китая, а не на китайский народ.

Библиографический список

1. Владимиров О. Е. Советско-китайские отношения в сороковых — восьмидесятых годах / О. Е. Владимиров. — М., 1984.
2. Лукина А. В. Медведь наблюдает за драконом А. В. Лукин. — М., Аст. 2007
3. Аверьянов Л. Я. «Контент-анализ» \ Л. Я. Аверьянов. Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/averjanov_kontent/05.aspx свободный
4. Lasswell H., Leites N. Language of Politics \ H. Lasswell, N. Leites, — New York: Harper, 1949.
5. «Правда». Ежедневная газета ЦК КПСС. — М., 1953. 8 марта.
6. Там же. 10 марта.
7. Там же. 11 марта.
8. Там же. 12 марта.
9. Там же. 14 марта.
10. «Известия». Ежедневная газета ЦИК СССР. — М., 1953. 7 марта.
11. Там же. 11 марта.
12. Там же. 12 марта.
13. Там же. 13 марта.
14. Там же. 14 марта.
15. «Красноярский рабочий». Ежедневная газета Красноярского комитета КПСС. — Красноярск, 1953. 8 марта.
16. Там же. 9 марта.
17. Там же. 10 марта.
18. Там же. 11 марта.
19. Там же. 13 марта.
20. Там же. 14 марта.

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астатфьева
Получено 17.01.10.

R. Pavlyukovich

THE RUSSIAN WITH CHINESE IS THE BROTHERS FOR EVER (THE FORMING THE SHAPE OF CHINA AT SOVIET SMI ON THE EXAMPLE OF CONDOLENCE ON THE DEATH I. V. STALIN)
In article, on the basis publish materials, analysed the situation at SSSR and Chine, later on, death of I. V. Stalin

Soviet Union, China, friendship, soviet and chinese SMI, death I.V.Stalin, condolence

УДК 930.009 (100)

И. А. Поликарпов

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ «РЕВОЛЮЦИИ ТРЕХ ОКРУГОВ 1944–1949 гг.»

Статья посвящена обстоятельствам поражения мощнейшего национально-освободительного движения коренных народов Синьцзяна 1944–1949 гг. в контексте международных отношений Советского Союза и Китая.

Синьцзян, «революция трех северных округов», Восточно-туркестанская Республика, торгово-экономические отношения

Сегодня среди прочих проблем истории международных отношений несомненный интерес представляют сюжеты, связанные с региональными аспектами межгосударственных связей. Среди них, особое место в системе советско-китайских отношений второй трети XX века, занимает Синьцзян.

История этого региона давно привлекает исследователей. Однако, несмотря на значительные успехи советского и российского китаеведения многие сюжеты, исторического развития этого самобытного, многонационального региона, изучены слабо, либо не изучены вовсе. Одним из таких сюжетов является мощное национально-освобо-

дительное движение коренных народов Синьцзяна, получившее в истории название «Революции трех округов 1944–1949 гг.», а также роль и место в этих событиях Советского Союза.

Синьцзян играл значительную роль в развитии политических и торгово-экономических отношений в центрально-азиатском регионе, что, прежде всего, связано с его геополитическим положением. В течение второй трети XX в. Синьцзян оставался районом наиболее активного национально-освободительного движения, так как проживающие здесь коренные народы добивались своей независимости.

Теория мировой революции, которая оставалась базовой в советской идеологии, рассматривала национально-освободительное движение в Синьцзяне своей составной частью. Однако, несмотря на очевидную заинтересованность Советского Союза в установлении твердой власти в провинции, советское правительство всегда придерживалось в этом вопросе принципиальной позиции, целостности Китая.

Показателен в этом отношении, будет следующий факт: в 1921 г., когда Красная армия, по просьбе провинциальных властей вступила на территорию Синьцзяна для ликвидации частей белогвардейских вооруженных сил, находившихся в данном регионе, у некоторых представителей синьцзянских прогрессивных сил, возникла идея создания независимого государства на территории Синьцзяна. Нарком иностранных дел Советского правительства Г. В. Чичерин по этому поводу заявил, что Политбюро ЦК РКП(б) крайне отрицательно относится к идеи создания независимого государства на территории Китайской провинции и считает ее не соответствующей советским интересам в данном направлении. Поэтому Советский Союз всегда стремился к достижению соглашения между повстанцами и китайской стороной на благоприятных для себя условиях, но с сохранением целостности Китайской республики.

Период 40-х гг. XX в. занимает отдельное место в советско-китайских отношениях, так как именно в это время соседи пережили своеобразный путь развития отношений от тесного союза до открытой конфронтации. Начиная с 30-х гг. происходит очевидное укрепление позиций Советского Союза в провинции Синьцзян, которое выражалось в стремлении увеличить свое политическое и экономическое влияние в данном регионе. В 1933 г. советское руководство помогло прийти к власти в провинции генералу Шен Шицая. Действия советского руководства определялись тем, что политическая стабильность в Синьцзяне способствовала росту торгово-экономических отношений двух соседей. В данном вопросе советская сторона никаким образом не согласовывала свои действия с китайскими властями и ввела на территорию провинции свои войска, для поддержки провинциального правительства в его борьбе с развернувшимся здесь повстанческим движением коренных народов. При этом следует еще раз подчеркнуть, что преследовались исключительно экономические интересы. В данном случае вопрос об аннексии Синьцзяна или отделении его от Китая в планы Советского Союза не входил, несмотря на то, что его неоднократно поднимали отдельные представители политических сил в провинции, в том числе и сам Шен Шицая.

Вероломное вторжение 22 июня 1941 г. германских и союзных им войск на территорию Советского Союза вызвало у многих политиков, как во всем мире, так и в Китае, ошибочное мнение о неизбежном поражении и полном уничтожении СССР. Разгром Советского Союза мог радикально поменять политическую расстановку сил в мире. Правительство Китая во главе с Чан Кайши, активно использовавшее поддержку Советского го-

сударства в войне с Японией, начало переориентироваться на Соединенные Штаты Америки и Великобританию [1, с. 165].

Развитие событий начала 40-х гг. естественным образом повлияли и на политику генерала Шен Шицая, который также пришел к выводу о неминуемом разгроме Советского Союза. Начиная с весны 1942 г. губернатор провинции начал инициировать меры, направленные на разрыв дружеских отношений с Советским государством. Результатом таких мер стали негативные последствия для экономики провинции, а так же для дальнейшего развития советско-китайских отношений.

В результате политики Шен Шицая к концу 1943 г. торгово-экономические отношения между СССР и провинцией практически прекратились. Шен Шицай приказал всем советским специалистам покинуть пределы Синьцзяна. В их числе были преподаватели, врачи, технические специалисты и т.д. По всей провинции прокатилась волна массовых арестов тех, кто симпатизировал Советскому Союзу.

Всесторонний анализ событий, проведенный в Советском Союзе, показал, что ухудшение отношений с Синьцзяном привело к сокращению торговых связей Синьцзяна с СССР и стало причинять существенный ущерб советской стороне. В результате советским руководством было принято решение о подготовке и организации на территории провинции повстанческого движения, которое должно было свергнуть власть губернатора Шен Шицая, и привести к руководству правительство лояльно настроенное к СССР.

В небывало трудном экономическом положении в середине 40-х гг. оказались жители северной части провинции Синьцзян. Эти районы в особенности почувствовали на себе прекращение торговли с Советским Союзом. Благосостояние практически всего скотоводческого и земледельческого населения северной части Синьцзяна во многом зависело именно от состояния торгово-экономических отношений с Советским государством. Сложившееся положение вызвало быстрый рост недовольства среди населения этих районов.

Таким образом, фактический разрыв торговых отношений с СССР, стал одним из основных поводов к началу широкого повстанческого движения. Непосредственным же поводом к восстанию послужил указ провинциального правительства о поставке для гоминдановской армии 10 тысяч лошадей [2, с. 53]. Согласно данному указу каждый округ провинции должен был поставлять определенное количество лошадей или вносить денежную сумму в размере 700 синьцзянских юаней за каждую непоставленную лошадь, в то время как реальная же стоимость лошадей была вдвое ниже [3, с. 165]. Основная тяжесть этих поставок ложилась на Иллийский и Тарбагатайский округа, так как они должны были не только поставлять приходившееся на них количество лошадей, но и в обязательном порядке продавать недостающих лошадей другим округам провинции [4, с. 152]. Обременение скотоводов дополнительными поставками, в то время как скотоводческое хозяйство провинции вступило в полосу кризиса и переживало упадок, естественным образом выз-

вало сильнейшее недовольство среди местного населения, и особенно в Илийском, Алтайском и Тарбагатайском округах.

В результате именно в этих в трех округах, в конце 1944 г. началось мощнейшее в истории провинции, национально-освободительное движение коренных народов за свою свободу. Восстание в Кульдже началось в ночь с 7 на 8 ноября 1944 г. [5, с. 242, 245], когда повстанцы, общей численностью около 5 000 человек вступили в ожесточенную схватку с китайскими войсками.

Результатом победы восстания в Кульдже стало создание 15 ноября 1944 г. Восточно-Туркестанской республики (ВТР) временное революционное правительство которой возглавил духовный лидер повстанцев — Алихан-тюре Шакирходжаев.

Сегодня есть убедительные свидетельства того, что восстание коренных народов Синьцзяна в 1944–1945 гг. и создание Восточно-Туркестанской республики было инсценировано советской стороной и пользовалось всесторонней поддержкой со стороны Москвы. Неоднократные заявления китайской стороны о планах отделения или аннексии провинции не находят подтверждения в архивных материалах. Не найдено ни одного правительенного документа, который бы содержал информацию об отделении Синьцзяна от Китая.

14 августа 1945 г. народный комиссар иностранных дел Советского Союза В. М. Молотов подписал с министром иностранных дел Китая Ван Шицзе «Договор о дружбе и сотрудничестве» между СССР и Китаем. В котором говорилось, что Советское правительство не будет вмешиваться во внутренние дела Китайской Республики [6, с. 196].

Такой внешнеполитический шаг коренным образом изменил позицию Советского союза к повстанческому движению в Синьцзяне. Советское руководство настаивало на том, что правительство ВТР вступило в переговоры с делегацией Центрального правительства Китая с целью подписания мирного договора. 5 сентября в докладной записке Берия пишет Сталину о том, что «...после капитуляции Японии центральное правительство имеет все возможности изменить обстановку в свою пользу... НКВД просит указаний о целесообразности дальнейшей поддержки повстанческого движения в Синьцзяне» [7, с. 377, 379].

Руководством Советского Союза было принято решение взять на себя посредничество между повстанцами в Синьцзяне и Центральным правительством Китая, с целью урегулирования возникшего конфликта с условием, что представители ликвидируемой Восточно-Туркестанской Республики войдут в правительство провинции. Результатом переговоров между китайской стороной и представителями ВТР стало подписание в июле 1946 г. соглашения, получившее в исторической литературе название «Соглашение 11 пунктов».

На базе этого соглашения в Синьцзяне было сформировано коалиционное правительство, в которое вошли, помимо китайцев, представители местных национальностей Восточно-Туркестанс-

кой республики. Во главе с председателем Чжан Чжичжуном в начале июля 1946 г. правительство провинции приняло на себя всю полноту исполнительной власти в Синьцзяне.

Период перемирия и переговоров об урегулировании противоречий китайские власти использовали для перегруппировки своих сил в провинции. По условиям «Соглашения 11 пунктов», китайская сторона взяла на себя обязательство сократить численность своей армии в провинции. При всем том, к концу 1946 г. численность гоминдановских вооруженных сил, находящиеся на территории провинции, возросла в пять раз, благодаря тому, что в Синьцзян стали прибывать китайские войска марионеточной армии Маньчжуо-Го. В результате, китайцы располагали стотысячной армией, в то время как, регулярная армия ВТР, в это же время, насчитывала 12000 солдат. Именно столько, сколько было регламентировано «Соглашением 11 пунктов».

Начиная с весны 1947 г. открыто начались репрессии против сторонников соглашения 11 пунктов во всех округах провинции, остававшихся под властью китайцев. Синьцзянские реакционеры, во главе с Сун Силяном и пантюркисты во главе с Масудом, организовали «демонстрации» протеста против «Соглашения 11 пунктов» в Урумчи еще в феврале 1947 г. Эти провокации вынудили представителей ВТР выйти из состава коалиционного правительства. И весной того же года было сформировано новое провинциальное правительство под председательством Масуда Сабри.

Однако Советская сторона, взявшая на себя решающую роль мирного урегулирования противоречий между повстанцами и провинциальным правительством, не захотело иметь никаких дел с последним. Уже в начале весны 1947 г. отношения Советского Союза и провинциального правительства Синьцзяна практически полностью прекратились и советская сторона начала вновь поддерживать сторонников Восточно-Туркестанской Республики.

Таким образом, в период деятельности коалиционного правительства провинции, политика Советского Союза в отношении Синьцзяна практически не изменилась и была направлена на восстановление прежнего влияния СССР в этом регионе, а также поддержку экономики данного региона, с целью ведения с ним постоянных взаимовыгодных торговых отношений. В то же время Советский Союз, активно поддерживал Коммунистическую партию Китая, которая в это время вела борьбу против гоминьдана. Кроме того СССР подготовил на территории провинции своеобразную «тыловую базу» для возможных военных операций на данном направлении.

После установления в 1949 г. в провинции власти компартии Китая, вопрос о какой-либо поддержке повстанческих сил был с повестки дня снят. Судьба Восточно-Туркестанской Республики была трагична. В сложившейся тогда ситуации коренные народы провинции, их лидеры стали заложниками в большой политической игре.

Библиографический список

-
1. Панюшкин, А. С. Записки послы: Китай 1939–1944 гг. — М., 1981. — 309 с.
 2. Бармин, В. А. СССР и Синьцзян 1918–1941 гг. — Барнаул, 1999. — 189 с.

3. Яковлев, А. Г. К вопросу о национально-освободительном движении народов Синьцзяна в 1944–1949 гг. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР. — М., 1955. С. 155–188.
4. Кутлуков, М. Национально-освободительное движение 1944–1949 гг. В Синьцзяне как составная часть народно-демократической революции Китая. — Ташкент, 1963. — 428 с.
5. ГАРФ Ф. Р-9401 с/ч «Особая папка» И.В. Сталина. Оп. 2. Д. 68. Л. 242–245.
6. Советско-китайские отношения 1917–1957. Сборник документов. — М., 1959. — 467 с.
7. ГАРФ Ф. Р-9401 с/ч «Особая папка» И. В. Сталина. Оп. 2. Д. 98. Л. 377–379.

Барнаульская государственная педагогическая академия
Получено 08.02.10.

I. A. Polikarpov

CAUSES OF DEFEAT OF «THREE DISTRICTS' REVOLUTION IN 1944–1949S»

The article is devoted to the causes of the defeat of the most powerful national-liberal movement of autochthons of Sinkiang in 1944–1949s in the field of international relations between the Soviet Union and China.

Sinkiang, «three districts' revolution», Eastern-Turkistan Republic, economic relations

УДК 902

A. B. Попов

ЦЕРКОВНЫЕ БИБЛИОТЕКИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СТРАНАХ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА И США

В статье, на основе опубликованных и архивных материалов, освещена история развития церковных библиотек Русской Православной Церкви в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и США.

Россия, Китай, Япония, США, Австралия, Русская Православная церковь, духовное наследие, церковные библиотеки, духовная миссия, гражданская война, Советское государство

История Русской Православной Церкви (РПЦ) настолько тесно связана с историей России, что их невозможно отделить друг от друга. Именно принятие нашими предками христианской веры в 988 г. дало мощный духовный импульс, благодаря которому на исторической арене появились русский народ и государство. Этим обстоятельством определяется и то значение, которое имеет для российской культуры и истории духовное наследие Русской Православной Церкви.

Известный социолог библиотек Петер Карштедт подчеркивает: «Церковь как учреждение характеризует именно то, что ее простирающаяся в вечность и восходящая к потустороннему ее главе иерархия и организация закрепляет и гарантирует ее безусловную самостоятельность перед лицом бренных во времени индивидов. Именно здесь и возникает основа для возникновения сохраняющих во времени библиотек, которые и формируются в рамках этого огромного объединения во всех его ключевых центрах: в церквях со священными и литургическими книгами, в епископском соборе в виде собрания юридической литературы, а собственно — ученая литература в монастырях. При этом нельзя упускать из виду и другие факторы, которые привели к тому, что в Средние века могли существовать только духовное образование и поэтому — только духовные библиотеки» [1, с. 94].

В полной мере это относится и к истории библиотек в России. Длительное время главными нашими духовными, культурными и научными центрами на являлись православные монастыри.

В те далекие времена светских, а тем более публичных, библиотек вообще не существовало на Руси. Именно поэтому столь велика роль церковных библиотек в истории российской культуры в целом и библиотечного дела, в частности. От монастырских библиотек, появившихся в XI веке, берёт свое начало и история российского библиотечного дела и библиотек на Руси. В дальнейшем видовое разнообразие православных библиотек расширяется. Со временем появляются библиотеки при храмах, епархиальные библиотеки, центральная библиотека РПЦ — Патриаршая (с 1721 г. Синодальная), а также библиотеки духовных учебных заведений (семинарий и академий) [2, с. 91–92]. Видовой состав российских церковных библиотек за пределами нашей страны был — в целом — аналогичен системе, сложившейся в России.

И здесь необходимо пояснить, какой смысл мы вкладываем в понятия «церковная библиотека», «православная библиотека». На наш взгляд, первая это негосударственная конфессиональная библиотека, учредителями которой являются Русская Православная Церковь и её учреждения (епархии, монастыри, учебные заведения, храмы и приходы). Второе понятие, т.е. «православная библиотека» шире, чем первое. Безусловно, все церковные библиотеки являются православными, но не все православные библиотеки могут быть церковными, т.е. имеющими отношение к Церкви и её учреждениям. Библиотеки православной тематики и характера могут быть организованы муниципалитетами, общественными организаци-

ями, частными лицами. Отделы же соответствующей тематики создаются в государственных библиотеках, например, «Отдел религиозной литературы» во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы (ВГБИЛ) создаются [3, с. 81-89]. Но подобные библиотеки не относятся к церковным: ни организационно, ни юридически они не имеют какого-либо отношения к Церкви.

История русских церковных библиотек за рубежом, неразрывно связана с историей РПЦ и имеет свои географические, хронологические и юрисдикционные особенности. Заграничная часть РПЦ существует уже более трёх веков. В Западной Европе русские храмы появились уже в XVII в. С этого времени их число, в связи с расширением дипломатических, династических, торговых и культурных связей России со странами Западной Европы, непрерывно возрастало [4, с. 144]. С конца XVII в. начинается распространение православия в Китае, затем — в Америке. Начало ему здесь положила Русская Православная миссия, начавшая свою деятельность на о. Кадьяк, в 1794 г. В 1847 г. была учреждена первая Русская Духовная миссия в Иерусалиме, в 1869 г. — в Японии, в 1900 г. — в Корее и в 1898 г. — в Урмии (Иран).

Зарождение Православия и Русской Духовной Миссии в Китае связана с историей так называемых «албазинских пленников» т.е. русских казаков, взятых китайцами в плен при осаде крепости Албазин в 1685 г. и уведённых затем в Пекин. В 1715 г. по предложению митрополита Феофила Тобольского и с согласия правителя Поднебесной империи в Пекин была отправлена первая Русская Духовная Миссия в составе 10 человек во главе с архимандритом Иларионом (Лежайским) [5, с. 371].

Библиотека Российской Духовной миссии в Пекине стала первой русской церковной библиотекой за рубежом и крупнейшей в Китае. Начало ей было положено архимандритом Софронием (Грибовским), начальником 8-ой Миссии (1796–1808 гг.) [6, с. 64]. «...По мере данных ей средств, — подчеркивалось в данной ему инструкции, — собирать [тебе] для своей библиотеки книги по приложенному списку» [7, с. 132-133]. Есть основания полагать, что при Миссии существовала не одна библиотека. Свидетельство тому — записи на книгах из собрания Пекинской Духовной миссии, хранящихся в Иркутском государственном университете [8]. Они же свидетельствуют, что уже в конце XVIII в. в Миссии существовало три библиотеки: «Российская и европейская», «Старая русская» и «Казенная ученическая» [9]. Хотя вероятнее всего, что речь идёт о разных отделениях одной библиотеки.

К концу XIX в. библиотека Российской Духовной миссии насчитывала несколько тысяч томов. В ней имелись книги не только на русском, но и на европейских и восточных языках. Наиболее полно были представлены богослужебные и научные труды членов Миссии. Но подлинными сокровищами являлись книги по китаеведению и географии [6, с. 64]. Следует отметить, что Рос-

сийская Духовная Миссия, несмотря на более чем скромную миссионерскую работу, сыграла исключительную роль в развитии отношений между Россией и Китаем. Научные труды её членов не только заложили основы отечественной синологии, но и внесли большой вклад в развитие европейской науки, открыв фактически миру доселе неведомый ему Китай. Первостепенную роль этом плане сыграли ныне всемирно известные, фундаментальные труды и переводы о. Иоакинфа (Бичурина), архимандрита Палладия (Кафарова) и многих других членов Российской Духовной Миссии в Китае, потерявшие своего научного значения и по сей день [10, с. 76-78]. В первую очередь это относится к фундаментальным трудам о. Иоакинфа, в числе которых значатся «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», «Записки о Монголии», «Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнейшем его состоянии» и др. [11, с. 165-196]. Блистательны и его переводы с китайского языка («Описания Тибета в его нынешнем состоянии», «Описания Пекина» и др.) [12, с. 39-45]. Члены Миссии обогатили не только российскую и китайскую науку, но и европейскую научную мысль в целом. Они внесли свой вклад в филологию, в изучение древних восточных языков и в другие области науки, особенно в медицину и астрономию [13, с. 90].

Более 40 лет хранились в библиотеке Российской Духовной Миссии книги из богатого собрания католической миссии. В 1826 г. при императоре Дао-Гуане (1821–1856 гг.) все католики были выселены из Пекина. К счастью, эта участь миновала Российской Духовной миссии, так как она не вмешивалась в политические дела. Уезжая, члены католической миссии передали на хранение россиянам обширную свою библиотеку миссии. В начале 60-х гг. XIX в. она была возвращена французским миссионерам.

Переломным моментом в истории Миссии и её библиотеки стало восстание ихэтуаней, имевшее антихристианскую направленность. Тогда, в 1900 г., была разгромлена Русская миссия, уничтожены её архив и библиотека. Уцелели лишь те, немногие книги, которые были вывезены в посольский квартал [14, с. 21-22]. Впоследствии библиотека была все же восстановлена, но уже не в прежнем объеме. В 1915 г. в ней имелось только 3500 томов [15, с. 42]. «После восстания, вспоминал в свое время В. Вырыпаев, — энергичный и преосвященнейший начальник Миссии, проживший в Пекине более 30 лет, считавшийся среди европейцев лучшим китаеведом, Митрополит Иннокентий, имея материальную возможность, в течение всей своей жизни энергично собирая и скупая редчайшие книги. К концу его жизни (умер в 1931 г.) Миссия имела более 4 тысяч ценных книг. Для хранения их Митрополит построил специальное двухэтажное здание на территории Миссии. Нижний этаж здания предназначался для хранения бумаг. В верхнем этаже имелось 4 вместительных зала. Половину этажа занимал зал для публики. Здесь же происходили торжественные заседания. Посреди зала стояли длинные столы, а вдоль стен — большие, удобные шкафы с пол-

ками для книг. В этаже шкафа были книги по истории церкви и толкованию священного писания на русском, славянском, греческом и китайском языках. Книги по истории имелись на русском и французском языках. В самых больших шкафах размещались книги личной библиотеки Митрополита Иннокентия. Среди его книг были уникумы на разных языках. Немало в библиотеке было и личных трудов самого Митрополита, главным образом, переводов с греческого, китайского и других языков. Много книг священного писания было переведено Митрополитом на китайский язык для миссионерской деятельности. В специальных шкафах были собраны книги по востоковедению. Был отдельный шкаф для исторических монографий, естественно научных книг, справочников и разных словарей, включая и санскритский. Для новейшей литературы были отведены особые шкафы. Другая половина этажа была разделена на три зала, меньших по размеру. В крайнем восточном — находились отделы: богословский, истории церкви, философии, аскетики, жития святых, творения Феофана Затворника и др. На длинных полках — кипы всевозможных журналов: исторические, духовные, географические, научные и другие» [16, с. 63].

В Китае существовали и другие виды православных библиотек — библиотеки при православных церквях и приходах, но развития они не получили и существовали далеко не при всех храмах.

Революция 1917 г. и последующее поражение белых армий в гражданской войне существенно изменили ситуацию в Китае: они породили новое явление, в его жизни, которое принято называть «Русским зарубежьем» (в данном случае — его дальневосточную ветвь — А. П.). Профессор П. Е. Ковалевский отмечал в свое время, что «революция 1917 года явилась трагедией для русской культуры, так как она уничтожила в России все то, что накапливалось в течение веков — культурный класс и духовные и культурные ценности, — но она не ошила духа русского народа, который сохранил в глубине своего сознания православные устои. Революция вызвала добровольный отъезд из России значительной части русских культурных сил, которые, продолжая и развивая то дело, которое они вели на родине, разнесли русскую культуру по всему миру» [17, с. 24]. В этот период в Китай хлынул поток русских беженцев, но церковное управление здесь было нарушено, так как связь с церковным центром в Москве прервалась на долгие годы. После окончания гражданской войны значительно выросло русское население в Маньчжурии и в Китае в целом. Русскую колонию, состоявшую до революции в основном из людей так или иначе связанных с КВЖД, пополнили теперь многочисленные гражданские беженцы, а также солдаты и офицеры белогвардейских частей, вынужденных отступить в Китай [18, с. 151]. Как докладывал в своем рапорте архиепископу Харбинскому и Маньчжурскому Мефодию главный священник Земской Рати, протоиерей Леонид Викторов, огромный поток беженцев из России в Китай объясняется «естественному тяготением к Харбину, как

единственной Епархии, свободной от большевистского засилья и растлевающего влияния »живой церкви» [19, л. 1-10].

Отныне на территории Китая появились и начали свою деятельность две новые епархии: Пекинская и Китайская; Харбинская [20, с. 150-154]. Появилось и новое крупное книжное церковное собрание — Харбинская епархиальная библиотека (библиотека Харбинской епархии). Среди ее документов, хранящихся ныне в Государственной архиве Российской Федерации (ГАРФ), сохранился отчет о деятельности Харбинской епархиальной библиотеки [21, л. 48-50]. В Пекинской и Китайской епархии библиотеки не было. Её обслуживание взяла на себя библиотека Пекинской Духовной Миссии.

Крупная библиотека существовала при Казанско-Богородицком мужском монастыре в Новом Модягоу (Харбин). При нем функционировали также типография и переплетная мастерская [22, л. 87]. Небольшая библиотека имелась при женской обители (во имя Владимирской Божьей матери — А. П.) в Харбине.

После прибытия новых беженцев, строительство православных храмов и образование приходов в Китае усилилось. Согласно документам Харбинской епархии, только в её ведении в 1928 г. находились 41 церковь и 2 монастыря [21, л. 41-46]. Об активизации строительства церквей в Китае свидетельствуют и исследования профессора Н.П. Крадина. По его данным, к 1944 г. в пределах только Харбинской епархии насчитывалось более 60 храмов, что говорит о более чем троекратном их увеличении с момента окончания гражданской войны [23, с. 88]. Однако число библиотек при храмах было незначительным. Редко упоминались они и в епархиальных отчетах. Так, в отчете Харбинского епархиального управления за 1932 г. есть упоминание о библиотеке при Софийской церкви в Харбине, в которой имеется 250 томов, а также о библиотеке при приютешколе «Русский дом» в Славянском городке (Харбин). Существовала также православная библиотека при Покровском храме и Братстве Православной церкви в Тяньцзине, основанная иеромонахом Виктором (Святыним) в 1921 г.

В Китае, как известно, не было высших учебных заведений Православной церкви. Существовал только Богословский факультет при Институте имени Св. Князя Владимира, который был создан на базе существовавших с 1928 г. пастырско-богословских курсов и открыт в 1934 г. При факультете имелась библиотека, книжный фонд которой всецело соответствовал читаемым дисциплинам: 1) Священное Писание Ветхого Завета; 2) Священное Писание Нового Завета; 3) Догматическое и нравственное Богословие; 4) История западных исповеданий; 5) Патрология; 6) Пастырское богословие; 7) Основное богословие; 8) Церковная археология; 9) Логика, Психология, Философия; 10) Педагогика; 11) Церковно-славянский язык; 12) Церковная история, общая и русская; 13) Каноническое право; 14) История религий; 15) Литургика; 16) Библейская история, Археология и Греческий язык.

Поворотным в судьбе русской диаспоры в Китае стал 1945 г. Изгнание советской армией японцев из Маньчжурии, образование КНР привело к массовому отъезду русских из Китая. Часть из них уехала в Австралию и США, другая — в СССР. Покинули Китай и многие иерархи, и священники. В 1956 г. все недвижимое имущество РПЦ в Китае было безвозмездно передано властям КНР. Территория Российской Духовной миссии в Пекине (со всеми постройками) была передана советскому посольству. Первым делом новые хозяева разрушили Успенский храм. В 1957 г. была сожжена часть библиотеки миссии, а оставшиеся книги была включены в состав библиотеки посольства [14, с. 26]. На такой печальной ноте закончилась почти 300-летняя история Русской Православной Церкви и Православия в Китае. Прекратили тогда же свое существование и православные библиотеки.

Не менее печальная судьба ждала другую библиотеку — Библиотеку Российской Духовной миссии в Японии. Православие проникло сюда после подписания в июле 1858 г. договора об установлении дипломатических отношений между Россией и Японией. Первым консулом России в Японии стал И. А. Гошкевич, автор первого японско-русского словаря. По его инициативе и на его средства в 1859 г. была построена православная церковь Воскресения Христова при Российском консульстве в Хакодате (на острове Хоккайдо — А. П.). Первым священником Воскресенской церкви стал протоиерей Василий Махов. Он проводил службы для православных сотрудников консульства. В 1861 г. о. Василия, уехавшего в связи с болезнью на родину, сменил о. Николай (Касаткин), будущий архиепископ, прославленный РПЦ в лице Святых в 1970 г. [24, с. 181-199].

Начало библиотеки было положено покупкой о. Николаем всех книг из закрывшегося в Токио книжного магазина. В 1880 г. директор Румянцевского музея В. А. Дацков пожертвовал Миссии (по просьбе Владыки Николая — А. П.) дубликаты книг из библиотеки музея. В 1882 г. Владыка Николай составил каталог библиотеки. В соответствии с ним, в ней имелось 6380 книг, в т.ч., по богословскому отделу — 2503 книги, по научному — 2056, по иностранному отделу — 1821 книга. В 1899 г. для библиотеки было построено специальное трехэтажное здание. До этого же она располагалась в Воскресенском соборе, в помещении под колокольней. О приоритетах в комплектовании библиотеки можно судить по письму Владыки Николая. «Что касается вопроса, какого рода книг желательны для здешней библиотеки, — писал он протоиерею Николаю Благоразумову, — то, конечно, прежде всего, по религиозным вопросам, начиная со св. Писания, св. отцов, догматики и далее, а затем по светским наукам, начиная с естественных религий, философии, и далее и притом, если можно, не на одном русском, а и на других языках, особенно на английском» [25, с. 72-73]. Как видим, Владыка уделял большое внимание библиотеке. Он лично заносил каждую новую книгу в каталог, часто сам делал переплет, в назначение время

сам выдавал и принимал книги, делая соответствующие отметки об этом в регистрационном журнале. Словом, при жизни архиепископа Николая библиотека содержалась в идеальном порядке. Такой же порядок поддерживался и после его смерти (он умер в 1912 г. — А. П.). Однако землетрясение 1923 г. не пощадило ее: во время возникшего пожара погибла большая часть книг — 11 тыс. томов и весь архив Миссии. В 1925 г. библиотека была отремонтирована. Её фонд насчитывал почти 3 тыс. томов. Церковные библиотеки имелись в Японии при созданной в 1875 г. Духовной семинарии и двух женских духовных школах.

Много бед принесла Японской Православной Церкви вторая мировая война. Многие храмы были разрушены, прекратилась ее связь с Московским Патриархатом. После принятия в 1939 г. «Закона о религиозных организациях» Японская Церковь была зарегистрирована в 1941 г. в министерстве просвещения в качестве юридического лица как отдельная конфессия под названием «Религиозная организация Японская Православная Церковь Христова». Однако, в соответствии с новым законом иностранцам запрещалось стоять во главе религиозной общины. Поэтому преемник архиепископа Николая и глава Японской Церкви митрополит Сергий (Тихомиров) был отстранен от руководства Церковью [26, с. 159-163]. В ноябре 1946 г. Московская Патриархия направила в Японию двух епископов, однако штаб американских оккупационных войск отказался впустить их в Японию. Под нападком оккупационных властей, в Токио был создан Внеочередной Собор Японской Православной Церкви, на котором было принято решение о временном подчинении японских православных приходов Русской Православной Церкви в Америке (Американской митрополии — А. П.). С этого времени (и в течение 25 лет — А. П.) во главе Японской Православной Церкви стояли, сменяя друг друга, американские архиереи. В эти же годы почти вся библиотека Миссии была вывезена в Америку. В настоящее время в Библиотеке, от некогда ее очень богатого собрания, осталось всего 400 книг богословского содержания.

История же Православия на Американском континенте ведет свое начало с Духовной Миссии, прибывшей на остров Кадьяк в 1794 г. Появившаяся здесь Русская Духовная Миссия сыграла огромную роль в распространении Православия в Северной Америке. Однако судьба её членов сложилась трагически. В 1796 г. мученическую смерть от рук индейцев принял иеромонах Ювеналий. В 1799 г. погибли (при кораблекрушении) глава миссии архимандрит Иоасаф,озвезденный в сан епископа, и иеромонахи Стефан, Макарий. На протяжении последующих 40 лет нового епископа не назначали. Миссионерская работа осуществлялась оставшимися монахами (иеромонахом Афанасием, иеродиаконом Нектарием и монахом Германом), т.е. теми, кто прибыл сюда вместе с архимандритом Иоасафом. Особым почетом и уважением у алеутских индейцев пользовался о. Герман, которого они еще при жизни

чили как святого. Став на некоторое время руководителем Миссии, он отказался от священства и продолжал служить простым монахом. Закончил же он свою жизнь отшельником на о. Еловом, возле Кадьяка, прозванном «Новым Валаамом». В августе 1970 г. он был канонизирован как преподобный Герман Аляскинский и стал первым американским святым в православном календаре.

К 1850 г. в Русской Америке уже имелось 9 православных церквей, 37 часовен, 9 священников, 2 дьякона и до 15000 человек паствы. Всего же в Камчатской, Курильской и Алеутской епархии, согласно отчету Владыки Иннокентия, насчитывалось 24 храма, 37 часовен и молитвенных домов, в которых служили 29 священников, 5 диаконов [27, с. 48]. После продажи Аляски Америке в 1867 г. РПЦ сохранила право продолжать здесь свою деятельность, а также права на имеющиеся здесь храмы и другие постройки. В договоре о продаже Аляски, в частности, говорилось: «...Согласно соглашению, церкви, которые выстроены на уступаемой Русским Правительством территории, остаются собственностью тех членов Греко-Восточной Церкви, живущих на территории, которые могут совершать богослужения в них...». По решению Синода Аляскинская епархия должна была ежегодно получать 1% от суммы, вырученной от продажи Аляски, т.е. 72000 долларов. Эти деньги и стали финансовой базой существования РПЦ в Америке. После 1867 г. РПЦ в Америке находилась на территории другого государства, что во многом и определило её дальнейшую историю. Словом, вышеуказанным актом и закончился начальный период в истории Православной Церкви в Америке. К 1918 г. в Америке имелась 271 русская церковь и 61 часовня, в которых служили 257 священников [28, л. 182]. В настоящее время Американская Православная Церковь — это 16 епархий, более 500 приходов и около миллиона человек паствы [29, л. 123]. Православная Церковь в Америке, многие монастыри имеют свои библиотеки. В числе таковых четыре мужских (Свято-Тихоновский, Святого мученика Евгения, Свято-Воскресенский, Свято-Вознесенский) и два женских монастыря (Свято-Успенский и Свято-Мариинский), в которых функционируют учебные заведения. Так, в первом работает Свято-Тихоновская богословская семинария. Она была открыта 24 октября 1938 г. в Саут-Канаане, как пастырская школа. Позднее (в 1942 г. — А. П.) она была преобразована в семинарию. В 1967 г. последняя получила официальный статус богословской школы, а в 1975 г. — формально — соединена с Meguwood College (г. Скрантон, штат Пенсильвания — А. П.). С 1988 г. семинария имеет право присваивать степень магистра богословия (M. Div.).

Библиотека при семинарии была открыта в августе 1939 г. Её базу составили книги, подаренные ей митрополитом Феофилом (Пашковским), архиепископом Арсением (Чаговцом), епископом Леонтием (Туркевичем). Позднее библиотека пополнилась личными книжными собраниями епископа Иоанна, протоиерея Влади-

мира Боричевского и др. В дальнейшем библиотека значительно расширилась. Большую роль в её становлении сыграл протоиерей Василий Мартинсон, составивший первый ее каталог (более чем на 10 тыс. книг — А. П.). Нельзя не отметить и роль священника Павла Лутова (работал в Библиотеке Конгресса и сделавший немало копий с редких богословских книг — А. П.) в развитии библиотеки. После его смерти, личная библиотека о. Павла стала достоянием библиотеки семинарии [30, с. 96]. В настоящее время в ее фонде имеется более 50 тыс. томов, из которых 36 тыс. — это книги, а остальное — собрание периодических изданий (более 200 наименований — А. П.). Хронологические рамки книжного собрания библиотеки охватывают начало XVII в. и заканчиваются сегодняшним днем. Книги на славянских языках представлены более чем 12 тыс. монографий. Основная тематика библиотеки — это литература по истории Православной Церкви и богословию с преобладанием работ на восточноевропейских и русском языках. Библиотека семинарии является действительным членом Американской Теологической Ассоциации библиотек. По мнению американских библиографов, ее собрание является собой весьма ценный ресурс для исследователей любых рангов.

Среди библиотек Американской Православной Церкви, нельзя не отметить как крупный библиотечный центр мирового значения в области богословия и истории и библиотеку Церкви Свято-Владимирской Духовной семинарии в Крествуде (штат Нью-Йорк) [31, с. 40-44]. Это учебное заведение было открыто в 1938 г. В нем работали многие выдающиеся ученые и богословы, в частности, протоиереи Иоанн Мейendorf, Георгий Флоровский, Фома Хопко, Александр Шмеман, Николай Арсеньев, Георгий Федотов и др. В числе выпускников семинарии — 30 епископов и более 700 священников, а также большое число мирян, ярко проявивших себя в академической науке США и других стран. В 1970 гг. Свято-Владимирская семинария была официально признана высшим учебным заведением США, присваивающим своим выпускникам ученые степени кандидата и магистра богословия. Семинария располагает библиотекой, считающейся самой богатой библиотекой по истории Православия на Северо-Американском континенте. В настоящее время в ней хранится более 120 тыс. томов, в т.ч. более 350 наименований периодических изданий из Европы, США, Южной Америки (особенно из Буэнос-Айреса и Сан-Пауло). В библиотеке находятся и подаренные семинарии личные библиотеки Пауля Андерсона, Николая Арсеньева, прот. Иоанна Мейendorфа, прот. Александра Шмемана, прот. Георгия Флоровского и др. Хронологические рамки ее книжного собрания охватывают период с конца XVI в. и до наших дней. Самое старое издание — Острожская библия 1581 г. Читальный зал библиотеки имеет в открытом доступе основные библиографические и реферативные издания, он оснащен компьютерной техникой и аппаратами для просмотра микрофильмов. В читальном зале имеются карточные ката-

логи на издания до 1985 г. (систематический, авторский, предметный и топографический). Издания после 1985 г. доступны в электронном виде. Более 25% изданий — на русском и других славянских языках, 25% — на английском, 25% изданий — на немецком и французском языках, имеется также литература на испанском, итальянском и других языках [32, с. 222]. Основная тематика библиотечного фонда — история Православия и Православной Церкви в Восточной Европе и Америке, православное богословие. Современные приоритеты комплектования направлены на собирания литературы по истории Православия, особенно на Американском континенте [33, с. 139-140].

Одной из важных форм работы Американской Православной церкви является создание православных библиотек при церквях. Как правило, здесь библиотеки работают по воскресеньям. Их комплектование осуществляется за счет средств прихода. Кроме книг, в библиотеках хранятся видео и аудиоматериалы по православной тематике. Услугами этих библиотек пользуются не только прихожане, но и все интересующиеся Православием и его историей. Одной из задач библиотек является информационное обеспечение написания истории прихода и церкви. Большое внимание архив Американской Православной Церкви уделяет устной истории. Запись и хранение интервью поставлены на научную основу. Для этого, существуют специальные методические пособия, подробно описывающие цели и задачи устной истории, методику работы. В частности, в них подчеркивается, что история человечества заполнена письменными источниками (законодательные акты, воспоминания, летописи и т.д.), которые дают мало сведений о повседневной жизни человека. Люди редко пишут книги о повседневной жизни. Многое в истории Православия никогда не будет зафиксировано в письменной форме. В связи с этим, огромное значение приобретает устная история, в особенности для сохранения истории Православия и Православной Церкви. Устная история поможет будущим поколениям увидеть события нашими глазами, почувствовать их «дух эпохи, ее цвет и фон». Она, по мнению создателей, должна сыграть положительную роль в установлении связи между поколениями, поскольку, подростки, как правило, берут интервью у своих бабушек и дедушек. В методических пособиях обращается внимание на важность восстановления истории прихода: как он начинался, какие были в нем священники и др. В памятках для репортёров подчеркивается, что они должны становиться между человеком и его историей, не пытаться оказывать какое-либо — даже косвенное — на него давление. Все записанные интервью должны передаваться в библиотеку местной церкви, а копии кассет пересыпаться в библиотеку семинарии Св. Владимира. Такое чуткое, на наш взгляд, отношение к истории может служить хорошим примером и для нас [34, с. 42-45].

Книги из бывших церковных библиотек отложились в Америке не только в церковных кни-

гохранилищах Православной Церкви. Значительная их часть разными путями попала в американские светские библиотеки. Среди таковых, естественно, выделяется библиотека Конгресса США, куда в 1928 г. и 1940 г. Американская Православная Церковь передала значительную часть своего архива, включая и книжные собрания. «Эти книги и документы, бес преувеличения, составляют подлинное научное сокровище. Жизнь Сибири, Аляски, Калифорнии, как в зеркале отражена в них» [35, с. 80]. Еще одной крупной зарубежной частью некогда единой РПЦ была и по сей день остается Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ). Возникла она, как известно, более 80 лет назад и задумывалась как временная церковная организация русских беженцев. Долгое время РПЦЗ жила непризнанной ни одной из Православных церквей. За время своего существования она пережила крушение Советского Союза, коммунистического режима и живет сегодня. Без преувеличения, РПЦЗ сыграла немалую роль в сохранении русского православия вне России. Ее миссия в инославном окружении, вне сомнения, имеет особый характер: РПЦЗ длительное время хранила в нем истинно православную традицию и дух в неприкословенности. Именно благодаря ей, русские люди остались в изгнании истинно русскими людьми. В настоящее время это видится особенно важным, ведь в Советской России провозглашалась и проводилась политика уничтожения Православия и русской культуры [36, с. 162-185].

Крупнейшим центром собирания и хранения российского культурного наследия в США, в т.ч. и книжного, стал Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле (штат Нью-Йорк), основанный в 1930 г. [37, с. 96]. С первых дней его основания в нем начала функционировать библиотека. В 1948 г. при монастыре стала работать Свято-Троицкая Духовная семинария [38, с. 3]. В 1966 г. она получила официальную государственную аккредитацию и право выдачи дипломов бакалавров богословия. Сразу же после открытия в семинарии заработала библиотека. Таким образом, в Джорданвилле с давних пор развернули свою работу две библиотеки — монастырская и семинарская, которые функционируют по сей день. Первая славится, прежде всего, дореволюционным собранием книг житийного жанра, богословской и исторической литературой дореволюционных издательств, начиная с XVII в., а также собранием редкой богословской и духовной периодики XIX в. [39, с. 312]. До настоящего времени монастырская библиотека не имела научно-справочного аппарата и не была публичной, т.е. в нее не имели доступа посторонние лица. Книжное собрание библиотеки семинарии дополняет собрание монастырской библиотеки. В первую очередь она богата собранием редких эмигрантских книг и периодических изданий межвоенного периода. Комплектование обеих библиотек осуществлялось, главным образом, путем пожертвований от частных лиц и эмигрантских организаций [40, с. 158-173]. Библиотека семинарии пополнялась и по сей день пополняется, как правило, за счет без-

воздмездной передачи ей профессорами и преподавателями своих личных библиотек [36, с. 162-185]. Первый крупный вклад поступил в этом плане от Елены Александровой (жены первого декана семинарии, Н.Н. Александрова — А. П.) и от архиепископа Аверкия (Таушева) (ректора семинарии в 1952–1976 гг. — А. П.). Активную помощь библиотеке в деле комплектования ее изданиями на английском языке оказывала государственная библиотека г. Олбани (штат Нью-Йорк — А. П.). К 1953 г. в ней имелось уже более 7 тыс. книг, в т.ч. 4000 — на русском и 3000 — на английском языке. В отчете о библиотеке, представленном в Музей русской культуры в Сан-Франциско в 1953 г., сообщалось, что «как среди русских, так и английских книг имеются антикварные уникумы, составляющие предмет интереса посетителей. Русский отдел имеет в своем составе в числе прочих других, следующие ценные книги: Энциклопедический Словарь Брокгауза, Полные собрания сочинений: Св. Димитрия Ростовского, Хомякова, еп. Феофана (Затворника), Св. Митрофана Воронежского, Добролюбие, еп. Игнатия (Брянчанинова), Св. Иоанна Златоуста, Вл. Соловьевы, Четыни-Минеи и т.д. В последнее время в библиотеку начали поступать пожертвованные книги. Бесплатному пополнению английскими книгами много содействовала государственная библиотека штата Нью-Йорк в Олбани. Но покупать книги монастырь, к сожалению, не может, ввиду отсутствия у него денежных средств. По этой причине часто приходится упускать появляющиеся у книготорговцев ценные богословские и другие научные книги...» [41, с. 57-58].

В настоящее время, в целях создания единой информационной базы, описано 70% книг двух библиотек, находящихся в Джорданвилле, начата также и электронная каталогизация редкой периодики. Более трети карточного каталога семинарской библиотеки с полной транслитерацией доступно в Интернете (<http://www.library.hds.edu/GLASOPAC>). Это в первую очередь касается редкой книги. Сравнительный анализ электронной каталогизации показал (она еще не завершена — А. П.), что 1629 книг и 52 наименования периодических изданий имеются только в библиотеке семинарии и нигде больше [39, с. 313].

Была, правда, весьма немногочисленная, русская эмиграция и в Австралии. В силу этого, она не смогла создать крупных церковных библиотек. Последние имели здесь небольшие книжные собрания и существовали далеко не всегда при храмах и приходах. Первая церковная библиотека была организована группой русских беженцев из Китая, которая основала первый русский православный приход в городе Брисбене. В 1926 г. его русская община купила участок земли с небольшим домом, который был переоборудован потом под церковь (она находилась в одной из комнат — А. П.), в помещениях рядом с нею располагались кухня, зал-столовая и библиотека [42, с. 6]. Основой ее книжного фонда послужила личная библиотека прибывшего из Ханькоу священника Андрина Турчинского. В основном это были книги, вывезенные из Китая. Другим дарителем

книг библиотеке Свято-Николаевской Церкви был известный в русском зарубежье регент Алексей Алексеевич Михайлов [43, с. 31-36]. В 1929 г. он переехал из Китая в Брисбен. Известно, что, еще находясь в Китае, он высыпал в на новое место жительства ноты и книги [14, с. 94]. К 1930 г. в библиотеке Свято-Николаевского храма насчитывалось уже около 400 книг. Последняя пользовалась вниманием прихожан. Об этом свидетельствует следующий факт. Когда в 1929 г. встал вопрос о постройке постоянного каменного храма, то в его проекте было предусмотрено помещение для библиотеки (на первом этаже здания — А. П.). Об этом сообщил в 1929 г. своим читателям журнал «Чужбина». «Проект постройки нового здания» гласила его публикация, сделан «с таким расчетом, чтобы первый этаж здания вмещал в себя зал и библиотеку» [44, с. 1].

Были на этот счет публикации и в других изданиях. Та, журнал «Австралиада. Русская летопись» опубликовал в свое время воспоминания основателя и заведующего библиотекой при Свято-Петропавловском соборе в Сиднее Юрия Михайловича Доманского [45, с. 13-14]. В них указывалось, что библиотека при соборе в Сиднее была организована в 1964 г. Первыми поступлениями в ее фонд стали книги из его личной библиотеки. Последующим пополнением ее собраний стала личная библиотека беженца из Харбина А. П. Ткаченко (она была приобретена у его вдовы — А. П.). Приобретались книги для библиотеки и за границей. Так, в Буэнос-Айресе была приобретена личная библиотека Рослянского. Воспоминания Ю. М. Доманского раскрывают и принципы комплектования церковных библиотек. «Библиотека, — писал он, — должна собирать материалы интересные не только читателю, ищущему развлечения в чтении, но и читателя, интересующегося Россией, ее историей, языком, литературой, описанием страны, историей экономики страны, жителями государства Российской... Первые наши читатели и были как раз такие люди, которым и была нужна такая библиотека. Это были члены тогдашних русских общественных организаций начавших свое существование еще в дореволюционной России, в Европе, Харбине и Шанхае». На книги библиотеки автор воспоминаний составил свой каталог. Других каталогов — из-за отсутствия сотрудников и времени для такой работы — не было. Книги, пришедшие в негодность, реставрировались и переплетались самим Доманским дома, где он оборудовал переплетную мастерскую. Свои воспоминания автор заканчивал такими словами: «Нужна хорошая большая библиотека, богатая материалами, с опытными, знающими дело библиотекарями. Библиотека нужна, как своего рода музей книг. Многие книги являются библиографической редкостью — дореволюционные издания, лагерные издания в беженских Ди-Пи лагерях после 2-й Мировой Войны. Церковь, как единственная организация, следящая за нуждами всех российских эмигрантов и уже создавшая библиотеки, должна их развивать и увеличивать для всеобщей пользы» [45, с. 14]. Церковные библиотеки существовали

в Австралии и при других русских храмах и приходах. В настоящее время в Австралии и Новой Зеландии имеется 21 русская церковь, 2 мужских монастыря. Можно предположить, что при них также существуют библиотеки.

Представленные в настоящем обзоре библиотеки, естественно, не исчерпывают всех зарубежных церковных библиотек, принадлежащих различным православным юрисдикциям. Не были, кстати, нами рассмотрены библиотеки Архиепископии приходов русской православной традиции в Западной Европе, русские собрания Польской, Финской, Эстонской и других православных церквей, отделившихся в разные годы (по разным причинам — А. П.) от некогда единой РПЦ. Однако это тема уже другого исследования.

Подводя же итого вышесказанному здесь, можно подчеркнуть, что церковные библиотеки прошли в своем развитии долгий и сложный путь. В начале они располагали небольшими собраниями книг, необходимых для совершения богослужения. В дальнейшем многие из них перерастают в ученые библиотеки при монастырях, крупные библиотеки епископов и Духовных миссий. Появление духовных учебных заведений повлекло за собой и новый виток в развитии библиотек, призванных обеспечить учебный процесс. В связи с этим, расширяется тематика книжных собраний церковных библиотек, в которых все большее место начинает занимать литература по истории, философии и другим отраслям знаний.

Особую роль играли церковные библиотеки за рубежом. Как и сама Церковь, они помогали эмигрантам сохранить связь с далекой, а для их по-

Библиографический список

1. Карштедт П. Историческая социология библиотек // Новое литературное обозрение. 2005. № 4 (74).
2. Фунтикова С. П. Православные библиотеки: прошлое и настоящее. Учебное пособие. Издание 2-е, доп. и перераб. — М.: МГУКИ, 2002.
3. Попов А. В. Зарубежная церковная периодика в библиотеках Москвы // Библиография. Научный журнал. 2004. № 4.
4. Русская Православная Церковь. Устройство, положение, деятельность. — М.: Моск. Патриархия, 1958.
5. Русак В. С. История Российской Церкви от основания до наших дней. — Джорданвиль, .
6. Кузнецова Т. В. Русская книга в Китае (1917–1949). — Хабаровск, 2003.
7. Кармановская И. Л. О библиотеке Российской Духовной миссии в Пекине // 21-я научная конференция «Общество и государство в Китае»: Тезисы докладов. Ч. 2. — М., 1990.
8. Книги из библиотеки Российской Духовной Миссии, хранящиеся сейчас в Иркутске, были подарены Иркутской духовной семинарии, начальником 10-й Миссии, архимандритом Петром Каменским.
9. Книги и рукописи Китайских миссий в Научной библиотеке при Иркутском гос. Университете им. А. А. Жданова. — Иркутск: Иркутское областное издательство, 1948. — С. 5–6 (Труды Научной библиотеки при Иркутском гос. Университете им. А. А. Жданов. Вып. 9).
10. Андреевская С. И. Описание хунну Н. Я. Бичуриным в работе «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнее время» // Научно-практическая конференция, посвященная 5-летию Бурятского государственного университета. — Улан-Удэ, 2001.
11. Тихвинский С. Л., Пескова Г. Н. Выдающийся русский китаевед о. Иакинф (Бичурин). К 220-летию со дня рождения // История Российской Духовной Миссии в Китае. Сборник статей. — М.: Издательство Свято-Владимирского Братства, 1997.
12. Андреевская С. И. К вопросу о деятельности Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа) — на посту главы IX Российской духовной миссии (1807–1821 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. Серия 4. История. — Улан-Удэ, 2002
13. Петров В. П. Российская Духовная Миссия в Китае. — Вашингтон: Издание Русского книжного дела в США, 1968.
14. Букреев А. И. Книга «восточной ветви» русской эмиграции: вторая половина XX в. — Хабаровск: ДГНБ, 2003.
15. Поздняев Дионисий, священник. Православие в Китае (1990–1997). — М.: Изд. Свято-Владимирского Братства, 1998.
16. Вырыпаев В. Книгохранилище бывшей Русской Миссии в Пекине // Хранилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. — Сан-Франциско.: Музей Русской Культуры в Сан-Франциско, 1966.
17. Ковалевский П. Е. Революция. Русское рассеяние и культурное завоевание мира // Общество «Икона в Париже» Сост. Г. И. Вздорнов, З. Е. Залесская, О. В. Лекрова. Т. 2. — М.: Прогресс-Традиция, 2002.
18. Попов А. В. Из истории Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке (Китае, Корее и Японии) // Христианство на Дальнем Востоке. Материалы международной научной конференции. — Владивосток: ДВГУ, 2000.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф.-Р 6343, Оп. 1, д. 235.

20. Попов А. В. Российское православное зарубежье: История и источники. С приложением систематической библиографии. — М.: Институт политического и военного анализа, 2005.
21. ГА РФ. Ф. Р-6343, Оп. 1. д. 236.
22. Там же. Ф. Р-6343, Оп. 1, д. 243.
23. Крадин Н. П. Харбин — русская Атлантида. — Хабаровск.: Изд. Хворов А. Ю. 2001.
24. Георгий (Тертышников), архимандрит. Миссионерский подвиг святого равноапостольного Николая в Японии // Альфа и Омега. 1998. № 3 (17).
25. Саблина Э.Б. 150 лет православия в Японии: История Японской Православной Церкви и её основатель Святитель Николай. — М.; СПб.: АИРО XXI; Дмитрий Буландин, 2006.
26. Поздняев Д., священник. Митрополит Токийский Сергий // Церковь и Время. 1999. №1 (8).
27. Филиновский И., священник. Держись мира и сотвори любовь: Очерки из истории русского православного миссионерства XIXXX веков. — М.: Православная педагогика, 2002.
28. ГА РФ. Ф. 6991, Оп. 8, д. 66.
29. Там же. Ф. 6991, Оп. 6, д. 3565.
30. Солдатова Н. В. Отражение. История православия в Америке в истории Свято-Тихоновской семинарии. — М.: Отдел религиозного образования и катехизации РПЦ, 2006.
31. Edvard Kasines. Bibliographical Census: Russian Empire Theologians and Philosophers in the Seminary Library Collection // St Vladimir's Theological Quarterly. 1972. N. 16.
32. Robert Whittaker. Two New York Collections for the Study of Eastern Christianity // St Vladimir's Theological Quarterly. 1990. N. 34 (2-3).
33. Fr. John Meyendorff. The Library // St Vladimir's Theological Quarterly. 1975. N. 19.
34. Попов А. В. Архивные собрания Православной церкви в Америке: история и современность // Отечественные архивы. 2003. № 6.
35. Августин (Никитин), архимандрит. Церковные архивы Русской Америки // Россия и США. Обзор церковных связей / Под общей редакцией Г. М. Солдатова. Часть 2, 1991. — Миннеаполис: AARDMPRESS.
36. Попов А.В. Русская Православная Церковь за границей: образование и раскол (1920-1934) // Новый исторический вестник. — М: РГГУ, 2005. № 12.
37. Краткий исторический очерк строительства Свято-Троицкого монастыря. Джорданвилль, шт. Нью-Йорк, Сев. Америка. / Собрал, перепечатал и дополнил иллюстрациями архимандрит Пантелеимон. — Джорданвилль: Свято-Троицкий монастырь, 1978.
38. Сборник материалов по истории Свято-Троицкой семинарии. К пятидесятилетию Свято-Троицкой семинарии. 1948-2003 гг. / Под редакцией митрополита Лавра; Сост. К. В. Глазков, В. Гомартели, В. — Джорданвилль: Изд-во Свято-Троицкого монастыря, 2003.
39. Цуриков В., диакон. К вопросу об архивном наследии зарубежного православия // Новый журнал = NewReview. — Нью-Йорк, 2005. № 241.
40. Попов А.В. Архивное наследие зарубежного православия // Новый журнал = NewReview. — Нью-Йорк, 2005. № 239.
41. Колесников А. М. Свято-Троицкий Монастырь в США // Храмилища памятников культуры и истории Зарубежной Руси. — Сан-Франциско: Музей Русской Культуры в Сан-Франциско, 1966.
42. Дмитровский-Байков Н. И. Русские в Квинсленде. Первый православный храм в Австралии // Австралиада. Русская Летопись. 1996. № 9.
43. Косяцын Г. Алексеевичи... // Австралиада. Русская Летопись. 1997. № 14.
44. Дмитровский-Байков Н. И. Русские в Квинсленде. Возведение нового храма в Брисбене // Австралиада. Русская Летопись. 2001. № 29.
45. Доманский Ю. М. Библиотека при Св. Петро-Павловском соборе в Сиднее // Австралиада. Русская Летопись. 1995. № 5.

Центр по изучению русского зарубежья Института политического и военного анализа, Москва
Получено 17.10.09.

A. V. Popov

THE CHURCH LIBRARIES OF RUSSIAN CHRISTIAN CHURCH IN COUNTRIES ASIAN-PACIFIC OF REGION AND USA

In article, on the basis of various published sources and archive of materials throw light the history of development the church libraries of Russian Christian church in countries Asian-Pacific of region and USA.

Russia, China, Japan, Australia, Russian Christian church, spirit legacy, church libraries, spirit mission, civil war, Soviet State

УДК 902

K. H. Чернов

РОССИЯ — ВОСТОК ВО ВЗГЛЯДАХ Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКОГО И Э. Э. УХТОМСКОГО

Статья посвящена проблемам различных подходов и взглядов о Востоке, оценке его роли для России в среде политической и интеллектуальной элитой страны конца XIX — начала XX веков.

Россия — Восток; имперская идеология; «восточничество»

Неудачи имперской политики России на Балканах в 70–80-х гг. XIX в., кризис традиционных для страны западничества и панславизма, невозможность решить «восточный вопрос» в свою пользу и неприятие Европой России способство-

вали (в совокупности с другими факторами) тому, что многие представители российской политической и интеллектуальной элиты, увидя Россию евразийской державой, «обратили свое внимание» на Азиатский Восток и начали поиски нового на-

правления, как во внешней политике, так и в культурно-цивилизационном самоопределении.

Как известно, продвижение России в Азию (экономическими и военно-политическими методами) началось намного ранее осознанного интеллектуального «исхода на Восток». Еще в 60–80-е гг. XIX столетия, когда только укреплялось понимание значения для России Азии, вся современная Средняя Азия была уже присоединена к Российской империи. Следующим этапом ее продвижения на Восток стала малоизученная Центральная Азия и Дальний Восток.

В процессе экспансии Российской империи в Среднюю Азию она встретила противостояние слабых (в военном, политическом и идеологическом отношении) ханств и племен. В силу этого, Россия быстро добилась здесь, причем малыми силами, военных и политических успехов. Проводя в новых землях взвешенную и прагматичную политику, она быстро добилась и того, что имя «белого царя» завоевало почет и уважение среди различных слоев населения присоединенных земель.

Однако в Центральной Азии ей пришлось столкнуться совершенно с иной ситуацией. Большая ее часть после разгрома в середине в 50-х гг. XVIII в. цинским Китаем Джунгарского ханства, вошла в его состав. И на Дальнем Востоке Китай на протяжении многих столетий занимал доминирующее положение. Все это необходимо было учитывать России при ее «внедрении» в Центральную Азию.

Как известно, Россия со времени заключения с Китаем Нерчинского договора, поддерживала с ним «ровные и сдержанные отношения», делая главный акцент в них на установление добрососедских отношений и развитие торговли с ним. Это и обязывало Россию не создавать конфликтных ситуаций на Дальнем Востоке и сохранять установленный здесь статус-кво. Китай же после ликвидации Джунгарского ханства и присоединения к себе Тибета, также не мог (по этим, что и Россия, причинам, продолжать свою экспансию на запад. Была еще одна причина не позволявшая ему делать это: в XIX в. Китай, потерпев ряд поражений от стран Запада, вступил в полосу кризиса,. Проигранные Китаем «опиумные войны» и восстание тайпинов поставили его на грань краха. В Петербурге воочию увидели, что Китай ныне не так уже силён, как это было ранее. Это вместе взятое и подтолкнуло Россию к активизации политики в Азии. С конца 50-х гг. она и свое продвижение на Восток, в Среднюю и Центральную Азию. И ставка при этом ею делается в большей степени на «силу», которая в сочетании с «умеренной по характеру колониальной политикой приносит ей желаемые результаты. Используя временные затруднения Китая, Россия быстро решает в свою пользу (дипломатическим путем) и территориальные, и экономические вопросы, которые раньше даже не поднимались Цинами. Достигнутые Россией успехи в Средней Азии и на Дальнем Востоке, вызвали споры, как в политических кругах, так и среди общественности, критиковавшие цели и методы российского продвижения на Восток. Так, в отноше-

нии азиатской политики России бытовало во второй половине XIX в. два направления: «ястребов» и «голубей» (т.е. «востокофобов» и «востокофилов»). Первые, как известно, были сторонниками «жесткой силы» (т.е. при решении такого рода вопросов они предлагали опираться на военную и экономическую мощь Российской империи). Их оппоненты — «голуби» — были сторонниками решения всех проблем дипломатическими средствами, т.е. «мягкой силы». Но, несмотря на имеющиеся между ними «различия», тех и других объединяло одно — это интересы России в Азии и в целом в мире.

Как известно, всякое направление в политике или в интеллектуальной жизни имеет своих творцов, идеологов, тех, кто обосновывает, отстаивает и пропагандирует свои взгляды и идеи. Так было и с вопросом продвижения России на Восток: в рядах «ястребов» и «голубей» выделялись свои идеяные лидеры. Таковым у первых был всемирно известный путешественник и учёный Николай Михайлович Пржевальский (1839–1888 гг.), оказывавший своими взглядами на Восток влияние не только на военную и политическую элиту империи, но и на общественное мнение России в целом. Сторонников «дипломатии» возглавил князь Эспер Эсперович Ухтомский (1861–1921 гг.), известный общественный и государственный деятель, публицист и издатель, которого в полной мере можно считать лидером общественно-политического и интеллектуального движения — «восточничества».

Последние задолго до евразийцев увидели в России евразийскую державу и начали, еще в конце XIX в. интеллектуальный «исход на Восток». Э. Э. Ухтомский был очень близок к высшим политическим кругам империи, в т. ч. и к императору Николаю II, которого он сопровождал, правда, тогда еще наследника, совершившего путешествие на Восток. Был вхож лидер «голубей» и в среду интеллектуальной элиты России. В частности, он был хорошо знаком с В. С. Соловьевым.

Как путешественник и учёный Н. М. Пржевальский сделал немало ценных открытий который. Однако все четыре его путешествия в Центральную Азию носили не только научный характер. Будучи с 1866 г. офицером Генерального Штаба, он совмещал свою научную деятельность совмещалась и с «обязанностями» разведчика. Поэтому в ходе путешествий учёный не только собирал интересовавшие его сведения о населении, экономике, военной организации, культуре тамошних аборигенов, но и анализировал, будучи разведчиком, политическую ситуацию в регионе, отношения между тамошними народами, народом и властью. Именно это давало ему возможность сформировать свои взгляды на Азию, и, что особенно важно, узнать многое о потенциальном противнике России в Азии — Китае.

Военная служба, европейское образование, а также стиль мышления наложили свой отпечаток на взгляды Н. М. Пржевальского. Его взгляды были типичными для идеологии имперства XIX в., в которых отразилось и определенное отношение к не европейским странам, а к народам

по принципу: «Divide et imperia», ко Внутренней Азии, которая принадлежала Китаю. При этом, он представлял не только как территорию, открытую для географических и прочих исследований, но и как девственную землю, ждущую своего покорителя во славу России. В 1873 г. после первого своего путешествия в Центральную Азию, Пржевальский писал, что «...с тысячью наших солдат можно покорить всю Азию от Байкала до Гималаев. Здесь мы можем повторить подвиг Кортеса» [7, с. 29].

С серьёзной критикой он отзывался не только о быте и привычках местного населения, но и его моральном облике. Лицемерие, жестокость и деградацию он видел во всех проявлениях жизни местного населения. Невысокую оценку давал он и культуре Срединной империи. Всеволод Робровский, друг и соратник Н. М. Пржевальского, а также участник его экспедиций, как-то в своей работе, что «к китайцам Николай Михайлович не мог относиться дружелюбно, его возмущала их лживость и притворство, поэтому он старался избегать всякой встречи с ними и говорил, что от них не увидишь ничего, кроме неприятностей» [8, с. 655-656].

В воспоминаниях о своём первом пребывании в Пекине сам Пржевальский с недовольством писал: «Скажу откровенно, что на меня лично произвела крайне неприятное впечатление столица. Да едва ли может понравиться свежему человеку город, в котором помойные ямы и толпы голых нищих составляют необходимую принадлежность самых лучших улиц... Здешние китайцы вдесятеро хуже наших амурских. Там, по крайней мере, они держатся в остраке, а здесь всех европейцев в глаза и за глаза называют не иначе, как чёрт, так что обыкновенно, проходя по улице, слышишь громкие приветствия такого рода... Мощенчество и плутни развиты до крайних пределов... здешний китаец — это жид плюс московский мазурик, и оба в квадрате. Но прискорбно видеть, что европейцы церемонятся с этой сволочью». Далее автор резюмируя, добавил, что «...только... ружья и пушки европейцев могут сделать здесь какое-либо дело. Миссионерская проповедь, на которую так уповают в Европе, — это глас вопиющего в пустыне» [4, с. 63].

Главным свидетельством упадка государственности Китая, он считал и плачевное состояние армии. «Во всех войсках китайских, — писал он, — почти поголовно преданы курению опиума. На часах китайский солдат зачастую сидит, пьёт чай или занимается починкой собственной одежды; понятия о долге и чести [ему] неизвестны. Солдаты идут в бой из-за страха наказания или надежды грабежа; да и притом сам бой, конечно, с азиатскими противниками, состоит лишь в том, что трус старается перехитрить труса» [5, с. 275]. Позже Николай Михайлович выражался ещё более определенно: «Смелый неприятель с европейским вооружением может двинуться в любую часть Срединного государства и заранее может рассчитывать на верную победу. О количестве защитников Небесной империи ему нечего много заботиться: один волк заставляет бежать тысячное стадо

баранов. И таким волком является каждый европейский солдат относительно китайского воинства» [6, с. 275].

Одну из важнейших причин подобного положения дел Н. М. Пржевальский усматривал в моральной стороне жизни нации. «Исключительные условия исторической жизни, в которой вековое рабство являлось главнейшим стимулом общественного строя, — писал он в своей книге «От Кяхты на истоки Жёлтой реки», — выработали у азиатцев в большинстве случаев отвратительное лицемерие и крайний эгоизм» [6, с. 495]. По его мнению, активное проникновение европейских достижений в Китай, осуществляемые во второй половине XIX в., вряд ли приведут к европеизации Китая. «Непроходимая пропасть лежит между внутренним миром европейца и азиата; они во всём чужды друг другу и едва ли когда могут стать родными братьями. Притом для переработки в новую жизнь нужны не дряхлые, а свежие непочатые силы, их-то и нет, не только у описываемых, но и у всех азиатских народов вообще» [6, с. 501]. «Для пересадки сюда других отраслей европейской культуры и цивилизации, — считал ученый, — нужна будет такая всеобщая ломка, какую едва ли выдержать отжившему свой китайскому народу» [6, с. 517-518]. Он был убежден в том, что «прогресс везде с трудом прокладывает себе путь, а в Китае ему, всего вероятнее, и вовсе не протолкаться. Народная жизнь здесь слишкомочно и исключительно сложилась в течение сорока веков. Выхоленные ростки европейской цивилизации не примутся, как следует на столь заскорузлой почве» [6, с. 502]. Как европеец по духу, он был уверен, что Китай и его культура находятся в состоянии застоя и загнивания. И, по его мнению, лишь неведение европейцев об истинном положении Китая, придавало ему и другим азиатским странам определенную долю славы и могущества.

Исходя из такой оценки перспектив развития Китая и азиатских стран, Пржевальский предложил целую программу наступательной политики в Азии. В 1886 г. он участвовал в работе Особого военного комитета по вопросам выработки политики в отношении Китая. В своей официальной записке «Очерк современного положения в Центральной Азии» (этота записка стала последней главой в книге «От Кяхты на истоки Жёлтой реки»), он предсказывал (по аналогии с Османской империей), что Китай «всего вернее, в будущем изобразит для Европы нового «большого человека». Критикуя политику России, выступавшей за сохранение целостности Китая, Пржевальский отмечал, что «начиная с нашего первого посольства в Китай в 1653 году наши отношения, со Срединной империей зиждутся на сохранении столь восхваляемой двухсотлетней дружбы, в сущности же нашим двухвековом заискивании перед Китаем» [6, с. 530]. В этих условиях, как и в случае с Турцией, вторжения во Внутреннюю Азию, по мнению Пржевальского, было не избежать. Он отмечал, что «положение китайцев в Монголии и Восточном Туркестане очень шатко» [6, с. 532-533]. В противовес мнению ученого от-

носительно взаимоотношений Запад — Восток, существовало в то время в (Европе и России) и другое, которое высказывал видный российский специалист по международному праву профессор Ф. Ф. Мартенс, считавший, что «международное право не может быть приложимо к сношениям с полудикими народами. Им нужна видимая сила, которую они только признают и уважают» [6, с. 532-533]. Этот взгляд полностью разделял с ним ученый и военный Пржевальский.

Поэтому последний был всецело убежден в том, что политика с позиции силы является единственной разумной в отношении к Китаю, который «осознательно чувствуя громадную силу морских держав, он поджимает пред ними хвост и, наоборот, видя нашу уступчивость, ощетинивается в нашу сторону». Державы, сетовал он, уже обогнали Россию по торговому обороту с Китаем, несмотря на то, что Россия мирно торгует с Китаем уже полтора века. Понимая, что Россия не имеет возможности конкурировать с европейскими державами в приморских районах, Пржевальский предлагал открыть для российской торговли весь Китай, к северу до Великой стены, так как «в застенных владениях Китая и в собственных, северо-западных его провинциях Гань-су и Шанси мы имеем возможность развить и упрочнить наши торговые операции», а со временем — и проникнуть вглубь коренного Китая [6, с. 535].

Говоря об изменении политики России к Китаю, Пржевальский указывал на неизбежность войны, отмечая, что последний «может объявить её и сам, но если не объявит, без войны всё равно не обойтись. Относительно Китая можно быть уверенным, его политика к нам не переменится, по крайней мере, прочным образом, без фактического заявления силы с нашей стороны. Волей-неволей нам придётся доказать своему заносчивому соседу, что русский дух и русская отвага равноСильны, — как в сердце Великой России, так и на Дальнем востоке Азии», — заключал Пржевальский [6, с. 536]. И, надо сказать, его прогноз оказался верен, в 1899 г. Китай ответил на экспансию западных держав мощным антизападным восстанием «боксёров», которое поддержало цинское правительство. Для России и Китая это обострение отношений закончилось русско-китайской войной 1900–1901 гг. «Неожиданно для всех, России бросал вызов вечный Китай, огромная Поднебесная империя. Китайская война явилась важным событием в истории России, событием, имевшим серьёзные последствия для нашего государства и общества» [3, с. 6-7].

В этой войне русские войска сравнительно небольшими силами сумели разбить силы повстанцев и цинских войск, а также взять под контроль значительную часть Маньчжурии, показав, тем самым, слабость Китая, независимо от его огромного потенциала. Эта война для многих политиков подтвердила правоту слов Н. М. Пржевальского в том, что «...с тысячью наших солдат можно покорить всю Азию от Байкала до Гималаев». И что «здесь мы можем повторить подвиг Кортеса».

В целом же высказывание, сформулированное Н. М. Пржевальского об Азии, звучало так:

«Для успеха далёкого и рискованного путешествия в Азию необходимы три проводника: деньги, винтовка и нагайка. Деньги, потому что местный люд настолько корыстолюбив, что не задумается продать отца родного; винтовка — как лучшая гарантия личной безопасности, тем более, что при крайней трусости туземцев, многие сотни разбегутся от десятка хорошо вооружённых европейцев; наконец нагайка также необходима, потому что местное население, веками воспитанное в диком рабстве, признает и ценит лишь грубую, осаждательную силу» [1, с. 360].

Опираясь на него, можно констатировать, что Н. М. Пржевальский был сторонником доктрины «жёсткой силы», опиравшейся, по отношению к азиатским народам и, особенно, к Китаю, на «кнут и пряник». Словом, он призывал, опираясь на военную мощь Российской империи, реализовать её политические и экономические интересы в Азии, без учёта интересов народов её населяющих, без оглядки на их историю и культуру. Лишь укрепив таким образом положение России в Азии и в мире в целом, можно было, по мнению Н. М. Пржевальского, максимально ослабить влияние противников России, и прежде всего Великобритании, в указанных регионах и территориях.

Таким образом, анализ взглядов Н. М. Пржевальского об отношениях России с Азией и её главным государством — Китаем, подводит нас к выводу о том, что Н. М. Пржевальский был явным «востокофобом». Это течение было наиболее характерно для сторонников имперского мышления как России, так и Запада в интересующий нас период времени. Характеризуя «востокофобов», подчеркнем, что Николай Михайлович Пржевальский, в отличие от большинства их, не был кабинетным ученым, он являл собой тип учёного — «конкистадора». Как офицер Генштаба и одновременно разведчик, он служил интересам империи, которые для него были превыше всего. Поэтому в этих случаях, Пржевальский — учёный отодвигался на второй план.

На рубеже XIX–XX вв. некоторые российские интеллигенты стали всерьез изучать азиатское наследие в русской истории и культуре. К концу XIX в. актуальность «азиатской» темы в России непрерывно нарастала, размышления об отношениях России и Востока стали частью интеллигентской жизни России.

Представители этого течения, получившие название «восточничества», видели исторические, культурные и политические корни России в восточной почве. Они усматривали священную миссию русского царя и русского народа в воссоединении России и Востока; самого монарха представляли неким великим ханом, а Санкт-Петербург — новым Каракорумом.

Именно такого рода идеи нашли свое отражение в работах князя Эспера Эсперовича Ухтомского («Путешествие Государя Императора Николая Второго на Восток», «К событиям в Китае. Об отношении Запада и России к Востоку», «Из китайских писем», «Перед грозным будущим. К истории русско-японского столкновения» и др.).

Кем же был их автор? Князь Э. Э. Ухтомский, свидетельствует «Энциклопедический словарь» (изд-во «Гранат». 1911 г.) являлся в интересующее нас время главным идеологом «восточничества». Он родился в 1861 г. После окончания Санкт-Петербургского университета, по специальности «философия и славянская филология» (закончил его с серебряной медалью), он поступил на службу в департамент духовных дел иностранных исповеданий. Первое свое стихотворение он опубликовал в 1882–1883 гг. в сборнике «Русь», редактируемом Аксаковым. В последующее его произведения стали появляться в «Ниве», «Неделе», «Вестнике Европы», «Севере» и других изданиях, а также в редактируемых им «Санкт-Петербургских Ведомостях» [11, с. 724]. Кказанному можно добавить, что князь Ухтомский вел свою родословную от Рюриковичей, был другом философа Владимира Соловьева, который в своей работе «Три разговора» упоминает о «восточничестве», как о «вариации славянофильства». Ухтомский совершил поездки в Калмыкию, Монголию, Китай; был знатоком Востока, его религий, культуры и истории. Им была собрана огромная коллекция восточных произведений искусств, которая в интересующее нас время хранилась в Эрмитаже. Как знатока Востока, князя пригласили сопровождать в 1890–1891 гг. наследника Николая Александровича в путешествии на Восток. Опираясь на все вышесказанное, можно утверждать, что идейный «вождь восточников», — князь Ухтомский — вполне сопоставим («по своим талантам и влиянию на массы») с Н. М. Пржевальским. Он также, как и Николай Михайлович, был незаурядным человеком. Будучи известным публицистом, ученым, поэтом, он вращался как среди интеллектуальной элиты российского общества, так и среди политической элиты Российской империи конца XIX — начала XX вв.

Как же намеревался он (совместно со своими сторонниками) решать решать вопрос «Россия — Азия»? Где, по его мнению, заканчивалась первая и начиналась вторая? Об этом мы узнаем из его работы «К событиям в Китае». утверждал, что «Россия, — утверждал в ней Э. Э. Ухтомский, — [это] строго говоря, та же Азия. Азиатские народы уже чувствуют свое родство с Россией... Россия своя близкая, родная, не хищница, вроде остальных, вдающихся в колониальную политику держав» [10, с. 7]. Князь был уверен, что «там за Алтаем и за Памиром та же неоглядная, не исследованная, еще никакими мыслителями не осознанная допетровская Русь...» [10, с. 58]. Далее Ухтомский развивает свои мысли о России и Востоке следующим образом: «...Весь Восток только обновлялся, богател и крепнул от общения с русскими началами, ибо он (Восток) и мы (Россия) — одна безбрежная стихия, одно гармоническое целое» [2, с. 10]. Все это наводит его на мысль о главенстве России на Востоке: «Азия страдает, поняв, что между ней и Европой — глубочайшая бездна, тогда как между нашим полным творческим хаосом и ею (Азией) нет препон, ибо ее предопределенный покровитель и главарь пестротканая Россия» [10, с. 77]. Более того,

князь укрепляется в своей мысли, говоря о роли российского государства. «Кто кроме закостенелых западников, — пишет он, — хоть на минуту затруднится у нас считать не осознанный еще нами Восток такой же органической по духу принадлежностью к мономаховой державе, какою по самой природе вещей в урочный час стали Заволжье и Сибирь. Россия должна стать вершительницей судей Востока» [2, с. 12].

Выходит, что у князя Ухтомского Россия на Востоке своя, знакомая, понятная, близкая. И он, также как и Пржевальский, считает, что «Восток есть Восток, а Запад есть Запад и им никогда не сойтись». Но если Пржевальский — рьяный европеец, и Россия для него — это часть Европы, то Ухтомский, напротив, активный антизападник. И Россия в позиции «Россия-Европа-Восток» находится для него не в одной плоскости с европейскими державами. Всё дело, по мнению князя, в отношении европейцев к Востоку, его культуре и традициям. Ухтомский считает, что «пришельцы по мере возможности обидели и развенчали Восток. Куда они приходят для наживы — это им не Родина, какою, например, русскому делается любая окраина, это им не братья по Божественному и людскому закону» [2, с. 13]. Как представитель «восточничества», Э. Э. Ухтомский еще задолго до евразийцев, а именно в 90-х гг. XIX столетия, развивает тему духовного превосходства России на Востоке над Европой. Так, в книге «Путешествие Государя Императора Николая Второго на Восток» он уверен в естественной близости России с Востоком: «Природному повелителю на Востоке, в сущности, не нужны ни внешний блик, ни эфемер, ни знаки почета. Ну, где же европейцам *fin de siecle* набраться таких атрибутов древности власти?» [9, с. 69]. Улавливает он также и черты родственности двух культур: «Великие печальники и молитвенники за землю русскую завоевывали нам симпатии азиатских народов еще во время Чингизидов. Что раз упало на такую восприимчивую почву как фантазия и чувство восточного человека, никогда не забывается, но дает ростки и плоды» [9, с. 217].

Князь, как и его оппонент Н. М. Пржевальский, отмечал, что Восток одряхлев и остановился в своем развитии. И причину этого он видел в «недостатке внутренней творческой работы», «обусловить которую может исключительно деятельность веры». Ухтомский был убежден, что «на примере России восточные народы научатся понимать и ценить такую веру...». Под деятельной верой он понимал, конечно же, православие. Именно с его помощью и воплощенного в нем лучших идей христианства Россия, подчеркивал он, приобрела и продолжает приобретать симпатии и уважение народов Востока, а также желание связать с Россией свое будущее. Однако князь, в отличие от Пржевальского глубоко верил, что у Востока есть возможность для развития, но только вместе с Россией, которая является его «природным главарем и покровителем». И Ухтомский раскрывает лучшие качества России, способной привязывать к себе методами, крайне отличными от европейских. «Разгадка нашего успеха, по масштабу единственного в истории, — писал он, —

покорять себе царство за царством не только открытой враждой и войной, но и тайными силами приязненных чувств, неискоренимой потребностью находить в каждом разумном существе любой религии, любой расы, равноправного перед Богом и Царем, меньшего товарища и брата» [9, с. 135].

Говоря языком геополитики, Э. Э. Ухтомский предлагал России использовать в отношении Востока «мягкую силу». Последняя же, по утверждению основоположника данной геополитической категории — Джозефа Ная, есть убеждение, притяжение, сотрудничество, привлечение других к усвоению поставленных целей.

Ухтомский указал еще одну причину роста влияния и авторитета России на Востоке. По его мнению, здесь важны не только «тайные силы», «атрибуты древней власти» и «деятельная вера», но и тот факт, что «чем бодрее на Азию наступает Европа, тем светлее там озаряется в молве и предании Белый Царь» [2, с. 13].

Нужно отметить, что взгляды лидера «восточничества» о значении Азии для России, несли для последней практический характер в мировой политике. Ведь именно с Востоком князь связывал будущее России. Он был уверен, что Россия, в синтезе с Востоком, «призвана быть мировою силою, сочетающая Запад и Восток». Причем, Россия, по его мнению, должна слиться с Азией в единое самодержавно-антизападное пространство, охватывающее все сферы общественной жизни, политику, культуру и экономику. «Крылья русского орла слишком широко прикрыли его (Восток)... В органической связи с этими странами — залог нашего будущего» — писал князь [9, с. 18].

Э.Э.Ухтомский, так же как и Н. М. Пржевальский был идеологом имперской политики, но идеиные обоснования для воплощения этой политики в жизнь были выбраны не совсем традиционные для конца XIX столетия, как известно, времени классического колониализма.

Таким образом, «восточничество», в противовес «жесткой силе» Н. М. Пржевальского, — это ставка на «мягкую силу» в имперской экспансии России на Дальний Восток.

Конечно же, антонимичные взгляды Н. М. Пржевальского и Э. Э. Ухтомского на отно-

шения России к Востоку в значительной степени оказывали влияние на проведение «великой азиатской политики» России на Дальнем Востоке в 90-х гг. XIX в. Это влияние оказывалось вплоть до поражения России в войне с Японией в 1904–1905 гг. Одним словом, можно с уверенностью отметить, что взгляды Н. М. Пржевальского и его оппонента князя Э. Э. Ухтомского являлись в конце XIX в. идеологическим обоснованием экспансии Российской империи на Дальнем Востоке.

Сопоставляя эти две идеологии имперского продвижения России вглубь азиатского континента, нами определено обнаруживаются различия в подходах его реализации. Идеология первая, в виде колониального экспансионаизма с откровенным презрением к народам Азии, представлена во взглядах Николая Михайловича Пржевальского. Второе направление представляет собой новаторский проект для российской политической и общественной мысли конца XIX века.

Однако «восточничество» можно охарактеризовать не только как идеиное обоснование для имперской политики России на Дальнем Востоке, но и как попытку создания и популяризации новых, по сравнению с распространенными в XIX в., представлений о культурно-цивилизационной идентичности России, её геокультуре, геополитической направленности и ее месте в мировой истории. Если раннее Россия, по преимуществу, выступала в качестве наследницы Византии (требования в печати: Константинополь должен быть наш!) и лидера славянства, то «восточники» первые увидели Россию в совершенно иной исторической ипостаси — как преемницу империи Чингисхана, преемницу мировой державы, пытаясь, тем самым, предопределить направление будущего развития страны. Такой подход, безусловно, позволил заложить идеиный фундамент для вновь востребованного евразийского континентализма 20-х гг. XX в. — русских евразийцев.

Несомненным остается и то, что идеи «восточников» были весьма необычны и новы для российских интеллектуалов. «Восточничество» явилось в полной мере самобытным, оригинальным явлением в политической и интеллектуальной жизни России, и в какой-то мере компенсировало одноконтакторную геокультурную ориентацию на Европу.

Библиографический список

1. Библиографическая серия 1890–1915. Колумб. Ливингстон. Стэнли. А. Гумбольдт. Пржевальский. Биографические повествования. Челябинск., 1995.
2. Головачев. П. Россия на Дальнем Востоке. СПб, 1904.
3. Дацьшен В. Г. Боксёрская война. Военная кампания русской армии и флота в Китае 1900–1901 гг. Красноярск, 2001.
4. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. Спб., 1875.
5. Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами. Спб., 1883.
6. Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Жёлтой реки. Спб., 1888.
7. Дэвид Схиммельпенник ван дер Ойе. Свет с Востока. Родина. 1995. №11.
8. Роборовский В. И. Николай Михайлович Пржевальский. Русская старина. 1894. №3.
9. Ухтомский Э. Э. Путешествие Государя Императора Николая Второго на Восток. Т. 2. Лейпциг, 1895.
10. Ухтомский Э. Э. К событиям в Китае (об отношении Запада и России к Востоку). СПб, 1900.
11. Энциклопедический словарь. Брокгауза и Эфрон. Гранат. Т. 11.

K. N. Chernov

RUSSIA-THE ORIENT IN THE VIEWS OF N. M. PRZHEVALSKY AND E. E. UHTOMSKY

This article reveals different approaches and vies of Orient perceiving and understanding and how Russian political and intellectual elite appreciates the role of the Orient for Russia at the end of the XIX th and in the beginning of the XXth ages.

Russia-the Orient, imperial ideology, «orientancy»

УДК 902

A. B. Эбель, Ван Де Керхове Рубен, Н. А. Юркова

МОНИТОРИНГ ТЕМПЕРАТУРЫ ПОЧВЫ В ДОЛИНЕ РЕКИ УЛАНДРЫК: ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ПОНИЖЕНИЯ ТЕМПЕРАТУРЫ НА КУРГАН

В статье описан тепловой эффект в Кургане. Авторами представлены результаты совместной исследовательской работе по мониторингу температуры в Уландрыйской долине. Полученные данные четко показывают термическое поведение в кургане и прилегающих ненарушенных почвах.

**вечная мерзлота, тепловой режим, регистраторы данных, Курган,
расходящееся термическое поведение**

Алтай — одно из тех мест, где встречаются древние погребения с подкурганной мерзлотой. В Горном Алтае такие места представлены урочищем Пазырык, плато Укок и Кош-Агач, долинами Юстыд, Уландрыйк, Сайлюгем и т.д. На сопредельных территориях подобные погребения встречаются в Восточном Казахстане, Западной Монголии, Синьцзяне, Туве.

«Оледеневшие гробницы Горного Алтая дали учёным уникальный материал для суждения об особенностях хозяйства, быта, социального устройства и духовного мира одного из древних обществ Южной Сибири» [1, с. 19]. Одним из первых попытался объяснить процесс образования подкурганной мерзлоты С. И. Руденко. Согласно его гипотезы, кроме климатических условий значимую роль в образовании мерзлотной линзы играла каменная наброска, которая служила своего рода конденсатором холода в зимнее время за счёт более быстрого, по сравнению с почвенной поверхностью, охлаждения камня. В летнее время каменная наброска являлась слабо теплопроводным покровом, предохраняя замёрзшую под ней почву от прогревания. В результате этого внутри кургана создавался особый микроклимат, благоприятствовавший усилинию и сохранению мерзлотного процесса [1, с. 11-12]. Образовывалась мерзлотная линза в течении нескольких лет в результате взаимного воздействия климата и конструктивных особенностей кургана [2, с. 20].

В конце двадцатых начале тридцатых годов XX века научный мир познакомился с Алтайским феноменом — мерзлотными погребениями. В Шибинских, Тузкинских и Пазырыкских, так называемых «царских» курганах, были обнаружены, мало того, мумии да еще в толще льда, что, естественно, позволило ученым соприкоснуться со многими артефактами, впервые дошедшиими до наших дней почти в первозданном виде. Но как показала история мерзлотные курганы — явление на сегодняшний день довольно редкое и мало изученное (на наш взгляд), Особенно это касается природы возникновение «курганной мерзлоты». Если кратко обобщить результаты всех

исследований проведенных в этой области за последние почти восемьдесят лет, то получается, что мерзлотные линзы возникают приблизительно в одно время с самими курганами и происходит это естественным путем. Большая насыпь играет роль термоса, не позволяя остывшей за зиму земле достаточно прогреться, в результате попавшая в погребальную камеру влага замерзала, образуя дополнительную защиту органики от разложения. Но в данном случае возникает закономерный вопрос, почему именно на Алтае и именно в курганах пазырыкской культуры? Как известно, ни в Хакассии, ни в Туве в курганах с большой и высокой насыпью мерзлоты нет и не было, хотя природно-климатические условия тех районов практически совпадают с алтайскими или являются еще более суровыми. А на Алтае мерзлота или ее остаточные явления обнаружены в совершенно различных ландшафтно-климатических районах. Высокогорные, более двух тысяч метров над уровнем моря, тундрово-степные плато Укок, долина Уландрыйк и соседние районы Монголии, высокогорная (более полутора тысяч метров) лесостепь долина Пазырык и в межгорных котловинах (с высотами до семисот метров) в долинах рек Урсул (Шибе, Тукта), Каракол (Башадар) [3, с. 65], Бухтармы (Берель) [4, с. 62].

Модель будущих климатических изменений определяется четко выраженным потеплением в течение 21 века. Поэтому ожидается значительное отступление ледников и деградация вечной мерзлоты с соответствующим сдвигом высотного пояса ландшафтов альпийской зоны [5, с. 120]. Помимо глобального потепления, модели круговорота предполагают, что повышение летних дневных температур в Центральной Азии будет выше, чем в других регионах [5, с. 125]. Поскольку более высокие части Алтайских гор расположены на территориях с постоянной и непостоянной мерзлотой, они особенно подвержены влиянию возможного повышения температуры [6, с. 45].

24 июля 2008 года три температурных датчика НОВО U23-003 (два сенсорных датчика и Onset Computer Corporation) и шесть датчиков

iButtons (Maxim Integrated Products) были установлены на трех исследуемых участках (улан 1, улан 2 и курган/улан 3), расположенных внутри и вокруг реконструированного кургана 3 археологического комплекса Уландрыйк-II (рис. 3). Температурные сенсоры были расположены на 5 различных уровнях с целью изучения вертикального температурного профиля. Самый глубокий сенсор был установлен внутри кургана на глубине 180 см, благодаря прикрепленной трубке из поливинилхлорида. Снаружи кургана температурные измерения ограничивались глубиной 80 см (улан 2) и 1,1 м (улан 1) из-за сложности бурения скважины в твердых породах. Тем не менее, сравнение температур на этих участках может проводиться на глубине 10, 45 и 80 см. К тому же, сенсоры, установленные внутри кургана на глубине 110 и 185 дают нам дополнительную информацию о термальном режиме внутри погребения.

Температурные датчики iButtons были настроены так, чтобы записывать температуру каждые 2ч 24 мин, что означало 10 замеров в день. Однако температурные датчики Novo регистрировали температурные показатели каждый час, благодаря большему размеру карты памяти. Более того, нами использовался еще один дополнительный датчик U23-001 НОВО для измерения температуры воздуха. Датчик был установлен на высоте 2м на продуваемом ветрами участке в расщелине здания вблизи бывшей метеостанции Уландрыйк. К сожалению, в конце зимы датчик сдуло с места, где он был установлен, в результате чего мы лишились данных, но это, однако, не очень повлияло на общую картину среднесуточной температуры.

25 июля 2009 года мы вновь посетили долину Уландрыйк, чтобы собрать данные за год. Прoverка температурных датчиков выявила, что один из датчиков iButtons, установленный на поверхности снаружи кургана не отвечал, поэтому мы смогли провести сравнение только по 1 показателю. Данные других датчиков были успешно сняты и обработаны.

Средняя температура воздуха в период с 24 июля 2008 года по 25 июля 2009 года оказалась равна $-3,08^{\circ}\text{C}$, или на 1.6°C теплее, чем в 1951–1998 годах [6, с. 48]. Подобное различие частично может быть вызвано сильной солнечной инсоляцией-перегревом используемых датчиков после их извлечения из мест установки, лишенных солнечного света, однако большая часть подобных различий может быть приписана обычным годовым температурным колебаниям. Первый снег выпадает приблизительно в первой половине сентября, но постоянный ложится к середине октября. Снежный покров маленький, но постоянный на протяжении всей зимы, результатом чего является близость атмосферных температур и температур почвы. Средняя летняя и зимняя температуры составили $7,52^{\circ}\text{C}$ и $-14,3^{\circ}\text{C}$ соответственно.

Несмотря на то, что размер исследуемой территории был менее 100 метров, диаграммы данных демонстрируют различные термальные режимы на 3 участках, где были установлены датчи-

ки. На рис. 3 показаны термальные режимы в точке курган/улан 3 и на участках естественной террасы, далее описываемые как точки улан 1 и улан 2. Полученный рисунок показывает характерные элементы теплообмена в слоях почвы. В верхних слоях (выше уровня нулевой ежегодной амплитуды) температуры почвы представляют синусоид, который понижается на большей глубине. Более того, тот же температурный сигнал чувствуется позже в более глубоких слоях. Подобное запаздывание во времени вызвано теплопроводимостью почвы.

Более внимательное изучение термального режима внутри реконструированного кургана показывает, что датчики, установленные на глубине 10 см и 45 см записывают температурные сигналы схожие с температурой воздуха, благодаря своему неглубокому расположению. Как было упомянуто ранее, это возможно вызвано более хорошей комбинацией теплопроводности и конвекции по сравнению с датчиками, установленными глубже, которые продемонстрировали более слабый сигнал из-за его поглощения почвенной материи террасы.

Внутри кургана средние годовые температуры достигали $-3,23^{\circ}\text{C}$; $-2,74^{\circ}\text{C}$; $-2,19^{\circ}\text{C}$; $-1,62^{\circ}\text{C}$ и $-1,44^{\circ}\text{C}$ на глубине 10 см, 45 см, 80 см, 110 см и 185 см соответственно. Эти показатели значительно ниже, чем точках улан 1 и улан 2 (таблица 1), что явно свидетельствует о влиянии каменного слоя на понижение температуры. Сравнение температурных данных по глубине 1,80 м, а так же и по другим глубинам, с данными за аналогичный период прошлого года, показывает понижение температуры (около $2,5^{\circ}\text{C}$ на глубине 180 см). Поскольку датчик был установлен внутри колоды, это могло объяснить тот факт, что температура внутри погребальной камеры все еще понижается, и окончательный баланс еще не достигнут. Однако, подобный вывод следует делать с большой осторожностью, так как это лето (особенно июнь) было значительно холоднее, чем в прошлом году. Для того чтобы сделать окончательный вывод, необходимо провести более длительное наблюдение.

Несомненный интерес для исследования представляет сравнение данных из кургана с данными двух других датчиков, установленных рядом на нетронутой почве. Таким образом, на рисунке 4 представлено сравнение температурных данных по этим 3 участкам, полученных на глубине 10 см, 45 см и 80 см. К сожалению, датчик, установленный на глубине 10 см на участке улан 1 не работал, поэтому мы смогли провести сравнительный анализ, используя данные лишь двух датчиков. Тем не менее, сломанный датчик показал бы приблизительно те же результаты, что и датчик улан 2, с возможной поправкой на большее количеством снега, что указывает на более сильный эффект на больших глубинах.

Во-первых, если мы сравниваем поверхностные температуры в кургане и точке улан 2 — температура на глубине 10 см более или менее совпадает с температурой поверхности — оба датчика демонстрируют лишь незначительные различия.

При сравнении с другими курганами (например, в долине реки Джазатор [7, с. 22], особенно зимой, отклонение гораздо меньше). Это можно объяснить наличием очень тонкого снежного покрова в долине реки Уландрыйк. Исходя из вышесказанного, мы можем предположить, что глубина снежного покрова является главным параметром, определяющим температурную разницу между термальным режимом на поверхности кургана и «естественной» прилегающей почвы. Однако, возникает другой вопрос, как температурный сигнал распространяется в глубь?

В отличие от поверхностных температур, существенные различия наблюдались на глубине 45 см и 80 см, особенно в точке улан 1, но возможно это было вызвано наличием более глубокого снежного покрова. Поскольку у нас нет данных поверхностных температур с этого датчика, мы сфокусируем своё внимание на сравнении точек улан 2 и курган. Идентичность поверхностных температур и различие на глубине 45 см и 80 см вероятно объясняется наличием каменной насыпи высотой более 10 см. Эта насыпь, состоящая из крупных камней, даёт возможность холодному воздуху проникать вглубь почвы, благодаря конвективной теплопроводности, вследствие чего температура внутри кургана ниже температуры на аналогичной глубине за его пределами, даже если температура поверхности одинаковая. Это подтверждается и тем, что температурные различия между точками курган и улан 2 на глубине 45 см и 80 см постоянны, так как только проводящий теплообмен имеет место между этими слоями.

Тот же вывод можно сделать и по рисунку 5, на котором представлено хорошее описание 3 термальных режимов. Данный рисунок четко показывает, что в летнее время все три режима работают приблизительно в одном направлении. Тем не менее, в летние месяцы температура внутри кургана, как на поверхности, так и в глубине, несколько выше. Однако эта разница гораздо меньше, чем в зимние месяцы.

Температурные различия между курганом и нетронутой почвой наблюдаются как в начале, так и в конце лета. Хотя на поверхности температура в кургане и точке улан 2 достигает нулевой отметки приблизительно в одно и то же время, повышение температуры на глубине происходит гораздо быстрее внутри кургана. Это опять вызвано дополнительным теплообменом, вызванным процессом конвекции на поверхности каменной насыпи, а так же небольшим эффектом поглощения в точке улан 2. Когда период наивысших летних температур закончен, температура вновь начинает опускаться, что влечет за собой незначительное понижение температуры внутри кургана. Четкое различие наблюдается, когда температура приближается к температуре замерзания: в этот момент температура внутри кургана опускается значительно быстрее, чем в других точках.

Данные по температуре почвы за 1 год четко показывают температурные различия между исследуемым курганом и прилегающей нетронутой почвой. Прежде всего, настоящий эксперимент был направлен на восстановление культурного ландшафта, нарушенного различными раскопками, однако, попутно он создал прекрасную возможность смоделировать термальный режим внутри кургана в течение первого года его существования.

Эксперимент показал, что вновь созданные курганы являются быстро реагирующими системами, благодаря конвективному теплообмену на их поверхности, каменной насыпи. Более того, внутри кургана средняя температура на определенных глубинах гораздо ниже, чем на прилегающей «естественной» почве, даже если поверхностные температуры идентичны (не в случае снежного покрова). Это температурное различие, безусловно, возникает в зимнее время года и определяется снегопадами, скоростью ветра, высотой каменной насыпи, количеством мелких осадочных пород на поверхности и диаметром кургана (по боковому/поперечному теплообмену).

Рис. 1. Слева: реконструированный курган 3 комплекса Уландрыйк. В центре: Лиственная колода помещена в центр ямы и оборудована трубкой из поливинилхлорида, которая будет использоваться для измерения температуры на глубине 1,80 м. Справа: Р. Ван Де Керхове устанавливает температурный датчик NOVO-U23-003 в трубку из поливинилхлорида. USB-порт температурного датчика подключен к переходному устройству, которое передает информацию на компьютер

Когда в Алтайских горах наступает лето, быстрая реакция курганов способствует более быстрому проникновению теплых температур. В этот период температура в кургане несколько выше. Это объясняется еще и отсутствием вегетативного покрова, способного поглощать часть поступающего тепла.

В заключение можно сделать вывод, что лето — это идеальное время для выкапывания могилы, или, другими словами, период, когда создается наивысший температуропонижающий эффект, эффект понижения температуры. Во-первых, копание ограничено летним сезоном, поскольку зимой почва полностью промерзает, что делает её твердой как бетон. Во-вторых, летом при повышении температуры воздуха, температура почвы внутри кургана несколько выше, чем на нетронутых участках. Осенью наступает обратный эффект, что делает этот период наиболее подходящим для совершения погребальных ритуалов.

Точнее, самые идеальные условия наступают как перед началом замерзания почвы (в период с

15 сентября по 15 октября), когда температура воздуха ниже температуры почвы. В результате бурения скважины глубиной 2 м можно значительно понизить температуру в слоях почвы, что значительно ускорит её промерзание. К тому же, каменная насыпь будет способствовать дальнейшему ускорению процесса промерзания, выступая в качестве быстроработающей охлаждающей системы.

Таблица 1
Среднегодовые температуры [в °C] различных участков на разной глубине

	Курган	Участок Улан 1	Участок Улан 2
0.10 м	-3.23	-	-1.92
0.45 м	-2.74	-0.48	-1.89
0.80 м	-2.19	-0.56	-1.80
1.10 м	-1.62	-0.41	-
1.85 м	-1.44	-	-

Рис. 2. Вверху: погребальный комплекс Уландрый-II. Участки, где проводились измерения, отмечены черными точками. Внизу: три места, где были установлены температурные датчики

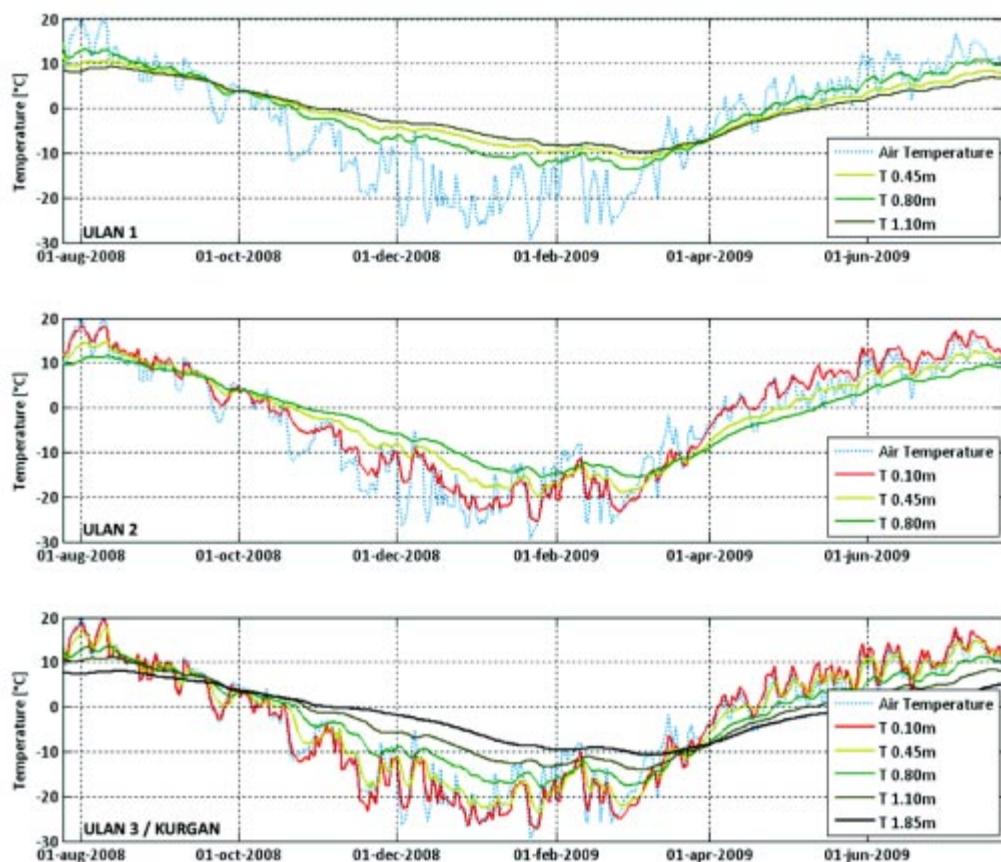

Рис. 3. Термальный режим для 3 участков, записанный с использованием температурных датчиков Hobo iButtons на разных глубинах. Обратите внимание на интервал во времени между глубиной и ослаблением сигнала

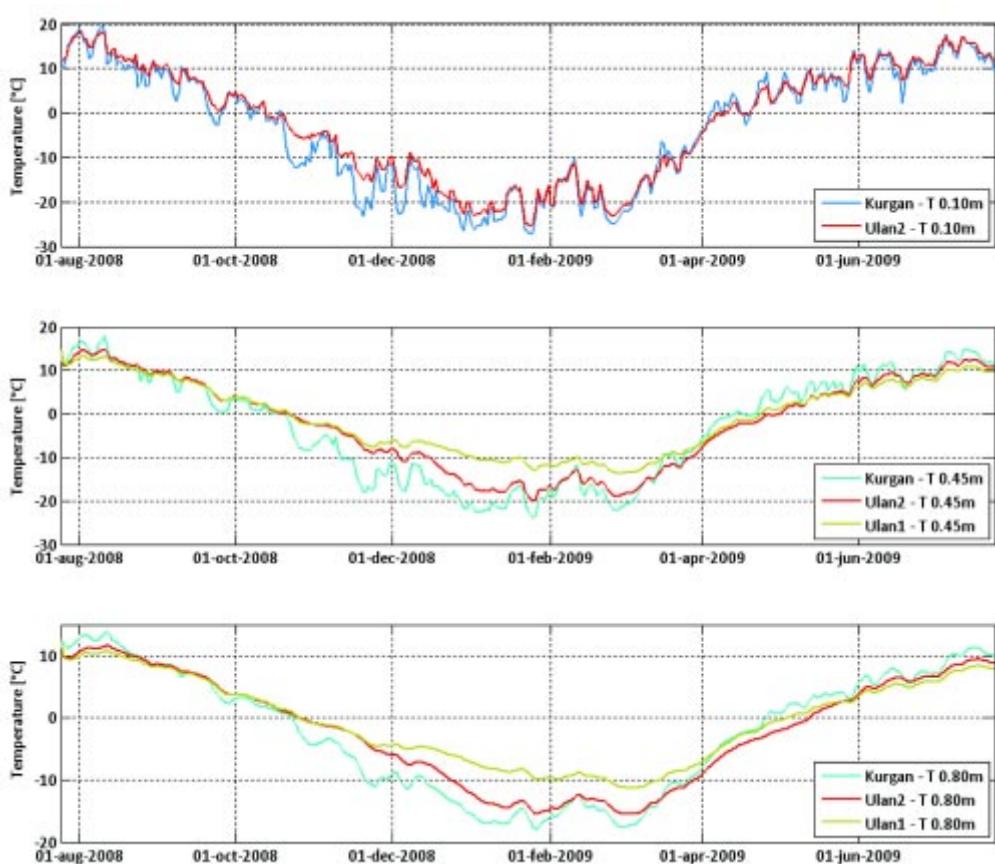

Рис. 4. Сравнение температурных показателей на глубине 0.10 м (поверхность), 0.45 м и 0.80 м

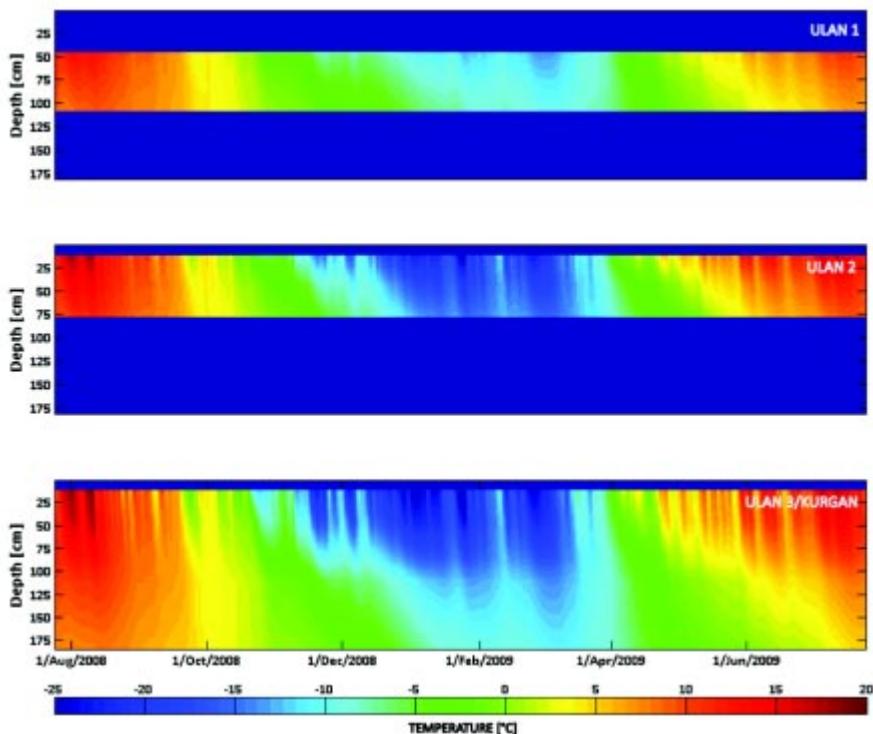

Рис. 5. Три термальных режима с археологического комплекса Уландрый-II. Цвета представляют соответствующие температуры. Темно синие полосы сверху и снизу представляют отсутствующие значения, для которых температурный сигнал не был получен

Библиографический список

- Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в Скифское время. — М-Л, 1953. — 404 с.
- Полосьмак Н. В. Стерегущие золото грифы. — Новосибирск, 1994. — 126 с.
- Кубарев В. Д. Археологические памятники бассейна Урсула: некоторые итоги и перспективы изучения // Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы. — Горно-Алтайск, 2007. — 338 с.
- Самашев, З., Джумабекова, Г., Базарбаева, Г., Онгар, А. Перспективы изучения курганов с мерзлотой в Казахстанском Алтае // Погребальные комплексы с мерзлотой в горах Алтая: стратегии и перспективы. — Горно-Алтайск, 2007. — 338 с.
- McCarthy, J. J., Canzani, O. F., Leary, N. A., Dokken, D. J. and White, K. S. 2001: Climate Change 2001: Impacts, Adaptation, and Vulnerability Report of IPCC Working Group II: Cambridge University Press.
- Marchenko, S. 2007: On Preliminary Permafrost Investigation in the Ulandryk Valley, Altai Mountains, within the framework of the UNESCO project «The Frozen Tombs of the Altai Mountains» in the summer of 2006. In Bourgeois, J. and Gheyle, W., editors, UNESCO report: The Frozen Tombs of the Altai Mountains, Phase 1: 2005-2006, 63-66.
- Goossens, R., Van De Kerchove, R., Bourgeois, J., Gheyle, W. and Ebel, A. V. 2009: Permafrost research in the valley of Dzhazator, and on the Plateaus of Tarkhata and Ukok (Russian Altay Mountains, Kosh Agatch District). internal report: Ghent University, Department of Geography.

Гентский университет, Бельгия
Горно-Алтайский государственный университет
Получено 17.11.09.

Van De Kerchove Ruben; Ebel A.V., Yurkova N.A.

MONITORING GROUND TEMPERATURES IN THE ULANDRYK VALLEY: EXAMINATION OF THERMAL LOWERING EFFECT OF A KURGAN

In this article the process of examination of thermal lowering effect of a kurgan with the help of data-loggers is described. The authors present results of a joint research work on monitoring ground temperatures in the Ulandryk Valley. Obtained temperature data clearly shows the divergent thermal behavior between the studied burial mound and the adjacent undisturbed soil.

permafrost, thermal regime, data-loggers, kurgan, divergent thermal behavior

УДК 902

A. Ю. Юдина

ГОСПИТАЛИ ГОРОДА РУБЦОВСКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе материалов, предоставленных Музеем медицины Алтая, рассказывается о госпиталях, располагавшихся в годы Великой Отечественной войны в городе Рубцовске.

эвакуация, госпиталь, профиль, хирургия, терапия

В последнее время часто можно услышать вопрос: «Каков же, в конце концов, предел человеческих возможностей? Что же способствует пробуждению у человека сверхъестественных сил?»? И, надо сказать, однозначно ответить на него очень и очень сложно. Вот этой сложностью нередко и пользуются, к сожалению, отдельные лица и называют на этом интересе людей немалые деньги. Но как бы-то там ни было сложно, ответить на поставленный выше вопрос все же можно. Для этого надо просто знать историю. А предел же человеческих возможностей, сил и веры, без преувеличения, проверила у советских людей Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

Эта беспримерная в истории проверка на прочность началась для советских людей на рассвете 22 июня 1941 года и она была связана с вероломным нападением фашистской Германии на СССР. С этого дня советские люди, где бы они ни проживали, «включились в испытание на прочность своих сил, на способность адекватно и экстренно решать поставленные войной вопросы, многие из которых еще никогда не стояли перед людьми так остро. Все это вместе взятое и понудило Советское государство, всех его граждан срочно перестроиться с мирной жизни на военный лад, чтобы обеспечить фронт всем необходимым: от снаряжения и провизии до техники и новых разработок и многоного другого. Но самое главное — это были люди. Тысячи и тысячи их, еще вчера мирно трудившихся в родных селах и городах, уже в тот же день вынуждены были взяться за оружие, чтобы выступить навстречу врагу, посягнувшему на их мир, свободу и независимость и захотевшему отнять у них все, что они имели, в том числе и их жизни. В этой круговорти войны,казалось, что определяющей силой в данной беспрецедентной бойне, с первых ее дней, стала только смерть. Но это было не так. Даже в условиях внезапного нападения, когда многое невозможного было предусмотреть, советские люди, где бы и в каких бы условиях не находились все же боролись за жизнь. Особенно это относилось к тем, кто боролся за жизнь раненых.

Военные медики (вместе с пришедшими в их ряды гражданскими медицинскими работниками), забегая несколько вперед, скажем, прошли всю войну, работая на пределе физических сил человека. Медицинская служба вынуждена была решать целый спектр вопросов: от организационных до научных. Ее работникам очень быстро стало ясно, что от четкой и слаженной их работы будет зависеть жизнь не только раненого, но и боеспособность армии и флота в целом. Поэтому одной из основных задач военной медицины стало с первых же дней войны быстрое возвращение в строй раненого солдата. И такой подход медперсонала лечебных учреждений всех уровней к своим обязанностям был обусловлен целым рядом причин. Во-первых, чисто военными. Возвращение солдата в строй давало ему преимущество перед новичком, только что призванного в Действующую армию. Дело в том, что ему не нужно было проходить курс молодого бойца, который проходил новобранец. Во-вторых, в условиях, в каких на-

чалась для СССР война, потерях, какие армия несла каждый день, проблема пополнения ее личным составом существенно осложнялась, ибо на место выбывших бойцов, встать порой просто было некому. Как это станет, к примеру, со временем при блокаде Ленинграда. Эти суровые законы войны с первых же дней войны поставили перед медиками сложные, порой невыполнимые задачи. Война преподнесла и им другой свой «сюрприз»: со временем стало очевидно, что лечение наиболее сложных ранений, требовавшие долгого времени, невозможно проводить в полевых армейских госпиталях, которые, в силу военных обстоятельств, постоянно перемещались с места на место. Наконец, они «маловместительными», а поток раненых тем временем увеличивался с каждым днем. В силу этих причин, и стала задача: создать дополнительные лечебные учреждения (госпитали) глубоко в тылу страны.

Осознав это, Совета Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) санкционируют создание таких и предписывают выделять под госпитали свободные помещения, а при отсутствии таких — помещения школ, вузов, домов культуры и отдыха и т.д. Так была создана в стране достаточно широкая сеть госпиталей для излечения раненых бойцов и командиров Советской Армии.

Были созданы они и в Алтайском крае, главным образом в городах и железнодорожных станциях, т.е. в населенных пунктах, имевших удобные транспортные артерии для приема раненых и отправки выздоровевших воинов на фронт. Этим условиям, наряду с Барнаулом и Бийском, соответствовал и небольшой алтайский г.Рубцовска, где и было размещено в годы войны пять эвакогоспиталей. Связь с фронтом они поддерживали с помощью переоборудованных санитарных вагонов, которым всюду по стране давался зеленый свет, т.е. они пропускались в первую очередь, но до «тихих районов» нужно было еще добраться. Большие санитарные поезда, шедшие медленно стали удобной мишенью для авиации противника — не спасал их и красный крест, свидетельствовавший о наличии в нем раненых. Такой же опознавательный знак имели и медики на своих санитарных сумках. Чтобы обеспечить маневренность и скорость санитарных поездов, уменьшили в них число вагонов (от 4 до 13 вагонов). Но на начальном этапе войны санитарные поезда продолжали подвергаться бомбардировкам [2, с. 58]. Именно такая беда случилась с эвакогоспиталем № 1396, направлявшимся из с. Ютановки, Курской области в Алтайский край, в г. Рубцовск. В пути следования состав, по докладу начальника эвакогоспиталя Эрдрайха Станислава Павловича, подвергся немецкой бомбардировке, в результате чего «было разбито восемь вагонов, пострадал личный состав, и был растерян архив, в том числе и медицинская документация». В Рубцовск госпиталь прибыл 5 ноября 1941 г. [1].

Однако прибытие в пункт назначения не избавило руководства госпиталя от дальнейших «бед и мытарств», продолжавшихся почти два месяца. Дело в том, что помещение под эвакогоспиталь не было заранее выделено. В силу этого, нормаль-

ное функционирование госпиталя началось лишь с 1 января 1942 г. Эвакогоспиталь №1396 был рассчитан на 300 койкомест. Профиль оказываемой в нем медицинской помощи был общехирургический: в нем оказывалась помощь раненым, у которых были поражены нижние конечности, а также имевшим ранение в живот. За январь 1942 г. в госпитале было пролечено 188 чел. На начало февраля в нем состояло на лечении 153 чел. Однако 10 февраля эвакогоспиталь был «свернут» и передислоцирован на Калининский фронт.

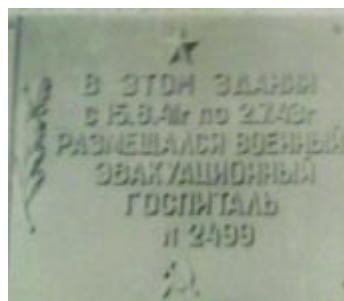
Но это был не единственный госпиталь, эвакуированный в Рубцовск из других областей Советского Союза. Был здесь и эвакогоспиталь №1319, сформированный 25 июня 1941 г. Смоленским облиздравотделом, в г. Березники, Козельского района, Смоленской области. 23 октября 1941 г. данный эвакогоспиталь прибыл в Рубцовск и находился в нем до 8 марта 1942 г. Начальником эвакогоспиталя 1319 был подполковник медицинской службы Дмитрий Матвеевич Арсеньев. Госпиталь был рассчитан на 400 чел. Его профиль — терапевтический, обще-хирургический. В нем оказывалась помощь бойцам, получившим ранение груди или нижних конечностей. Располагался данный эвакогоспиталь в зданиях трех школ и детского дома (по адресам: Гражданский переулок, дом 28 и Вокзальная улица).

Следующий эвакогоспиталь — №1757 — прибыл к нам, на Алтай из г. Волчанска, Харьковской области. Его начальником был Григорий Михайлович Дроздов. Госпиталь находился в здании сельхозтехникума и работал в нашем городе

с 11 октября 1941 до 1 марта 1942 г. После этого он был передислоцирован на Прибалтийский фронт. Эвакогоспиталь был рассчитан на 1000 мест. Его специализация — нейрохирургические травмы, а также ранения головы, позвоночника, глаз и конечностей.

Как известно, в годы войны нейрохирургия в СССР была достаточно молодой областью медицинской науки. Ее значение и важность особенно возросли в годы войны. Благодаря усилиям советских нейрохирургов, разработанным ими методам диагностики повреждений, извлечения осколков, были спасены жизни и здоровье тысяч и тысяч советских воинов, многие из которых снова вернулись на фронт [2, с. 72]. Те же, кто по состоянию здоровья не смог этого сделать, демобилизовавшись, стали трудиться в тылу, приближая своим трудом победу над врагом.

Следующий госпиталь, который был эвакуирован в г.Рубцовск, располагался в двух зданиях городской больницы, по ул. Карла Маркса, 186, в здании школы № 112, по ул. Вокзальной (ныне Комсомольской, 204) и в здании, по ул. Ленинской № 182 (ныне ул. Крупской). В них располагался эвакогоспиталь № 2499, которым руководила Красных Сара Михайловна. Данный госпиталь был сформирован 28 июля

Мемориальные доски госпиталей

Санитарная сумка

Реконструкция палаты (фрагмент)

1941 г., в г. Славгороде, а уже 15 августа 1941 г. он был в Рубцовске и находился здесь до 2 июля 1943 г. Профиль оказываемой им помощи был обще-хирургический, терапевтический и неврологический. Он был рассчитан на 400 койкомест.

И, наконец, пятый эвакогоспиталь — № 1232, — функционировавший в годы войны в нашем городе возглавляла Синичкина Анна Григорьевна. Он был сформирован

27 июля 1941 г., в Рубцовске. Он располагался в здании «Союзмуки» и в педучилище (ул. Вокзальная, 52, п/я 30, в/ч 728). Госпиталь обладал большой вместимостью — от 500 до 600 койкомест. Профиль эвакогоспитая — обще-хирургические, травматологические, неврологические, терапевтические болезни, верхние конечности и глазные заболевания. Работал он в городе до конца ноября 1943 г. 1 декабря 1943 г. эвакогоспиталь выбыл из Рубцовска и передислоцирован в г. Кирев, где и находился с 15 февраля 1944 г. до 1 октября 1944 г., успешно решая поставленные перед ним задачи: восстановление зоровья бойцов и командиров Советской Армии.

Как уже упоминалось выше, в тыловые госпитали, в том числе и находившиеся на территории Алтайского края, направлялись раненые с тяжелыми, требовавшими длительного и многоэтапного лечения ранений и повреждений, полученных воинами на полях сражений, требовавших сложных операций и длительного восстановительного периода после них. Такого рода ранения и повреждения в полной мере демонстрировали поражающие «возможности» новых ви-

Медицинские инструменты (фрагмент реконструкции операционной). Маска для наркоза

дов вооружений, применявшимися немецко-фашистскими войсками. Эти «поражающие свойства» нового оружия, сказывались не только на характере ранений, но и на результатах излечения повреждений полученных от его применения врачом. Дело в том, что как ни опытен был медработник, особенно хирург, но и он не в состоянии был все время одинаково и высоком уровне проводить разные операции, особенно в таком большом количестве, как требовалось. Именно в силу этого и делились госпитали по специализации», что, естественно, увеличивало качество оказываемой помощи и значительно сокращало время, требовавшееся для лечения (а ведь время лечения это не только срок выздоровления, это, в первую очередь, то время, которое человек терпит боль!).

Огромную помощь военным медикам оказывали и гражданские специалисты, которых в тыловых эвакогоспиталах было большинство. Это были не только врачи — специалисты и консультанты, но и весь младший медицинский персонал. В числе многих помогали раненым встать на ноги и рубцовские медики «разного ранга», в частности, Рауберг Анна Марковна, Ускова Анна Федоровна, Карбышева Мария Степановна, Тройняк Ольга Николаевна и др. Медицинским сестрам приходилось делать многое из того, что сейчас назвали бы мы «не входящим в прямые обязанности медработника»: они мыли и скребли полы, топили печи, стирали обмундирование, «мягкий инвентарь» (простыни, наволочки), бинты (в годы войны приходилось их стирать, сушить, дезинфицировать, скручивать и снова пускать их в дело). Словом, работы медперсоналу было очень много. А справившись со «своим делом», надо было браться и за другое: помогать раненым или самим писать за них письма домой, учитывая морально-психологическое состояние раненых, кормить их, выводить их на прогулку и т.д. и т.п. [2, с. 70].

Справившись с этими работами, надо было почти тут же вновь заниматься «прямыми обязанностями»: помочь хирургам на операциях, перевязывать раненых, ставить им уколы, раздавать лекарств, мыть раненых, дежурить в палатах тяжелых больных (приочных дежурствах — без права сна).

А ведь «мощность» госпиталей, находившихся в г. Рубцовске, колебалась от 100 до 500-600 и больше койкомест! Это значит, что сто, двести, триста человек ежеминутно требуют к себе внимания и ухода. Зная это, совсем по-другому видится такая скромная цифра, приведенная выше, — 188 человек были полностью вылечены в эвакогоспитале № 1396 за 30 дней.

Говоря о деятельности эвакогоспиталей, следует учитывать и их ма-

Бытовой инвентарь и самоваренное мыло

териальную обеспеченность. Но об этом в годы войны в тылу говорили мало. В жизни здесь действовали два правила: «с миру по нитке» (нужно же было и простыни, и подушки, и матрасы, и ложки, и умывальники и другое — все добывать самим) и «выдумка» (например, маска для наркоза (См.фото) — марля зажималась специальным нехитрым приспособлением, но требовался точный расчет дозы наркоза и умелые действия медиков; делались и самодельные капельницы).

Многие из вещей, использовавшихся тогда в госпиталях и упоминавшиеся в настоящей статье (а также фотографии), собраны в Музее медицины Алтая. Это единственный в крае, музей такого рода, хранящий память о людях, посвятивших свою жизнь медицинской работе, об интересных научных разработках и практическом их применении. Благодаря сотрудникам Музея, мы имеем сегодня возможность увидеть фотоснимки мемориальных табличек, находившихся по адресам госпиталей города. К сожалению, сами таблички, сделанные из металла, оказались в преде-

лах досягаемости «недобрых» человеческих рук и теперь «утрачены», ибо они исчезли в пучине пунктов по приему черных и цветных металлов.

Подводя итог всему сказанному выше, отметим, что всего в Рубцовске в годы войны — без учета времени пребывания в городе — функционировало пять эвакогоспиталей. Однако в «Энциклопедии Алтайского края» указаны почему-то только два: № 2499 и № 1232, неточно указан и их профиль почему-то «резервный», но главное — не указан срок дислокации ни одного из них [3]. Возможно, авторы данного издания учитывали только те госпитали, которые были сформированы в Алтайском крае. Но где бы ни был создан госпиталь — жители Рубцовска вложили немало труда для полноценного функционирования каждого из них, а по большому счету — вложили свой труд в дело достижения победы над врагом, для победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, к 65-летию которой мы будем отмечать 9 мая 2010 г..

Библиографический список:

1. Музей медицины Алтая в городе Рубцовске. Данные о мощности, сотрудниках, профиле госпиталей предоставлены сотрудниками музея — заслуженным врачом России директором музея Беккером Иваном Генриховичем и Алиферовой Татьянной Васильевной (статистические данные о госпиталях взяты из Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации Ф. 912 оп. 30313 д. 7).

Федерации Ф. 912 оп. 30313 д. 7). Все фотографии, использованные в статье, были сделаны автором в Музее медицины Алтая.

2. Марк Борисович Мирский «Обязаны жизнью». — М., Политиздат, 1991.
3. «Энциклопедия Алтайского края». В 2 т. / Под ред. В. Т. Мищенко. — Барнаул, 1996. Т. 2. с. 110-112.

Бийский государственный педагогический университет им. В. М. Шукшина
Получено 17.01.10.

A. Yu. Yudina

THE HOSPITALS IN RUBTSOVSK DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article, based on the materials given by the Medicine Museum of Altai, relates about the evacuated hospitals, dislocated in Rubtsovsk during the Great Patriotic war.

evacuation, hospital, type of hospital, surgery, therapeutics

РЕЦЕНЗИЯ

Священник Г. Крейдун. Алтайская Духованная миссия (АДМ) в 1830–1919 гг.: структура и деятельность. — М., 2008. — 200 с. + вкл.

История зарождения Алтайской Духовной миссии и ее последующая деятельность еще долго будут (что, вне всякого сомнения) привлекать внимание как церковных, так и светских историков. Порукой тому — огромная литература, которая имеется на сегодняшний день в распоряжении исследователей данной темы.¹ Учитывая это, вполне объяснимо, предположение, что трудно найти в данной теме сферу, которая бы не была освещена исследователями. И, тем не менее, таковая нашлась. Свидетельство тому — рецензируемая монография, которая принадлежит перу кандидата богословия, протоиерея о. Георгия (в миру Крейдун Юрий Александрович), не один год занимающегося изучением истории Алтайской Духовной миссии, которая торжественно отмечает в текущем году свое славно 180-летие со дня ее основания. Опираясь на солидную источниковую базу (ее составили для автора опубликованные труды его предшественников, а также архивные и этнографические материалы), Г. Крейдун скрупулезно, шаг за шагом, проследил историю создания, дальнейшее развитие и функционирование Алтайской Духовной миссии, уделив, при этом основное внимание ее административных,

богослужебных, просветительских и социальных структур на протяжении почти девяти десятилетий.

Благодаря исследовательским усилиям о. Георгия, нам, читателям, становятся не только ведомы, но и понятными та самоотдача и самопожертвование первых подвижников православной веры на просветительском поприще, имена многих из которых по сей день оставались неизвестными широкому читателю. Этим первоходцам пришлось вытерпеть все невзгоды, выпавшие на их долю и это, несмотря на то, что ряд правительенных решений в деле «политического и хозяйственного освоения окраинных земель» включал в этот процесс и распространение православия среди коренных народов Сибири, в том числе и Алтая. Это обстоятельство нашло яркое отражение в рецензируемой работе: на богатом фактическом материале автором показано, что миссионерство стало уделом «немногих пастырей, трудившихся на ниве просвещения (духовного и образовательного) с ущербом для своего здоровья, терпя материальные нужды и неблагополучие». Особенно в сложной положении, что весьма убедительно обосновано в книге, находились миссионеры, трудившиеся в Горном Алтае: его природно-климатические условия воистину требовали чрезвычайной самоотдачи и напряжения всех моральных и физических сил, что, в свою очередь, справедливо подчеркивает о. Георгий, способствовало более полному раскрытию талантов сотрудников Алтайской Духовной миссии. Именно в силу этого, заявляет автор монографии, — с этим нельзя не согласиться, — изучение истории Алтайской Духовной миссии приобретает не только региональное, но и общечерковное значение. Это обстоятельство отметил в свое время миссионерский съезд, проходивший в 1910 году в Иркутске и подведший итоги миссионерской деятельности не только «подвижников Христовой веры» не только на Алтае, но Русской Православной церкви в течение всего XIX столетия и первое десятилетие XX века. Тогда деятельность Алтайской Духовной миссии по праву получила всеобщее признание, а сама АДМ была названа «образцом и руководителем для других миссий». Это заключение съезда убедительно раскрыто автором рецензируемой работы: им показано как за несколько десятилетий на Алтае была создана система церковных учреждений, позволившая исполнять как прямые миссионерские функции миссионерских приходов (проповедь, крещение, пастырское окормление и др.), так и повышать уровень грамотности коренного населения края, готовить собственные кадры, проводить социальную работу и т.д.

После октября 1917 года в истории Алтайской Духовной миссии, как и Русской Православной церкви в целом, наступила «черная полоса». После 1920 года она прекратила свою деятельность, хотя отдельные ее служители продолжали «окормлять свою паству». В числе таких служителей можно назвать иеромонаха Валентина (Галитовского), «окормлявшего уланскую и чулышманскую паству» (он умер в начале

30-х гг. и похоронен на кладбище в селе Чибит, Уланский район, Республика Алтай), священника-миссионера Бирюлинской церкви Стефана Чевалкова. В 1929 году он был в очередной раз арестован и уже не вернулся к своей пастве. Тогда же был арестован и весь причт улалинского храма Всемилостивейшего Спаса. Но, несмотря на упразднение миссионерских учреждений и храмов, дело просветителей Алтая не исчезло бесследно: оно осталось в памяти народа и в документах, и ждало, как часто говорят сегодня, своего времени. Остались и люди, которые хранили православную веру. Терпя гонения, они ждали «своего времени». И оно, как известно, наступило.

Сегодня, справедливо подчеркивает автор рецензируемой работы, осталось мизерное число живых свидетелей бескорыстных и самоотверженных трудов сотрудников Алтайской Духовной миссии. Поэтому главными источниками в деле изучения истории и деятельности АДМ — по прошествии почти столетия со дня прекращения ее деятельности являются архивные и опубликованные материалы. И, говоря об этом, протоиерей Георгий дает в своей книге не только исчерпывающую информацию об архивных фондах Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК), но характеризует собрания, содержащие необходимые для исследователя истории Алтайской Духовной миссии, ее влияния на социально-экономическое и культурное развитие коренного населения Горного Алтая. Один лишь пример. Так, автор, характеризуя «Клировые ведомости церквей...», помогает, по существу будущим исследователям, сообщая им, что «Ведомости», помимо сведений о храмах, содержат и другие данные, в частности, т.е., когда они были построены, на чьи средства, из какого материала, как оснащены, какую имели утварь, располагали ли они школами и библиотеками и т.д.

Не продолжая перечень положительных моментов рецензируемой работы (их она содержит еще много), сделаем, как положено в таких случаях, итоговый вывод. Он же будет единственным и вполне закономерным: выход монографии «Алтайская духовная миссия в 1830–1919 гг.: структура и деятельность». — М., 2008., автором которой является кандидат богословия, протоиерей о. Георгий (в миру Крейдун Юрий Александрович), является несомненным вкладом в дело изучения истории Алтайской Духовной миссии, в устранение еще одного «белого пятна» в истории АДМ. Он также способствовал, и это вне всякого сомнения, существенному приращению источников базы по истории зарождения и дальнейшей деятельности на Алтае миссионерской структуры Русской Православной Церкви — Алтайской Духовной миссии, которой исполняется в текущем году 180 лет со дня ее основания. Наконец, рецензируемая работа окажет несомненную помощь тем, кто занимается изучением истории Алтайской Духовной миссии и Русской Православной церкви в целом.

*Н. С. Модоров, доктор исторических наук, профессор
Горно-Алтайский государственный университет*

¹ Подробнее об этом см.: Адлыкова А. П. Монастыри Алтайской Духовной миссии во второй половине XIX—начале XX в. — Горно-Алтайск, 2003; Вербицкий В. И. Очерк деятельности Алтайской Духовной миссии по случаю 50-летнего юбилея (1830–1880) // Памятная книжка Томской губернии 1885 года. — Томск, 1885; Из духовного наследия алтайских миссионеров. — Новосибирск, 2000; Кацюба Д. В. Алтайская Духовная миссия: Вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. — Кемерово, 1998; Нестеров С. В. Жизнь и труды алтайского миссионера архимандрита Макария (Глухарева) и актуальные основы его духовного наследия. — М., 2005 и др.

29 января 2010 года исполнилось 125 лет со дня рождения выдающегося исследователя-археолога С. И. Руденко. Сергей Иванович Руденко родился 29 января 1885 г. в Харькове. Позже семья переехала в Пермь, где Руденко-гимназист начал этнографическое изучение башкир. Эти исследования он продолжал и обучаясь в 1904–1909 гг. на естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета. В 1908 г. в Париже была опубликована первая работа молодого ученого по этнографии. В том же году он принял участие в изучении Мезинской палеолитической стоянки, получив навыки археологических раскопок. По окончании университета С.И. Руденко в течение года занимался этнографическими и антропологическими исследованиями среди хантов, манси и ненцев Нижнего Приобья, произвел раскопки остьяцкого могильника близ Обдорска.

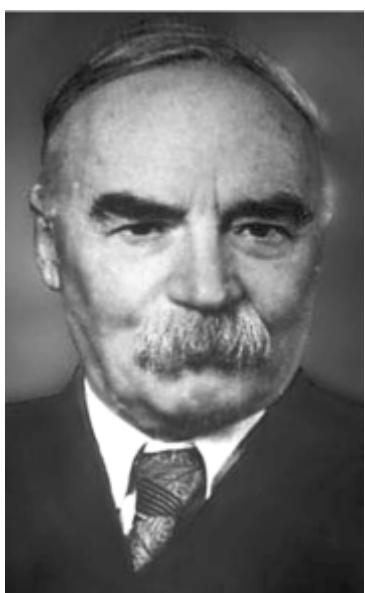
Оставленный в университете для подготовки к профессорскому званию, С. И. Руденко в 1913–1914 гг. посетил Турцию, Сирию, Палестину, Египет, Италию, в течение года слушал лекции и занимался антропологическими исследованиями в Париже. Вернувшись в Россию, Сергей Иванович преподавал на кафедре географии и антропологии Петербургского университета. В 1915 г., участвуя в почвенно-ботанической экспедиции на Урал, он произвел раскопки знаменитых Прохоровских курганов. В 1918 г. за работу «Башкиры» ему была присуждена степень магистра географии.

С этого времени научная деятельность С. И. Руденко оказывается тесно связанной с Сибирью. В 1919 г. он избирается профессором Томского университета по кафедре географии, а позже становится деканом физико-математического факультета. В 1920 г., приняв участие в комплексной экспедиции в Минусинскую котловину, Сергей Иванович производил раскопки тагарских курганов. После избрания в 1921 г. заведующим этнографическим отделом Русского музея и, одновременно, заведующими кафедрой антропологии и этнографии Петроградского университета, С. И. Руденко возвратился в Петроград. В это время он активно работал в Особом комитете по исследованию союзных и автономных республик, где в числе других руководил Алтайской экспедицией. Тогда же ученый был избран старшим научным сотрудником ГАИМК.

В 1924 г. С. И. Руденко впервые приехал на Алтай. Ему шел сороковой год. Позади было много лет плодотворной напряженной работы в антропологии, этнографии и археологии. Сергей Иванович не был археологом в узком современном понимании, он был блестящим эрудированным, широко образованным Географом, в объект исследований которого входили как люди, современные ему, и древние, так и природные условия среды в которой эти люди жили. Именно в чрезвычайно широком подходе ученого к историко-этнографическим вопросам, в тесной увязке их с естественно-географическими условиями и проявилось своеобразие Руденко-историка.

За всеми работами ученого виден не только его талант, но и исключительно большой труд. В 1934 г. кроме С. И. Руденко и А. Н. Глуховой Алтайская экспедиция Русского музея состояла всего из двух сотрудников-студентов и проводника-алтаяца. Путь был составлен так, что проходил через районы Восточного Алтая, в то время еще не вписанный географически. Продвигаясь на лошадях по маршруту Улала — Кебезень — Артыбаш — р. Чулышман и далее долиной р. Улаган на р. Башкаус — Курайский перевал — р. Чуя и вверх по ней в Чуйскую степь — верховье р. Байлюгем — ур. Язула на р. Чулышман — Телецкое озеро, отряд на всем пути провел барометрическое нивелирование, что позволило вычертить профиль проведенного маршрута; было составлено геоморфологическое описание края и собрана коллекция горных пород; выяснились границы распространения высокогорной тундры и территории, пригодные для скотоводства и земледелия; была составлена маршрутная карта распространения различных видов почв, в связи с границами распространений растительных сообществ, собрана коллекция почвенных образцов и гербарий. Экспедиция посетила тубаларов, теленгитов и казахов. По заданию Комиссии АН по изучению племенного состава населения СССР были выяснены границы расселения и численность этих народов Алтая. Их быт и особенности расселения изучались в тесной связи с окружающими природными условиями. Была собрана значительная коллекция вещей, проводились антропологические обмеры.

Этот длинный список работ Алтайской экспедиции 1924 г., состоявшей лишь из пяти человек, все же не полон. Ведь тогда же был открыт и раскапывался могильник Кудырге, велись раскопки в разных пунктах на р. Ула-

125 лет со дня рождения С. И. Руденко

ган, в том числе и в долине Пазырык, проводились другие археологические работы.

Не менее напряженно трудилась Алтайская экспедиция и в 1925 г. когда отрядом С. И. Руденко была изучена западная часть бассейна р. Катунь, А. Н. Глухов продолжил исследование могильника Кудыргэ, а М. П. Грязнов провел свою первую археологическую разведку по рекам Бии и Оби. В 1927 г. работало два отряда: С.И. Руденко в южной части Горного Алтая, М. П. Грязнов и М. Н. Комарова — в долине р. Урсул, где ими был раскопан Шибинский курган.

Алтайская экспедиция открыла Пазырыкские курганы в 1924 г. Тогда проводилось географическое изучение долины, брались пробы грунтов, для чего производилась шурфовка возле больших насыпей. Велись раскопки мелких археологических объектов. Удаленность урочища от населенных пунктов и возможность добраться туда только выручными тропами первоначально заставляли отказаться от крупномасштабных раскопок. Подкурганная мерзлота на Алтае была известна давно. В 1927 г. ее обнаружили в Шибинском кургане, схожем по размерам с Пазырыкскими, но расположенным в зоне более мягкого климата. Следующая экспедиция С. И. Руденко на Алтай, организованная в 1929 г., начала раскопки большого кургана на Улаганском нагорье. Не случай, а точный научный расчет привел ученого к открытию: первый Пазырыкский курган, с большой тщательностью исследованный М. П. Грязновым под непосредственным руководством С. И. Руденко, дал небывалый по характеру, сохранности и объему материал, с немалым трудом вывезенный по р. Чулышману, через Телецкое озеро и далее на плотах вниз по р. Бии.

Обработка уникальных находок только началась, когда в августе 1930 г. ученый был надолго оторван от своих исторических исследований. Судьба бросила его в Карелию. Потом были исследования в Гидрологическом институте (в 1945 г. Сергей Иванович получил за них степень доктора технических наук); блокадная зима 1941 г., когда С. И. Руденко, назначенный начальником одного из отделов гидрометеослужбы Ленинградского фронта, занимался прогнозами ледового режима Дороги жизни; возвращение в ИИМК, эвакуация и работа по изучению культуры народов Чукотки и Камчатки. С 1944 г. Сергей Иванович возобновил преподавание в Ленинградском университете. Тогда же в «Известиях АН СССР» появилась его первая после тридцатилетнего перерыва статья по истории — «Скифская проблема и алтайские находки». Без преувеличения можно сказать, что эта тема была выношена и выстрадана ученым, надолго оторванным от Алтая. С. И. Руденко ясно понимал, что сделано открытие мирового значения, что необходим новые раскопки в Пазырке.

В 1947 г. стала возможной поездка на Алтай. Экспедиция состояла из самого С. И. Руденко, его жены Н. М. Руденко, принимавшей участие во всех полевых исследованиях с 1925 г., и С. А. Семенова. Курганную мерзлоту тогда же изучал специальный отряд Института мерзлотоведения в составе четырех человек. Начав раскопки второго Пазырыкского кургана, С. И. Руденко смог завершить их только на следующий год, одновременно вскрыв третий и четвертый курганы. Шестидесятилетний ученый с удивительной энергией воспользовался предоставленной ему возможностью вести исследования на Алтае. Об интенсивности научного

трудка С. И. Руденко в это время говорит такой факт: книга «Второй Пазырыкский курган» была издана Эрмитажем в год окончания его раскопок. Последний из больших Пазырыкских курганов пятый изучался в 1949 г. На следующий год экспедиция, возглавляемая С. И. Руденко, раскопала два Башадарских кургана, а в 1954 г. — два Туэтинских. Тогда же отрядом А. А. Гавриловой был доследован большой Катандиский курган.

В результате этих работ был получен совершенно исключительный по обилию, разнообразию и научной ценности материал. Была выявлена самобытная и богатая культура племен Алтая скифского времени с их удивительным искусством и обширнейшими связями с цивилизациями Ближнего Востока и Китая. В 1954 г. ученый был награжден орденом «Знак почета».

Научная прозорливость исследователя не случайна, как не случайны были открытие Пазырыка или раскопки алтайского палеолита. По сути дела, Усть-Канская пещера была первым гротом, замеченным С. И. Руденко с дороги. Но не надежда на случайный успех или простое любопытство, а истинное научное предвидение привело ученого к раскопкам этого памятника в 1954 г. Соглашаясь с выводом предшествующих исследователей о том, что чарышские пещеры вряд ли могли быть населены теми животными, остатки которых в них обнаруживали, С. И. Руденко понимал, какое открытие должно ждать археолога в Усть-Канской пещере, и сделал его.

Причина научной прозорливости С. И. Руденко заключалась в умении проводить широкое, всестороннее изучение объектов, привлекших внимание ученого. В его работах гуманитарные исследования, как ни у кого другого, тесно взаимосвязаны с естественными и техническими, что позволяло подойти к археологическим источникам с разных сторон. Так, при раскопках в Пазырыке и в ходе обработки полученных материалов, были проведены исследования в следующих областях: мерзлотоведение, ботаника и палеоботаника, палеозоология, гипнология, антропология, дендрохронология, радиоуглеродное датирование, трассология, спектральный и метаклограммический анализ металлов; специальному изучению подвергались ткани. Вместе с тем, проводилось изучение находок и традиционными археологическими методами, привлекались этнографические данные и письменные исторические источники. Тщательному анализу и всестороннему описанию подвергалось искусство пазыркцев, а также художественные изделия, попавшие на Алтай из других областей. И везде С. И. Руденко проявлял себя как крупный специалист.

По объему научных работ, посвященных Алтаю, с С. И. Руденко не может сравниться ни один советский археолог. Его статьи и книги о горноалтайских курганах публиковались в ГДР, Италии, Китае, Швейцарии, неоднократно издавались в США. Творческое долголетие исследователя удивительно. Ученый победил страсть. Последняя книга С. И. Руденко об алтайских находках вышла в 1968 г., за год до смерти, когда ему шел восемьдесят четвертый год.

В нестареющих монографиях С. И. Руденко об Алтае его жизнь, полная напряженного творческого труда, торжества и негасимой энергии. В этих книгах сохранилось обаяние человеческой личности автора. В них — бессмертие ученого, для которого годы, связанные с Алтаем, были одними из лучших в его жизни.

**Приглашаем Вас к участию в сборнике научных статей
«Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв.»,
посвященном 65-летию д.и.н., профессора
Валерия Анатольевича Скубневского**

Проблематика публикуемых статей, рецензий и другой научной информации имеет междисциплинарный характер и касается широкого круга проблем, связанных с историей Сибири XVII — начала XX вв.: политических, экономических, социокультурных и др.

Ответственные редакторы сборника:

д.и.н., проф. Гончаров Юрий Михайлович
к.и.н., доц. Шайдуров Владимир Николаевич

Срок предоставления текстов — 30 апреля 2010 г.

Технические требования:

- 1) Редактор текста: Microsoft Word, файл просьба сохранять в формате RTF. Параметры страницы: бумага А4; поля: сверху, снизу, слева и справа 2,5 см.
- 2) На первой странице — инициалы и фамилия автора, слева. Заглавие статьи — шрифтом Times New Roman 14 пт., полужирный, прописные буквы, абзац отцентрованный.

3) Основной текст — шрифт Times New Roman 12 пт. Абзац: выравнивание по ширине; интервал 1,5; первая строка — абзацный отступ 0,5 см (устанавливается автоматически в диалогическом окне Формат/Абзац/Специальные/Первая строка).

Все выделяемые фрагменты текста, например, существенные термины, даются разрядкой: Формат/Шрифт/Интервалы между знаками/Разрядка/2,0 пт. Не рекомендуется употреблять подчеркивание или полужирный шрифт.

4) Номера страниц — вверху страницы, по центру. Шрифт номеров страниц — Times New Roman 10 пт.

5) В конце текста идет список использованной литературы в алфавитном порядке — сначала литература на русском языке, потом литература на иностранных языках. В случае использования аbbreviations в названии журналов, сборников, архивов, необходимо первый раз давать полное название.

6) Сноски оформляются в квадратных скобках в конце предложения, внутри скобок: фамилия автора — пробел — год издания — номер страницы (номера страниц), например: [Шаповалов 2000, 15]. Автоматические сноски не допускаются.

7) Цитаты даются в кавычках (не курсивом). Цитаты объемом три строки и больше подавать в виде блочного текста: шрифт Times New Roman 10 пт., выравнивание по ширине; первая строка — отсутствие абзацного отступа; абзацные отступы слева и справа 1 см; интервал 1,5. Интервалы от главного

текста — перед и после 12 пт. Пропущенные фрагменты надо обозначить тремя точками в квадратных скобках.

8) Все имена собственные упоминаемых или цитируемых авторов подавать в виде инициалов: Р. Якобсон, А. Нагурко, Н.А. Васильев и т.д. В случае повторного упоминания автора инициал имени не повторяется — подается только фамилия.

9) К тексту доклада могут прилагаться иллюстрации в электронном виде (формат JPG, разрешение не менее 300dpi, объем иллюстрации не более 1 Мб). Иллюстрация должна иметь заголовок. Таблицы, включенные в текст, должны быть по объему не более 0,3 стр.

10) Убедительная просьба к авторам:
не пользоваться стилями MS Word,
не устанавливать отступов табуляцией или пробелом,

избегать использования букв с диакритиками, не пользоваться специальными шрифтами, не использовать автоматический перенос слов

11) Объем статей от 15 до 20 тыс. печ. знаков (с пробелами).

12) Статья представляется в электронном виде по адресам (просьба высыпать в оба адреса одновременно): lena@hist.asu.ru (Гончарова Елена Захаровна и yuriig@yahoo.ru (Гончаров Юрий Михайлович) с пометкой: Современное историческое сибиреведение.

Телефон для справок — 8-903-995-76-71 (Гончаров Юрий Михайлович).

К тексту просим присоединить (в том же файле):

- а) Инициалы и фамилия автора, заглавие статьи на английском языке;
- б) Резюме (300–500 знаков) на русском и английском языках;
- в) Ключевые слова (5–8) на русском и английском языках;
- г) Сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, учченое звание, учченая степень, место работы, должностность, телефон для связи, e-mail.

**Обращаем внимание на то, что материалы,
несоответствующие требованиям, не будут приняты к публикации.**

Сборник планируется издать в августе 2010 г. в Санкт-Петербурге.

Презентация сборника состоится в сентябре 2010 г. в г. Барнауле.